UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in
book pocket

-LIBIEINDST-NASHEI-LIK

PARTIAL TITLE

COPY

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

LUX LIBERTAS

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG2973
.S772
1868

27 ц/80

a 00003 069486

30502
2

1) Страховъ Н Бѣдность нашей литературы

2)

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
APR 2 2 1997	OCT 2 3 '97		

Form No. 513, Rev. 1/84

PG2973
.S772
1868

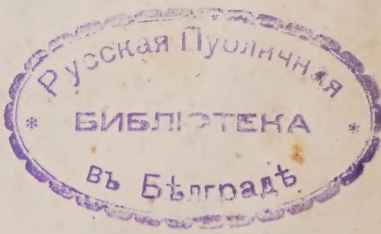
Biednost' nashej literatury

БѢДНОСТЬ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

30002
2

КРИТИЧЕСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. СТРАХОВА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
—
1868.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 14-го апрѣля 1868 г.

Въ типографіи Н. Неклюдова. В. О., 8 л., д. № 25.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Различныя стороны нашей бѣдности 1

II. О произведеніяхъ, «недостойныхъ» хорошей литературы 11

III. Современная бѣдность 22

IV. Общій ходъ нашей литературы 30

V. Нигилизмъ. Причины его происхожденія и силы 45

VI. Нѣчто о Пушкинѣ, главномъ сокровищѣ нашей литературы. 54

VII. Вредный характеръ нашей литературы . . . 68

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/piesnistarogopak00droz

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

I. Различныя стороны нашей бѣдности.

Бѣдна наша литература и скудно наше умственное развитіе:

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

Эта старая пѣсня — нѣтъ-нѣтъ да и отзовется у насъ особенно громко, какъ будто что-то новое. Непонятною для насъ самихъ силою держится Русь, съ непонятною для насъ самихъ крѣпостію выдерживаетъ она разныя испытанія и дѣлаетъ успѣхи и пріобрѣтенія. И при каждомъ такомъ случаѣ, при каждомъ испытаніи, при каждомъ успѣхѣ, въ насъ болѣзненно пробуждается сознаніе нашей духовной несостоятельности, и мы восклицаемъ: «какъ мы бѣдны мыслью и духомъ!»

Мы чувствовали себя почти польщенными, когда, по случаю нашихъ успѣховъ въ Средней Азіи, какой-то англійскій журналъ замѣтилъ, что нужно радоваться нашимъ пріобрѣтеніямъ въ этихъ дикихъ странахъ, ибо-де русскіе все-таки народъ цивилизованный и принесутъ порядокъ и миръ въ эти дикія населенія. Во время послѣдняго польскаго возстанія долго мы перебирали оружіе нашего духовнаго арсенала, какъ выражался одинъ журналъ, и остались весьма недовольны его скудостію. Вотъ и теперь пріѣздъ къ намъ славянъ и успѣхи нашего языка и нашего вліянія въ славянскихъ земляхъ опять возбудили въ

насъ стыдъ и смущеніе. Газета «Москва» уже не одинъ разъ напоминаетъ намъ, что мы должны печалиться и чувствовать себя униженными. Почему Россія и русскій языкъ такъ притягиваютъ славянъ? Что̀ мы для нихъ? «Многочисленное племя—отвѣчаетъ Москва (см. 1867 г. № 86)—независимая держава, внѣшняя сила, возможность вещественной защиты отъ угнетеній — и только!» «Но гдѣ же самостоятельное притяженіе, которое долженъ бы оказывать нашъ языкъ на соплеменныя народности въ силу своего историческаго призванія?» «Нравственно покорить можетъ только внутреннее содержаніе языка, духовная жизнь, въ немъ проявляющаяся, отраженіе въ немъ общественныхъ нравовъ, науки, искусства, словомъ — литература. Итакъ, какой печальный приговоръ надъ нашей литературой произносится настоящими событіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ какой приговоръ произносится и надъ всею жизнію, въ ней отражаемою! Какой урокъ, какое предостереженіе дается намъ на будущее время!»

Итакъ, и радость намъ не въ радость, а въ стыдъ; лестное, по видимому, событіе не подымаетъ нашей народной гордости, не прибавляетъ намъ самоувѣренности, а, напротивъ, наводитъ уныніе... Явленіе, надъ которымъ сто́итъ остановиться. Нельзя сказать, чтобы оно было слишкомъ просто, чтобы мы вполнѣ ясно понимали его источники и хорошо видѣли, къ чему должны насъ вести подобныя печальныя настроенія.

Нѣтъ сомнѣнія, важную роль играетъ здѣсь та постоянная потребность самоосужденія, самообличенія и даже самооплеванія, которая составляетъ одну изъ чертъ русскаго характера. Самодовольство и самовосхваленіе для насъ нестерпимы; напротивъ, для насъ составляетъ пріятное препровожденіе времени всячески казнить самихъ себя, не давать себѣ ни въ чомъ пощады, прилагать къ себѣ самыя высокія требованія. Малымъ насъ не удовлетворишь; шагъ за шагомъ мы идти не умѣемъ; подавай намъ все сразу, а не то мы и слушать, и смотрѣть не станемъ. И такъ-какъ за маленькимъ гоняться не сто́итъ, а большое не такъ

то легко дается, то мы и предпочитаемъ сидѣть сложа руки и — ругаться.

Куда насъ приведетъ подобное настроеніе, это одинъ Богъ вѣдаетъ. Требовательность къ самому себѣ, недовольство собою — конечно, черты прекрасныя, подающія хорошую надежду. Но оставимъ эту таинственную точку зрѣнія, съ которой особенность народнаго характера можетъ быть истолкована равно и въ хорошую и въ дурную сторону. Возьмемъ дѣло съ точекъ зрѣнія болѣе общихъ и простыхъ.

Чувство нашей духовной несостоятельности еще не есть доказательство такой несостоятельности. Оно вѣдь прежде всего свидѣтельствуетъ только, что мы не можемъ разсмотрѣть, состоятельны мы или нѣтъ. Можетъ быть, мы вполнѣ состоятельны въ духовномъ отношеніи; русскому человѣку хочется въ это вѣрить; даже, въ сущности, онъ не можетъ этому не вѣрить, если не желаетъ лишиться всякой опоры для своей мысли и дѣятельности. Но вполнѣ достовѣрно то, что мы не сознаемъ этой состоятельности и, если она есть, не умѣемъ ни видѣть ее ясно и отчетливо, ни выражать ее опредѣленно и твердо. Сколько было писано, напримѣръ, по польскому вопросу! Казалось, всѣ стороны его были взвѣшены и разобраны. А между тѣмъ, едва-ли сдѣлались ходячими и прочно утвердились въ нашихъ умахъ тѣ черты его, въ силу которыхъ видно, что польское дѣло рѣшено исторіею въ нашу пользу вслѣдствіе нашего нравственнаго превосходства надъ поляками, а не въ слѣдствіе одного перевѣса внѣшней силы. Еще недавно, на славянскомъ съѣздѣ, какимъ яркимъ и неожиданно-рѣшительнымъ показался простой аргументъ князя Черкасскаго: пусть поляки въ Галиціи сдѣлаютъ для крестьянъ то, что́ русскіе сдѣлали для польскихъ крестьянъ въ Польшѣ!

Итакъ, первая наша бѣдность есть бѣдность сознанія нашей духовной жизни. Мы одинаково не знаемъ ни ея дурныхъ, ни ея хорошихъ сторонъ, и осуждаемъ ее огуломъ, безъ разбора. Драгоцѣннѣйшія черты этой жизни,

прекраснѣйшіе ея зачатки для насъ неясны, и потому все равно что не существуютъ.

Легко видѣть, что изъ недовѣрія къ своей духовной жизни, изъ сомнѣній въ ея состоятельности, должны возникать нѣкоторыя печальныя слѣдствія. Необходимо возникаетъ пренебреженіе къ ея явленіямъ, высокомѣрное и невнимательное отношеніе къ нимъ. Что́ бы ни совершалось вокругъ насъ, какія бы формы ни принимала та трудная, глубокая и медленная борьба, которая называется жизнью, мы ничего не удостоиваемъ полнаго вниманія, все считаемъ пустяками. Презрительно смотримъ мы на движеніе, вокругъ насъ совершающееся; ни къ чему у насъ нѣтъ теплаго, живаго участія. Такимъ образомъ, вторая наша бѣдность есть бѣдность уваженія и безпристрастія, совершенная потеря способности цѣнить явленія по ихъ достоинствамъ; а на мѣсто ея намъ дана одна способность пренебрегать и осуждать.

При этомъ обнаруживается почти полный недостатокъ чувства собственной отвѣтственности, того чувства, которое одно можетъ быть плодотворно при такомъ положеніи вещей. При мысли о нашей духовной бѣдности, казалось бы, каждому должна приходить на умъ его собственная духовная бѣдность; казалось бы, каждый долженъ былъ смиряться и употреблять всѣ усилія, чтобы накопить кой-какія богатства и уйти отъ общаго приговора. Но ни чуть не бывало. Роль судьи такъ легка и соблазнительна, что всѣ лѣзутъ въ судьи, и эти судьи забываютъ, что они въ то же время и подсудимые. Никто не припоминаетъ предложенія, нѣкогда посрамившаго строгихъ судей: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ пусть броситъ первый камень». Невозможно иногда надивиться при видѣ того, изъ какихъ тучь летятъ у насъ камни и громы. Не люди, богатые духовными силами, укоряютъ другихъ въ бѣдности и бездѣйствіи, а, напротивъ, бѣднѣйшіе изъ бѣдняковъ подымаютъ хулу на тѣхъ, кто еще кой-что имѣетъ и кой-что дѣлаетъ.

Такимъ образомъ, чувство нашей духовной бѣдности, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, порождаетъ у насъ явленія, не подстрекающія и усиливающія наше развитіе, а напротивъ, такія, которыя его задерживаютъ и подавляютъ. По евангельской притчѣ о талантахъ, всякому имѣющему дастся и пріумножится, а у неимѣющаго отымется и то, что онъ имѣетъ. Будучи бѣдны духовною жизнью, мы, въ то же время, оказываемся бѣдными ея сознаніемъ, уваженіемъ къ ея явленіямъ и чувствомъ собственной отвѣтственности.

Дѣло будетъ яснѣе, если мы приложимъ эти сужденія къ болѣе опредѣленному предмету. Заговоривъ о нашемъ духовномъ безсиліи, «Москва», въ частности, коснулась нашей литературы, и вотъ какими чертами характеризуетъ она ея бѣдность (см. 1867 г. № 97).

«Приступитъ славянинъ къ нашему письменному богатству — что же онъ найдетъ? Два-три истинно-великихъ художника; два-три писателя съ порывами къ истинно-самостоятельному мышленію; нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій — больше изъ диссертацій, обезпечивающихъ вступленіе въ профессуру; нѣсколько произведеній изъ жанра, въ родѣ разсказовъ г. Успенскаго и отчасти драмъ самого г. Островскаго — этихъ попытокъ дагеротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карикатуру въ перлъ созданія. Затѣмъ довольно переводовъ, неотличающихся вѣрностію подлинникамъ; еще болѣе бельлетристическихъ произведеній, не отличающихся дарованіемъ, наконецъ творенія Бѣлинскаго, Чернышевскаго и tutti quanti — недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. И только. Академія издаетъ свои труды на французскомъ и нѣмецкомъ; университеты съ благоразумной экономіей остерегаются давать публикѣ, пропорціонально числу своихъ профессоровъ, хотя бы двадцатую долю того, что даютъ пропорціонально числу своихъ дѣятелей заграничные университеты. Словомъ, наука даже не въ дѣтствѣ, а въ младенчествѣ; не можетъ до сихъ поръ покончить споръ даже о томъ, съ чего должно начинать учиться; публицистика не въ авантажѣ обрѣдается... Немного и непривлекательно...»

Затѣмъ «Москва» начинаетъ мечтать, что́ будетъ если русская рѣчь, какъ теперь можно надѣяться, получитъ въ славянскихъ земляхъ полное гражданство, и русскій языкъ распространится въ населеніяхъ этихъ земель.

«Съ тѣмъ вмѣстѣ — говоритъ Москва — разовьется и русская письменность, но разовьется тамъ. Оттуда будемъ мы получать увѣсистые волюмы самостоятельныхъ научныхъ произведеній; тамъ будутъ лучшіе органы самостоятельной періодической печати; тамъ явятся блестящія бельлетристическія произведенія; словомъ, тамъ будутъ наши и мыслители, и публицисты, и поэты. Мы окажемся въ хвостѣ, въ положеніи Бельгіи относительно Франціи; и самый нашъ языкъ, по неизбѣжному закону, подчинится вліянію наиболѣе дѣятельной среды. Вмѣстѣ того, чтобы наложить свою печать на другія племена, мы будемъ обречены понести на себѣ чужой отпечатокъ, и стихъ Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, недостигшихъ умѣнья владѣть вполнѣ образованною рѣчью!»

Сдѣлаемъ сперва оговорку.

Мы вовсе не хотимъ, что называется, отдѣлать «Москву» за легкость ея мнѣній относительно русской литературы вообще и Пушкина въ особенности. Въ настоящемъ случаѣ, насъ ни мало не обуреваетъ полемическій задоръ. Притомъ легкая газетная замѣтка, вызванная текущими событіями, не можетъ быть обсуждаема, какъ обстоятельное, отчотливое мнѣніе; да въ ней нѣтъ и той опредѣленности, съ какою выразилось бы подобное мнѣніе. Признаемся откровенно: мы просто придираемся къ случаю, чтобы поговорить о предметѣ, сильно насъ интересующемъ.

Прежде всего въ словахъ уважаемой нами газеты, конечно, слѣдуетъ видѣть выраженіе того высокомѣрія и невниманія, съ которымъ славянофилы всегда смотрѣли на нашу литературу—высокомѣрія и невниманія, давно заявляемаго и всѣмъ извѣстнаго. Источникъ этого пренебреженія также извѣстенъ. Всѣ знаютъ, какъ высоко ставятъ славянофилы русскій народъ, какія великія ожиданія они

на него возлагаютъ, какія огромныя силы ему приписываютъ. И вотъ именно въ силу этихъ великихъ ожиданій и требованій, наше настоящее умственное движеніе является имъ мелкимъ и скуднымъ. Славянофилы не вѣрятъ въ нигилистическій переворотъ Петра; они думаютъ, что Россія крѣпка и живетъ все еще старыми началами, на которыхъ складывалась и развивалась ея прежняя жизнь. И вотъ именно изъ-за этого уваженія къ прошедшему, изъ желанія придать бо́льшій смыслъ и бо́льшую цѣльность русской исторіи, они недовѣрчиво смотрятъ на явленія новаго времени.

Но мы не будемъ останавливаться на этихъ особенныхъ взглядахъ, не станемъ разсматривать того, на столько ли правильно дѣлается приложеніе ихъ къ русской литературѣ, на сколько они вѣрны въ своихъ основахъ. Возьмемъ дѣло проще, съ обыкновенныхъ точекъ зрѣнія.

Въ приведенныхъ нами словахъ «Москвы» есть факты, поразительно обнаруживающіе нашу умственную бѣдность. И вопервыхъ, слова эти, конечно, еще не всякому вполнѣ докажутъ скудость и слабость нашей литературы; но несомнѣнно доказываютъ они скудость и слабость нашего пониманія своей литературы; изъ нихъ ясно, что мы не знаемъ своей литературы, что у насъ не выработано прочныхъ, ясныхъ понятій о тѣхъ, хотя бы и скудныхъ и неблистательныхъ явленіяхъ, которыя составляютъ эту литературу. Сопоставленіе г. Островскаго съ г. Успенскимъ и Бѣлинскаго съ Чернышевскимъ, сопоставленіе лукавое, сдѣланное по той же манерѣ и съ тѣми же цѣлями, какія въ сильномъ ходу въ нашихъ юмористическихъ журналахъ, представляющее явное подражаніе тому остроумію, которое такъ часто сводитъ на одну доску г. Аксакова и г. Аскоченскаго, г. Каткова и г. Скарятина, подобное сопоставленіе въ такомъ серьезномъ органѣ, какъ «Москва»,— фактъ достопримѣчательный. Оно показываетъ, что даже самыя крупныя явленія нашей литературы не получили надлежащей оцѣнки, не разграничены, не выяснены въ своемъ значеніи. Газета «Москва» въ приведенныхъ сло-

вахъ какъ будто дѣлаетъ слѣдующій вызовъ: а ну-те-ка, покажите намъ, какое различіе между вашимъ хваленымъ Островскимъ и г. Успенскимъ, между прославленнымъ Бѣлинскимъ и г. Чернышевскимъ?

Бѣдная литература! Бѣдная критика! Ни одного твердо сложившагося мнѣнія, ни одного общепризнаннаго авторитета! У славянофиловъ и у западниковъ мы вездѣ находимъ одинаковое незнаніе нашего умственнаго и художественнаго движенія. Одинъ журналъ ссылается на Бѣлинскаго какъ на столпъ просвѣщеннаго западничества, и по прямой линіи производитъ отъ него тургеневскаго Потугина, стремящагося спасти Россію ва время сказаннымъ, нужнымъ словомъ; другой журналъ видитъ въ Бѣлинскомъ истинно-русскаго человѣка и толкуетъ его слова въ совершенно славянофильскомъ духѣ; третій, наконецъ, ставитъ его на одну доску съ утопистомъ Чернышевскимъ. Мы могли бы привести не мало и другихъ примѣровъ, еслибы не боялись, что они, относясь къ такому темному и смутному дѣлу, будутъ совершенно неясны для читателей.

Ясно одно: наша критика, то-есть сознаніе нашего движенія, оцѣнка различныхъ его явленій, находится въ жалчайшемъ положеніи; она не выработала никакихъ точныхъ, общепринятыхъ результатовъ.

И опять вѣдь не то! Пожалуй, критика и не виновата. Читатели согласятся съ нами, что если порыться въ нашей бѣдной литературѣ, то найдется въ ней не мало страницъ, въ которыхъ отчетливо и обстоятельно излагаются значеніе г. Островскаго, отношеніе его къ прежнимъ писателямъ, сущность того переворота, который онъ сдѣлалъ въ русской сценѣ, сила или слабость тѣхъ возраженій, которыя можно противъ него сдѣлать. Найдутся также страницы, въ которыхъ по заслугамъ оцѣнивается дѣятельность Бѣлинскаго, указываются періоды этой дѣятельности, вліянія, подъ которыми она находилась, и отдѣляется то, что́ въ ней было напускного и фальшиваго, отъ чистаго золота, добытаго этимъ талантомъ. Что касается до г. Чер-

нышевскаго, то, по особымъ обстоятельствамъ, о немъ мало было писано; но и о немъ кое-что найдется, во всякомъ случаѣ на столько-то найдется, чтобы провести различіе между нимъ и Бѣлинскимъ.

Да, эти страницы найдутся; но только кто же ихъ станетъ искать? У кого окажется на столько сильно уваженіе къ нашей литературѣ и на столько слабо пренебреженіе къ ней, что онъ займется этимъ, какъ серьезнымъ дѣломъ, что онъ не побрезгаетъ имъ, какъ брезгаетъ всѣмъ русскимъ тургеневскій Потугинъ? Не покажется ли большинству даже смѣшнымъ человѣкъ, которому бы вздумалось взяться за столь маловажное занятіе? Мы помнимъ, какъ одинъ московскій журналъ, изъ самыхъ серьезныхъ и уважаемыхъ, укорялъ другой журналъ, петербургскій, между прочимъ и за то, что тотъ «все толкуетъ о русской литературѣ, да объ Островскомъ». И когда еще сдѣланъ былъ упрекъ? Въ самый разгаръ всякихъ толковъ и споровъ. Теперь же положеніе дѣла въ десять разъ хуже. Если имена Островскаго и Бѣлинскаго, случайно приходя на умъ, вызываютъ лишь высокомѣрное пренебреженіе, то кто же вспомнитъ объ ихъ цѣнителяхъ и критикахъ? Бѣдная литература, бѣдная критика!

Наконецъ насъ смущаетъ еще одно обстоятельство весьма яркаго свойства. Г. Чернышевскій считается у насъ писателемъ вреднымъ и сочиненія его нелѣпыми фантазіями. Другое дѣло Бѣлинскій. Слава его, какъ знатока и вѣрнаго цѣнителя произведеній нашей литературы, имѣетъ у насъ большую прочность и большое распространеніе; кстати, — въ нынѣшнемъ году печатается третье изданіе полнаго собранія его сочиненій. Безъ сомнѣнія, эти сочиненія составляютъ настольную книгу каждаго учителя русской словесности въ каждой русской гимназіи. Спрашивается теперь, какъ переваритъ въ своей головѣ такой учитель или его питомецъ сопоставленіе Бѣлинскаго съ г. Чернышевскимъ? Какой смыслъ онъ можетъ найти въ этомъ сопоставленіи, и какъ выйдетъ изъ путаницы понятій, которая въ немъ неминуемо возбудится? Если онъ повѣритъ

«Москвѣ», то онъ долженъ будетъ думать, что Бѣлинскій если не столь же вреденъ, то по крайней мѣрѣ столь же неоснователенъ, какъ г. Чернышевскій. А гдѣ же основанія? Куда онъ обратится для того, чтобы съ сознаніемъ дѣла отречься отъ своего прежняго руководителя и замѣнить его указанія новыми? Гдѣ онъ найдетъ книги и статьи, которыя бы замѣнили ему двѣнадцать томовъ ясной, отчотливой рѣчи Бѣлинскаго?

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду заступаться за Бѣлинскаго и выставлять его заслуги; мы завели рѣчь о немъ для того только, чтобы выяснить слѣдующій фактъ: существуютъ у насъ люди, пожалуй, цѣлая партія мыслящихъ людей, для которыхъ сочиненія прославленнаго Бѣлинскаго суть не что иное, какъ недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего прискорбнаго. Даже пріятно воображать, что есть у насъ люди, имѣющіе право на подобное высокомѣріе, что есть такіе взгляды на русскую литературу, которые своею глубиною, жизненностью и цѣльностью совершенно затмѣваютъ взгляды Бѣлинскаго. Понятно, что такіе люди должны враждебно относиться къ авторитету Бѣлинскаго, считать его славу за фальшивое явленіе, которое должно современемъ пасть и развѣяться. Но вотъ что́ непонятно и прискорбно: почему же не пишутъ эти люди? Не составляетъ ли это прямого ихъ долга, не лежитъ ли это на ихъ отвѣтственности? Слава Бѣлинскаго растетъ и укрѣпляется; изданіе слѣдуетъ за изданіемъ—а враждебная партія молчитъ. Нѣтъ въ нашей литературѣ ни изложенія взглядовъ этой партіи на литературу, ни ея суда надъ Бѣлинскимъ, такого суда, который бы основательно и отчотливо опредѣлялъ значеніе знаменитаго критика и не давалъ бы увлекаться его, по мнѣнію партіи, неосновательными сочиненіями.

Только иногда, когда случайно приведетъ ихъ къ тому теченіе рѣчи, люди, враждебно относящіеся въ славѣ Бѣлинскаго, дѣлаютъ о немъ пренебрежительный отзывъ, до такой степени пренебрежительный, какъ будто больше говорить о немъ они почитаютъ даже ниже своего достоин-

ства. Точно они только нарочно дразнятъ его почитателей, только желаютъ вызвать въ нихъ недоумѣніе и негодованіе...

И вотъ въ какомъ положеніи дѣло относительно такой огромной знаменитости, какъ Бѣлинскій, относительно человѣка, памяти котораго нашъ первый современный писатель г. Тургеневъ посвятилъ своихъ Отцовъ и Дѣтей, подобно тому, какъ нѣкогда Бориса Годунова Пушкинъ посвящалъ драгоцѣнной для Россіянъ памяти Карамзина...

Какъ тутъ не скажешь: бѣдная литература! бѣдная критика! [1])

II. О произведеніяхъ, «недостойныхъ» хорошей литературы.

Бѣдна наша литература, но какого рода эта бѣдность? Бѣдность ли это старика, котораго всѣ труды были безплодны, или бѣдность юноши, еще мало успѣвшаго испробовать свои силы? Бѣдность ли это внутренняя, то-есть

---

[1]) Кстати объ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго; обращаемъ вниманіе почтенныхъ издателей на то, что эти изданія все больше и больше переполняются опечатками самыми грубыми и досадными, а именно—искажающими не одни слова, но и смыслъ рѣчи. Положимъ, что это недоваренные объѣдки чужихъ мыслей, но такъ-какъ наша литература еще не переварила ихъ, то желательно было бы читать ихъ не спотыкаясь на каждой страницѣ и не разыскивая того, гдѣ наборщику угодно было пропустить частицу не и тѣмъ дать рѣчи обратный смыслъ, и дѣйствительно ли онъ вмѣсто слова ручаться поставилъ болѣе модный глаголъ ругаться. Изданія Бѣлинскаго представляютъ одно изъ самыхъ плачевныхъ доказательствъ того, что перепечатки постепенно искажаютъ текстъ и что, слѣдовательно, гуттенбергово изобрѣтеніе еще не освобождаетъ печатающихъ отъ необходимости слѣдить за смысломъ печатаемаго и вполнѣ понимать его.

скудость духовнаго содержанія, которая можетъ сочетаться съ довольно блестящимъ внѣшнимъ обиліемъ, или же это бѣдность внѣшняя, подъ которой скрываются богатые и глубокіе задатки?

Каждый согласится, что на сколько легко указывать вообще на бѣдность нашей литературы, на столько трудно характеризовать эту бѣдность въ частности, опредѣлить ея дѣйствительныя черты, настоящее положеніе дѣла. Бѣлинскій, который знаменитъ тѣмъ, что лишилъ нашу литературу многихъ мнимыхъ богатствъ, и въ силу своего удивительнаго эстетическаго пониманія, строго опредѣлилъ ея дѣйствительныя богатства, часто указывалъ на особенности этихъ немногихъ сокровищъ. Онъ говорилъ, напримѣръ, что мы гораздо богаче крупными талантами, чѣмъ второстепенными, которые могли бы, по видимому, являться чаще первыхъ, что у насъ много является писателей, подающихъ надежды, но рѣдко эти надежды сбываются, что самые большіе наши дѣятели, по какой-то таинственной судьбѣ, рано умираютъ, чему доказательство — Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, что, наконецъ, наша литература развивается необыкновенно быстро, что въ какія-нибудь десять лѣтъ вкусы и требованія читателей успѣваютъ совершенно измѣниться. Все это совершенно вѣрно; и каждая изъ этихъ чертъ имѣетъ глубокій смыслъ, представляетъ указаніе на существенныя особенности нашего литературнаго развитія. Ясно, что это развитіе имѣетъ нѣкоторый судорожный, неправильный, какъ-бы чѣмъ-то подавленный и однако неудержимо рвущійся ходъ; это литература, почему-то не могущая ни на чемъ остановиться, не дающая зрѣть своимъ талантамъ, не успѣвающая крѣпнуть и развиваться въ опредѣленныхъ формахъ. Только сильные таланты, крѣпкіе сами собою, успѣваютъ дѣлать свое дѣло въ такой литературѣ; мелкіе она сбиваетъ съ толку, ибо не даетъ образоваться никакой рутинѣ и быстро доходитъ до конца всякой разъ проторенной дороги.

Итакъ эта бѣдность есть бѣдность совершенно особен-

ная, своеобразная. Разсматривая ея черты, можетъ быть, можно открыть весьма серьезныя основанія для надеждъ на будущее. Если мы, наиримѣръ, убѣдимся, что та безостановочность и быстрота развитія, о которой такъ часто говорилъ Бѣлинскій, имѣетъ мѣсто и до сихъ поръ, то уже это одно будетъ свидѣтельствомъ сильной живучести нашей литературы. Если мы взвѣсимъ всѣ препятствія, которыя эта литература встрѣчала въ своемъ развитіи, то, можетъ быть, найдемъ, что она не мало и сдѣлала. Можетъ быть, окажется, что удивительнымъ образомъ въ этой литературѣ сказалась душевная мощь великаго народа, того народа, который Европа до сихъ поръ считаетъ варварами и который въ лицѣ своихъ образованныхъ представителей самъ впадаетъ иногда въ сомнѣніе и сокрушеніе относительно своихъ духовныхъ силъ.

Собственно говоря, вотъ полный объемъ задачи для того, кто заговорилъ о нашей духовной бѣдности. Если мы дѣйствительно великій народъ, если таковы наши надежды и притязанія, то наша литература должна представлять задатки великой литературы. Такъ или иначе, въ ней должны найтись черты той силы, которую мы за собою признаемъ, должны открываться широкія и могучія стремленія, достойныя великаго народа. Открыть и уяснить эти задатки и стремленія—вотъ задача, хотя можетъ быть и весьма трудная, но настоящая задача для того, кто хотѣлъ бы вполнѣ объяснить намъ нашу бѣдность.

Каждая вещь должна быть судима на основаніи ея самой. Ничего нельзя понять ни въ какомъ дѣлѣ, если мы будемъ становится на чуждыя ему точки зрѣнія, если будемъ прикидывать къ нему чуждыя ему мѣрки. Бѣлинскій потому и вѣренъ во многихъ своихъ сужденіяхъ, потому и пріобрѣлъ свою славу, имѣлъ сильное вліяніе и многое сдѣлалъ, что онъ—несчастный!—сливался душой съ этою бѣдною литературою, жилъ ея скудною жизнью, принималъ ея дѣла въ сурьезъ самый сурьезнѣйшій. Но только такъ и можно вполнѣ вѣрно понимать литературныя стремленія. Не будемъ брезгать ими и смотрѣть на нихъ свы-

сока; только тогда мы поймемъ ихъ настоящее значеніе. Литература есть дѣло органическое; ея недостатки тѣсно граничатъ съ ея достоинствами, и тамъ, гдѣ высокомѣрный взглядъ видитъ лишь больное мѣсто, въ дѣйствительности, можетъ быть, окажется здоровое и глубокое усиліе организма избавиться отъ худосочія.

Такъ на сей разъ случилось съ «Москвою». Какъ на какое-то темное пятно въ нашей литературѣ она указываетъ на драмы самого (ея слово) Островскаго. Эти драмы, какъ извѣстно, составляютъ самую значительную и, пропорціонально объему, самую лучшую часть нашего репертуара; ими, главнымъ образомъ, пробавляются наши столичные и провинціальные театры. Но что́ же это за богатство? Что́ въ нихъ хорошаго? По словамъ «Москвы», это не болѣе, какъ «попытки дагеротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карикатуру въ перлъ созданія».

Упрекъ, по видимому, мѣткій. Въ самомъ дѣлѣ, вообще говоря, нельзя не согласиться съ Добролюбовымъ, что міръ драмъ г. Островскаго есть темное царство, царство, изобилующее уродствами быта и рѣчи. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что не думалъ г. Островскій обличать это царство, какъ полагалъ Добролюбовъ, а именно хотѣлъ нѣкоторымъ образомъ возвести его въ перлъ созданія. По выраженію Ап. Григорьева, это былъ культъ изображаемаго быта, попытка схватить всѣ его живые и поэтическіе моменты.

Многимъ это не нравилось. Обыкновенный, ходячій упрекъ г. Островскому заключается въ низменности изображаемаго имъ быта. Все купцы да купцы!.. И вотъ этотъ давнишній упрекъ, какъ нарочно повторяется при такихъ обстоятельствахъ, которыя, казалось бы, должны были очень поразить упрекающихъ и подсказать имъ болѣе правильное пониманіе дѣла.

Кому неизвѣстно, что г. Островскій съ нѣкотораго времени измѣнилъ свою дѣятельность? Онъ какъ будто послушался своихъ всегдашнихъ корителей. Онъ бросилъ

презрѣнную прозу и пишетъ стихами; онъ покинулъ своихъ купцовъ и выводитъ намъ на сцену дворянъ, бояръ, воеводъ, царей; онъ уже не изображаетъ намъ семейныхъ драмъ темнаго царства, а представляетъ историческія событія, государственные перевороты.

Что же, лучше вышло? Обогатилась русская литература? Увы! «Москва» говоритъ такъ, какъ будто этихъ стихотворныхъ драмъ, изображающихъ высокія лица и дѣянія, вовсе не существуетъ на свѣтѣ; «Москва» помнитъ только бытовыя драмы, возводящія въ перлъ созданія уродства быта и рѣчи. И это совершенно справедливо; именно этими драмами былъ и будетъ извѣстенъ г. Островскій; именно онѣ составляютъ его главную и неотъемлемую заслугу. А изъ этого слѣдуетъ, что не даромъ онъ прежде такъ упорно держался этой области, не даромъ избралъ ее и въ ней работалъ. Это было правильное, правдивое, а потому и плодотворное приложеніе его таланта.

Для ясности припомнимъ нѣкоторые аналогическіе факты изъ исторіи нашей литературы—ибо, вѣдь, наша бѣдная литература уже имѣетъ свою исторію, и притомъ весьма поучительную, хотя и мало извѣстную и мало понимаемую. Когда Пушкинъ издалъ «Повѣсти Бѣлкина», то ему дѣлали упреки, совершенно подобные упрекамъ, дѣлаемымъ г. Островскому за бытовыя драмы. Юный тогда Бѣлинскій приходилъ въ отчаяніе. «Вотъ передо мною лежатъ—писалъ онъ—Повѣсти, изданныя Пушкинымъ: неужели Пушкинымъ же и написанныя? Пушкинымъ, творцомъ «Кавказскаго Плѣнника», «Бахчисарайскаго фонтана», «Цыганъ», «Полтавы», «Онѣгина» и «Бориса Годунова»? Правда, эти повѣсти занимательны, ихъ нельзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелестнаго слога, отъ искусства разсказывать; но онѣ не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки». «Словомъ. — прибавляетъ опечаленный критикъ, —

...Прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!»

Изъ повѣстей, собственно только первая: Выстрѣлъ достойна имени Пушкина» (Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 323).

Итакъ, эти повѣсти признаны недостойными имени Пушкина, и ясно изъ-за чего: изъ-за низменности лицъ и событій, ими изображаемыхъ, изъ-за того, что критикъ видитъ въ нихъ фламандской школы пестрый соръ. Такъ точно г. Островскому говорятъ въ наши дни, что сочиненія его недостойны русской литературы, недостойны именно по причинѣ быта, имъ изображаемаго.

Извѣстна затѣмъ исторія съ Гоголемъ. Даже мало свѣдущимъ въ нашей словесности, конечно, памятны упреки, которые дѣлались Гоголю за сальность его изображеній, за то, что въ его произведеніяхъ нѣтъ лицъ добродѣтельныхъ и свѣтлыхъ, а одни только подлецы и дураки. Но тутъ сила того таинственнаго процеса, который порождаетъ у насъ произведенія, по видимому, недостойныя великой литературы, обнаружилась гораздо яснѣе. Извѣстно, что Гоголь самъ пытался покинуть ту низменную сферу явленій, которая выпала на долю его таланта, пытался подняться въ болѣе высокія области и изобразить намъ людей добродѣтельныхъ и свѣтлыхъ, представителей «несмѣтнаго богатства русскаго духа». Попытка эта должна была совершиться во второй части «Мертвыхъ Душъ». Извѣстно далѣе, что Гоголь не совладалъ съ этою попыткою, и умеръ въ то самое время, когда она лежала на его душѣ, такъ что неудача въ его усиліяхъ въ той или другой степени, очевидно, содѣйствовала его смерти.

Тайну своей борьбы и своей неудачи Гоголь хотѣлъ унести съ собою въ могилу, и потому сжегъ уже вполнѣ готовую рукопись второй части своей поэмы. По счастію, сохранился однакоже списокъ нѣкоторыхъ главъ, и онѣ были напечатаны, хотя уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти автора. Поученіе, которое можно извлечь изъ этихъ отрывковъ и вообще изъ всей этой грустной исторіи, казалось бы, не должно быть забыто. Мы попробуемъ изложить его по указаніямъ г. Писемскаго, который, будучи

самъ одаренъ художественнымъ дарованіемъ, былъ, такъ сказать, кровно заинтересованъ въ дѣлѣ. Когда вышли отрывки второй части «Мертвыхъ Душъ», онъ написалъ критическую статью (1855), въ которой объяснилъ, въ чемъ состоялъ грѣхъ Гоголя. Грѣхъ былъ въ томъ, что, обладая способностію юмора, Гоголь «не оперся исключительно на нее въ своихъ созданіяхъ», что онъ «какъ бы испугавшись будто-бы безсмысленно-грязнаго и исключительно соціально-сатирическаго значенія своихъ прежнихъ твореній, и снѣдаемый желаніемъ непремѣнно сыскать и представить идеалы, обрекъ себя на трудъ упорный, насильственный»; что онъ принялся за созданіе лицъ, которыя «внѣ его средствъ».

Эта измѣна своему таланту была глубоко противна художественному чутью г. Писемскаго. Выписавъ страницу, на которой изображается «чудная славянская дѣва», Улинька, дочь генерала Бетрищева, онъ весьма справедливо говоритъ:

«Описаніе это, по моему мнѣнію, ниже самыхъ напыщенныхъ описаній великосвѣтскихъ героинь Марлинскаго, потому что тамъ, по крайней-мѣрѣ, видно болѣе знанія дѣла и наконецъ положено много остроумія. Тонъ рѣчи этой восьмнадцатилѣтней дѣвушки превосходитъ фальшивостію самое описаніе».

Статья заключается нравоученіемъ, которое вполнѣ вытекаетъ изъ басни и которое

Не худо завсегда бы помнить.

«Въ заключеніе, говоритъ г. Писемскій, могу пожелать всѣмъ намъ, писателямъ настоящаго времени, призваннымъ проводить животворное начало Гоголя, или внести въ литературу свое новое,—одного: чтобы, имѣя въ виду ошибки великаго мастера, каждый шелъ по избранному пути, не насилуя себя, а оставаясь къ себѣ строгимъ въ эстетическомъ отношеніи, говорилъ, сообразуясь съ средствами своего таланта, публикѣ правду» (Соч. Писемскаго, т. II, стр. 273).

Правда, чистая, строгая правда—вотъ требованіе, которое въ лицѣ г. Писемскаго высказало русское словесное художество. И кто знаетъ нашу литературу, тотъ не можетъ сомнѣваться, что это же требованіе обращаетъ къ себѣ каждый русскій художникъ. Припомнимъ здѣсь кстати еще словцо того же писателя, которому, по нѣкоторой особенности его таланта, привелось высказать нѣсколько откровенностей, можетъ быть, грубыхъ, но искреннихъ и значительныхъ. Г. Писемскій вывелъ себя самого на сцену въ романѣ «Взбаламученное Море». Онъ разсказываетъ, какъ онъ читалъ свою повѣсть «Старческій грѣхъ», и заставляетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, нѣкотораго умнаго и многоопытнаго старца, произнести такой приговоръ его таланту, что путь, котораго онъ, г. Писемскій, держится, есть единственный честный путь.

Великъ здѣсь порывъ авторскаго самолюбія, но его не только можно извинить, а можно найдти достойнымъ всякаго уваженія, если мы поймемъ, на какомъ поприщѣ это самолюбіе состязается съ другими. Въ чемъ наши художественные писатели стремятся превзойти одинъ другого? Въ честности отношенія къ дѣлу, въ неподкупной правдивости, въ строгости къ самому себѣ, въ точномъ сообразованіи своихъ усилій со средствами своего таланта.

Такова наша бѣдная литература! Невозможно не замѣтить того тяжкаго и упорнаго труда, который она на себѣ несетъ. Русскіе художники признаютъ для себя требованія непомѣрно высокія; они работаютъ, исполненные какой-то религіозной боязни отступить отъ правды; они не смѣютъ прибѣгнуть ни къ единому рутинному пріему, ни къ малѣйшему облегченію своего труда посредствомъ готовыхъ, привычныхъ формъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ выставить нѣкоторыя произведенія нашей литературы на образецъ всему міру. Можно поравняться съ ними въ правдивости, но превзойти ихъ невозможно.

Если же такъ, то изъ этого мы можемъ понять, что̀ значитъ для нашего художника выборъ предметовъ, которые онъ возводитъ въ перлъ созданія. Не по произволу совер-

шается такой выборъ; онъ совершается честно. Поэтому нужно поставлять за славу писателю, если онъ строго держится границъ своего таланта; напротивъ, горе тому, кто ихъ покидаетъ!

А отсюда слѣдуетъ, напримѣръ, что нельзя упрекать г. Островскаго за бытъ, который онъ воспроизвелъ въ своихъ драмахъ: если вы ихъ признаете въ извѣстной мѣрѣ художественными произведеніями, то должны вмѣстѣ признать за заслугу г. Островскаго то, что онъ держался именно этого быта, а не какого другого. Онъ честно служилъ дѣлу, и слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ подпасть презрительному отзыву.

Но отчего же, спроситъ читатель, наши правдивые писатели избираютъ все такіе низменные предметы? Отчего они не подарятъ намъ ничего возвышеннаго, величаваго? «Зачѣмъ же—какъ уныло говорилъ самъ Гоголь—изображать бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни?» Когда же, наконецъ, предстанетъ передъ нами «несмѣтное богатство русскаго духа»? Скоро ли?

Предметъ такъ высокъ, что жутко становится говорить о немъ. Надо такъ полагать, что придется намъ еще подождать порядкомъ. Гоголь обѣщалъ скоро, «еще въ сей же поэмѣ», то-есть въ «Мертвыхъ Душахъ». Но онъ не сдержалъ обѣщанія, а намъ теперь даже странно, что онъ его сдѣлалъ.

Все это весьма достойно вниманія. Была, значитъ, въ нашей литературѣ минута такого возбужденія и напряженія, когда поэтъ горячо вѣровалъ въ несмѣтное богатство русскаго духа, когда онъ считалъ себя на столько прозрѣвающимъ въ это богатство, что смѣло обѣщалъ поставить его передъ глазами читателя. Это обѣщаніе какъ будто сдѣлала намъ сама русская литература въ лицѣ одного изъ своихъ великихъ представителей. По всему этому нужно полагать, что она его сдержитъ.

Но мы ясно теперь видимъ, что Гоголь самъ не могъ сдержать этого обѣщанія. Не таковы были его силы, и главное не таковъ былъ неизбѣжный, неотвратимый пово-

ротъ, который совершался въ нашей литературѣ. Въ самомъ поэтѣ это, очевидно, былъ порывъ назадъ, къ Пушкину. Его Ульяна задумана по Татьянѣ. Но идти назадъ, идти противъ развитія невозможно.

Теперь, послѣ всего того, что̀ сдѣлано въ нашей литературѣ, обѣщаніе Гоголя звучитъ какой-то дерзкой, такъ сказать, героической наивностію. Теперь, когда мы такъ глубоко переболѣли всякими муками анализа и жаждой правды, насъ мудрено было бы обмануть такимъ обѣщаніемъ.

Мы вѣримъ въ «несмѣтное богатство русскаго духа», но потому самому считаемъ болѣе приличнымъ не торопиться этимъ дѣломъ и не сокрушаться заранѣе. Ждали долго, подождемъ и еще. Дѣло, какъ видно, не шуточное и не маленькое, коли съ разу не дается. Если это—несмѣтное богатство, то пусть оно и будетъ несмѣтнымъ, неисчерпаемымъ, а не такимъ, которое легко было бы представить «въ сей же поэмѣ». Будемъ вѣрить, а до тѣхъ поръ постараемся только не обманывать себя мнимыми богатствами, постараемся честно и строго смотрѣть на свое дѣло.

Ядо́витый процесъ этого неудовлетворенія и стремленія, который переживаетъ наша литература, начался, какъ мы замѣтили, въ Пушкинѣ, въ кульминаціонной точкѣ нашего литературнаго развитія. Онъ первый оставилъ возвышенныя сферы, которыя, по видимому, были ему сроднѣе, чѣмъ кому-либо, первый принялся за жанръ, за пестрый соръ фламандской школы, или, по его выраженію, подмѣшалъ воды въ свой поэтическій бокалъ. Въ величайшемъ нашемъ писателѣ сказалась вдругъ потребность какого-то отрезвленія, и съ тѣхъ поръ она царитъ въ нашей литературѣ. Изъ нея нужно объяснять явленія этой литературы. Изъ нея объясняется прозаически-ноющій стихъ Некрасова, напряженный анализъ гр. Л. Толстаго, симпатія къ слабымъ натурамъ Ѳ. Достоевскаго, постоянная несостоятельность героевъ Тургенева, обнаженный реализмъ Писемскаго; изъ нея же слѣдуетъ объяснять поэтическое воспроизведеніе извѣстнаго быта въ драмахъ Островскаго.

Въ своемъ стремленіи къ трезвости и правдивости, наша литература доходитъ иногда до цинизма, до признанія законными и достойными сочувствія явленій, которыя въ сущности незаконны и недостойны никакого сочувствія; доходитъ она и до тупости, до непониманія и отрицанія идеаловъ; но не нужно забывать, что это частности и промахи, и упускать изъ виду существенный источникъ дѣла.

И трудно же было нашимъ поэтамъ, постигавшимъ, какъ далеко они стоятъ отъ несмѣтнаго богатства русскаго духа! Уже Гоголь говорилъ, что «много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія». Въ послѣдовавшихъ за нимъ писателяхъ можно встрѣтить истинныя чудеса добросовѣстности въ работѣ. Стать въ самое правильное, самое простое отношеніе къ жизни, ничѣмъ не затемненное и не искаженное—вотъ цѣль, которую всѣ имѣли въ виду. Поэтому, нельзя не видѣть, что эти писатели сдѣлали дѣйствительныя поправки того отношенія къ дѣйствительности, которое господствовало у Гоголя. Напримѣръ, отношеніе г. Островскаго къ изображенному имъ быту несравненно вѣрнѣе, чѣмъ отношеніе Гоголя.

И вотъ почему бытовыя драмы г. Островскаго принадлежатъ къ настоящимъ богатствамъ нашей литературы; онѣ составляютъ произведеніе той глубокой и трезвой струи, которая ведетъ начало своего теченія отъ Пушкина; въ этомъ смыслѣ онѣ суть яркое свидѣтельство живучести нашей литературы.

Бѣдная литература! Она похожа на человѣка, который принялся за свой трудъ весело и бодро, который усердно работалъ и уже льстился надеждой, что онъ что-то сдѣлалъ, что близокъ конецъ задачи; помните:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный...

Вдругъ въ работѣ встрѣчается затрудненіе, которое сначала кажется незначительнымъ и легко побѣдимымъ; но чѣмъ дальше идетъ работа, тѣмъ больше становится и затрудненіе; задача начинаетъ рости и развертываться все

шире и шире; и чѣмъ упорнѣе работаетъ нашъ труженикъ, тѣмъ яснѣе только для него становится огромное разстояніе, отдѣляющее его отъ желанной цѣли.

Наша новая литература началась съ первой оды Ломоносова, съ этого великолѣпнаго стиха:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,

а кончается она пока, кажется, выраженіемъ Тургенева: все русское — дымъ. Мы начали съ восторга, и приходимъ все къ большему и большему унынію.

Ясно одно: все это признаки жизни, жизни неутомимой, неостанавливающейся. Не будетъ ли современемъ намъ ясно и то, что это признаки великой жизни?

III. Современная бѣдность.

Быстро развивается наша бѣдная литература, и это, можетъ быть, никогда не было такъ замѣтно, какъ въ настоящую минуту.

Какъ? скажутъ намъ, теперь-то? У насъ настало какое-то затишье, какой-то сонъ царитъ повсюду; холодъ, скука, тоска — а вы говорите, литература развивается!

Развивается, повторимъ мы, и въ томъ, что вы называете затишьемъ, мы именно и видимъ признакъ развитія. Разберемъ сперва хорошенько дѣло. Что это за затишье, на которое всѣ жалуются? Если взглянуть на дѣло со стороны, то, по видимому, окажется, что мы не имѣемъ никакого права жаловаться. Газетное дѣло у насъ стоитъ такъ высоко, какъ никогда не стояло; журналовъ у насъ стало больше прежняго; книги оригинальныя и переводныя продолжаютъ выходить во множествѣ, одна другой важнѣе, одна другой серьезнѣе. Изъ своихъ назовемъ для примѣра книгу г. Б. Чичерина «О народномъ представитель-

ствѣ»; какого вы хотите предмета важнѣе и любопытнѣе? Изъ переводовъ укажемъ, напримѣръ, на недавно явившуюся «Критику Чистаго Разума», Канта; чего еще серьезнѣе и глубже? Этого еще никогда и не бывало въ русской литературѣ. Навѣрное лѣтъ 60, а вѣроятно и болѣе, эта критика считается у насъ величайшимъ произведеніемъ ума человѣческаго; но въ теченіе всего этого времени ни разу наша литература не была въ такомъ серьезномъ настроеніи, никогда переводчики или издатели не считали нашихъ читателей такъ глубоко заинтересованными философіею, чтобы рѣшиться усвоить отечественной словесности это знаменитое твореніе, основной камень всей германской мудрости.

А журналы? Съ прошлаго года выходятъ: «Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Женскій Вѣстникъ», «Записки для Чтенія»; съ начала нынѣшняго стали выходить: «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (по новой программѣ, весьма расширенной), «Всемірный Трудъ», «Литературная Библіотека». Неужели мало?

Сообразно съ этимъ, увеличивается и число пишущихъ: вѣдь не одинъ только г. В. П. Авенаріусъ составляетъ новость въ нашей литературѣ; появились также г-да Данкевичъ, Н. Кирѣевъ, Е. Бутковскій, Н. Смирновъ, Демидовъ, Н. Хохловъ, А. Боровиковскій, Н. Ѳ. Бажинъ, Н. Свѣденцовъ, Г. Вилламовъ, и проч. и проч., не говоря уже о тѣхъ, которые, какъ г-да А. М., Н. П., М. М-нъ, Г-й, П. К. и т. д. изъ скромности не подписали своего полнаго имени. Мы ограничиваемся при этомъ одною изящною словесностію, не упоминая о новыхъ критикахъ, публицистахъ, фельетонистахъ и проч.

Прежніе писатели тоже продолжаютъ дѣйствовать, иные даже усерднѣе и удачнѣе прежняго: давно ли мы читали новыя произведенія гг. Тургенева, Островскаго, гр. Л. Н. Толстого, Писемскаго? *).

---

*) А что сказать теперь, когда литература пріобрѣла такое произведеніе, какъ «Война и Миръ», произведеніе, вдругъ заслонившее и

Словомъ, съ каждымъ днемъ литература расширяется и обогащается. На слѣдующій годъ у насъ будетъ, по крайней мѣрѣ, еще одинъ новый ежемѣсячный журналъ. «Вѣстникъ Европы», журналъ историко-политическихъ наукъ, объявляетъ (см. сентябрь 1867), что онъ будетъ выходить двѣнадцатью книжками. «Начавъ, говоритъ онъ, съ опасенія за недостатокъ въ матеріалахъ, мы весьма скоро начали затрудняться ихъ обиліемъ, и вслѣдствіе того явилась само собою возможность и даже необходимость» — увеличить объемъ журнала. Вмѣсто прежнихъ 150 печатныхъ листовъ въ годъ, «Вѣстникъ Европы» обѣщаетъ давать 300 или 350. Онъ будетъ помѣщать произведенія изящной словесности и критическія статьи.

Итакъ, гдѣ же оскудѣніе? гдѣ же затишье? Вообще намъ кажется, что люди, жалующіеся на современное положеніе литературы, едвали вполнѣ ясно понимаютъ, на что они собственно жалуются. Очень часто эти жалобы, которыя такъ постоянно раздаются въ большинствѣ нашихъ повременныхъ изданій, производили на насъ даже весьма комическое впечатлѣніе.

А именно — литераторы, какъ будто жалуются читателямъ на самихъ же себя. Нѣсколько смѣшно читать, напримѣръ, фельетониста, который жалуется на отсутствіе хорошихъ фельетоновъ, критика, который плачетъ объ упадкѣ критики, публициста, который сокрушается о жалкомъ состояніи нашей публицистики. Толстый журналъ вдругъ даетъ понять, что хорошихъ журналовъ у насъ теперь не существуетъ; газета ядовито намекаетъ, что всѣ газеты нынче изъ рукъ вонъ плохи.

Такъ и хотѣлось бы обратиться ко всѣмъ этимъ печальнымъ и сердитымъ людямъ съ слѣдующею рѣчью: вспомните, пожалуйста, что вы сами писатели, критики, редакторы; въ вашихъ рукахъ есть и газеты, и журналы, и сборники; притомъ всѣхъ васъ множество неисчислимое.

отодвинувшее на задній планъ всѣ другія наши новости и затѣи? Это ли оскудѣніе? *Позднѣйш. примѣч.*

Что же мѣшаетъ вамъ? Блистайте, гремите, изумляйте насъ глубиною мыслей и теплотою чувствованій! Вы напримѣръ, г. фельетонистъ, столь гнѣвно и презрительно обозрѣвающій явленія нашей текущей литературы — что вамъ мѣшаетъ обогатить эту бѣдную литературу рядомъ блестящихъ фельетоновъ, въ которыхъ было бы еще что-нибудь, кромѣ гнѣва и презрѣнія? Вы, г. публицистъ, что вамъ мѣшаетъ обновить нашу публицистику? и т. д. Ваши жалобы или ничего не значатъ, или доказываютъ только одно — ваше собственное безсиліе.

А если такъ, то чѣмъ хуже вы будете себя чувствовать, тѣмъ лучше. Великій прогресъ, когда люди, воображавшіе себя сильными, начинаютъ наконецъ сознавать, что они обольщали самихъ себя, что сила ихъ была мнимая. Правда всегда плодотворнѣе лжи.

Уже по одному этому можно судить о томъ времени, когда г-да жалующіеся были довольны, когда, по ихъ мнѣнію, литература процвѣтала и мы быстро шли впередъ. Послушать иныхъ — такъ недавно у насъ былъ золотой вѣкъ журналистики, было сильнѣйшее умственное движеніе, блистательное развитіе. Справедливо ли это? Дѣйствительно ли за нами славное прошедшее, обильное знаменитыми дѣлами? Если мы теперь бѣдны, то не были ли мы еще недавно очень богаты? Увы! мы думаемъ, что едвали возможно питать такіе розовые взгляды на нашу литературу.

Будущій историкъ... удивительно пріятно иногда предполагать, что у насъ будутъ историки—да еще какіе! внимательные, добросовѣстные, проницательные; но читатель долженъ твердо помнить, что это одно предположеніе, которое можетъ и не исполниться; не нужно обольщать себя надеждами; весьма можетъ быть, что мы останемся и безъ историковъ, и что всѣ дѣла наши такъ и останутся нераспутанными и покрытыми мракомъ... Итакъ—будущій историкъ нашей литературы, сравнивая книжки золотого вѣка нашей журналистики съ иными изъ тѣхъ журнальныхъ книжекъ, которыя выходятъ теперь, едва-ли въ си-

лахъ будетъ найти какую-нибудь разницу между ними. Въ томъ и въ другомъ періодѣ, онъ найдетъ одинаковую степень учености, одинаковые взгляды, одинаковые художественные пріемы; во многихъ случаяхъ даже пишутъ одни и тѣ же лица. Для него, для будущаго историка, весьма трудно будетъ рѣшить, почему же книжка временъ процвѣтанія была встрѣчаема съ восторгомъ и читалась съ жадностію, а совершенно подобная книжка временъ упадка не вызывала ни малѣйшаго вниманія? Судя по внутреннему достоинству этихъ писаній, онъ, пожалуй, найдетъ, что послѣднее отношеніе, то есть холодность и невниманіе—гораздо правильнѣе, чѣмъ странный восторгъ, съ которымъ мы бросались когда-то на эти пустяки. Это такъ вѣрно, что для подтвержденія не нужно ссылаться и на будущаго историка, какъ это мы сдѣлали для выпуклости дѣла. У насъ есть не одни предположенія, а и факты, подтверждающіе нашъ взглядъ. Именно среди самаго разгара процвѣтанія журналистики, у насъ были люди, до того хладнокровные и скептическіе, что они не видѣли въ этомъ процвѣтаніи никакихъ дѣйствительныхъ успѣховъ, и столь же мало находили хорошаго въ тогдашнихъ книжкахъ, какъ и въ нынѣшнихъ. Такіе люди не находятъ, чтобы журналистика наша упала; напротивъ, въ настоящее время чуть ли они не встрѣчаютъ больше пищи для своего ума, чѣмъ прежде.

Итакъ, подлежитъ весьма большому сомнѣнію то, что наша литература прошла нѣкоторый блестящій періодъ, что мы недавно были богаты движеніемъ и развитіемъ. Еслибы было такъ, то у насъ, казалось бы, должны быть въ рукахъ ясные цвѣты и плоды этого развитія, а ихъ-то мы и не находимъ.

Презагадочное дѣло — эта русская литература; иногда весьма трудно сказать, что такое въ ней дѣлается. Вмѣсто дѣйствительныхъ явленій, передъ нами возникаютъ какіе-то миражи. Совершается какая-то странная, воздушная исторія, напоминающая разсказы о томъ, какъ передъ дѣйствительнымъ сраженіемъ являются на воздухѣ воины

и сражаются между собою. Помните ли вы, какъ происходило это горячее движеніе, безпрерывно разраставшееся и усиливавшееся? Возвышались люди, до тѣхъ поръ неизвѣстные; одни смѣняли другихъ; возгарались какія-то распри и торжествовались какія-то побѣды; была увлекательная радость съ одной стороны и страхъ съ другой; совершались какіе-то перевороты, переломы; раздавались крики восторга и злобныя ругательства; словомъ, все движеніе имѣло видъ самой живой и яркой дѣйствительности. Казалось, что передъ нами совершается не воздушная, а настоящая исторія.

И что же? Всѣ помнятъ, какъ все это вдругъ рухнуло, осѣло и исчезло. Дунулъ вѣтеръ, и фата-моргана, въ которой намъ видѣлись города, башни, битвы и кораблекрушенія,—пропала. Собственно говоря, къ этимъ явленіямъ должны быть отнесены горестныя слова г. Тургенева: все русское—дымъ!

До сихъ поръ, однакоже, многіе остаются обманутыми, и считаютъ это прошлое чѣмъ-то дѣйствительнымъ. По неизбѣжному закону, всякая литературная эпоха, имѣвшая жаркихъ поклонниковъ, оставляетъ послѣ себя много людей, которые нелегко разстаются съ своими милыми преданіями, и потому становятся часто ожесточенными старовѣрами, живущими прошлымъ и слѣпыми для настоящаго. Еще и до сихъ поръ встрѣчаются старички, которые вздыхаютъ о временахъ Булгарина. Что же мудренаго, что недавнее время процвѣтанія имѣетъ тоже своихъ вздыхателей. Какое—говорятъ они — было тогда движеніе въ литературѣ! Какія появлялись статьи, возбуждавшія всеобщее вниманіе! Какія критики! Какія повѣсти!

Между тѣмъ, если мы потребуемъ болѣе подробнаго отчета у этихъ поклонниковъ прошлаго, если сами попробуемъ хорошенько вглядѣться въ это движеніе, то окажется, что очень трудно уловить его хорошія и плодотворныя стороны. Напротивъ, прежде всего намъ бросятся въ глаза черты комическія и дикія. Собственно говоря,

это было время скандаловъ, время, когда русская литература обнаружила всѣ свои слабыя стороны.

Помните ли вы, читатель, напримѣръ, литовскую теорію происхожденія Руси, придуманную г. Костомаровымъ? Какой шумъ и гамъ былъ изъ-за нея поднятъ! Былъ публичный диспутъ съ г. Погодинымъ, написано множество статей, а между тѣмъ въ сущности, то-есть въ отношеніи къ наукѣ, вѣдь это было не что иное, какъ скандалъ на поприщѣ русской исторіи. Помните ли вы исторію дамы, читавшей публично «Египетскія Ночи» и послѣдовавшія за тѣмъ «Безобразный поступокъ Вѣка»? Смѣшно вспомнить эту невѣроятную кутерьму, на которую было потрачено столько чернилъ и бумаги и такъ мало здраваго смысла. Помните ли вы Никиту Безрылова и грязные воротнички? Странно, если забыли, ибо шуму и грому было не мало. А вопросъ о тупоумныхъ глупцахъ и дрянныхъ пошлякахъ? Но вы навѣрное помните вопросъ о классическомъ образованіи и исторію ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, который въ ожесточенной полемикѣ былъ разбитъ «Московскими Вѣдомостями». Это былъ великій скандалъ, обнаружившій бѣдность нашихъ умственныхъ силъ и отсутствіе всякихъ твердыхъ педагогическихъ понятій, несмотря на то, что со временъ «Вопросовъ жизни» Пирогова у насъ писались по педагогикѣ цѣлые коробы статей. А помните ли вы эти «Вопросы»? Помните ли?..

Но мы никогда не кончили бы. Довольно и этого... Пересматривая это недавнее прошлое, это время оживленія и процвѣтанія, къ величайшему прискорбію убѣждаешься, что весь этотъ шумъ и гамъ остались безплодны, что ничего изъ него не выработалось, не получилось никакихъ прочныхъ и ясныхъ результатовъ. Шумъ, обыкновенно, возбуждался скандалами, которые совершала въ это время русская литература на поприщѣ наукъ, критики, художества, общественной жизни. Скандалы возбуждали противодѣйствіе; но вся эта странная борьба и дѣятельность, какъ будто въ самомъ корнѣ лишенная живыхъ

соковъ, ни къ чему не приводила и ничего не порождала. Какіе вопросы мы рѣшили? Какія прочныя основы положили? Никакихъ.

А между тѣмъ прожито много, и много потрачено силъ. Несерьезное дѣло мы принимали въ сурьезъ и тратили на него свою душу. Такая ужъ увлекающаяся у насъ натура, что мы ничего не умѣемъ дѣлать въ половину, съ осмотрительностію и хладнокровіемъ.

Одинъ изъ остроумнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ нашихъ писателей (такіе есть, читатель) сравниваетъ эти явленія не съ дымомъ, какъ г. Тургеневъ, а съ прививною оспою. Онъ утверждаетъ, что мы издавна страдаемъ различными болѣзнями, но болѣзнями, составляющими лишь подобіе настоящихъ, глубокихъ потрясеній организма. Эти прививныя страданія переносятся легко и проходятъ быстро; и будто бы (таково мнѣніе нашего автора) они избавляютъ насъ отъ опасности настоящаго, глубокаго зараженія.

Какъ бы то ни было, мы пережили эпоху какого-то сильнаго и очевидно болѣзненнаго возбужденія. Мы и теперь хотимъ жить, но уже не хотѣли бы жить этою лихорадочною, миражною, призрачною жизнію; вотъ источникъ того общаго разочарованія и недовольства, которое чувствуется теперь. Многое намъ опротивѣло на всегда; многое мы испробовали и на всегда отъ него отказались. Мы чувствуемъ, что вернуться назадъ невозможно, и что насъ можетъ удовлетворить теперь только серьезная, трезвая, здравая дѣятельность.

Итакъ, чѣмъ хуже мы себя чувствуемъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ меньше мы собою довольны, чѣмъ меньше у насъ задора, чѣмъ меньше мы надмѣваемся надеждой быть руководителями и просвѣтителями, тѣмъ лучше. Вотъ почему мы сказали, что нынѣшнее затишье и тоска въ литературѣ—признаки ея быстраго развитія. Мы идемъ на встрѣчу чему-то новому.

Русская литература есть весьма серьезная литература; это видно въ самыхъ ея безобразіяхъ, явныхъ слѣдствіяхъ

слишкомъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Нынѣшнее суровое затишье, полное раздумья и недовѣрія къ себѣ, есть также состояніе серьезное, есть дѣйствительный шагъ впередъ.

IV. Общій ходъ нашей литературы.

Сознаніе вообще возрастаетъ медленно.

Такъ точно и сознаніе нашей бѣдности возрасло медленно и выяснилось постепенно. Были времена, когда мы считали себя очень богатыми и хвалились своею литературой; были времена, когда мы кричали: у насъ нѣтъ литературы! Только понемногу мы начинаемъ уразумѣвать, въ чемъ дѣло и каково наше дѣйствительное положеніе.

Мы начали, какъ мы уже замѣтили, съ восторговъ. Наше вступленіе въ среду европейскихъ народовъ, наше присоединеніе къ потоку всемірной исторіи было блистательно и торжественно. Перенесемся, напримѣръ, въ ту минуту, когда Петромъ была одержана полтавская побѣда; не въ правѣ ли онъ былъ радоваться? И вотъ

Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Этотъ тостъ выражаетъ гордое, радостное самодовольство. Давно ли Петръ сталъ самъ учиться у европейцевъ и заставлять учиться своихъ подданныхъ, и вотъ, онъ уже дождался плодовъ своихъ стараній — ученики побѣдили своихъ учителей!

Съ тѣхъ поръ, съ этой радостной минуты прошло много времени. Окно, прорубленное въ Европу, все время стояло настежъ; Петербургъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и переросъ своимъ многолюдствомъ древнюю, мно-

говѣковую Москву. Прошло сто лѣтъ, и полтораста лѣтъ, и болѣе; все время мы учились усердно, перенимали у европейцевъ все, начиная съ ихъ костюма и кончая ихъ философіей. И до чего же дошли мы? Кто скажетъ въ настоящую минуту, что мы поравнялись съ своими учителями? Кто съ радостнымъ сердцемъ предложитъ тостъ за нихъ, какъ за себѣ равныхъ?

Послѣ столькихъ усилій, больше чѣмъ когда-нибудь мы сознаемъ, какъ мы далеки отъ Европы; болѣе чѣмъ когда-нибудь мы чувствуемъ свое безсиліе сравнительно съ нею, безсиліе и матеріальное, и нравственное, и умственное. Севастопольскій погромъ открылъ намъ глаза въ отношеніи къ нашей внѣшней силѣ; но еще болѣе грустныя открытія сдѣланы нами потомъ въ нашемъ умственномъ и нравственномъ настроеніи.

Гдѣ между нами европейцы? Гдѣ та масса русскихъ людей, которая, издавна находясь въ обученіи у Европы, представила бы намъ дѣятелей, равныхъ своимъ учителямъ и готовыхъ потягаться съ ними? Оказалось, что подобныхъ людей у насъ вовсе не успѣло образоваться. Европейское просвѣщеніе приноситъ на нашей почвѣ скудные или уродливые плоды, и, если мы хранимъ въ себѣ запасъ какой-то таинственной силы, то вовсе не потому, что успѣли стать европейцами.

Что же за причина? Одно изъ двухъ: или мы народъ неспособный, скудно одаренный природою и потому навсегда обреченный на роль учениковъ; или же есть нѣкоторое препятствіе къ нашему обращенію въ европейцевъ, есть внутренняя, глубокая причина, мѣшающая намъ идти по этой дорогѣ, сбивающая насъ съ этого, по видимому, гладкаго и проторенного пути.

Но мы ли неспособны къ чему-нибудь? Извѣстны мы лѣностію, извѣстны неустойчивостію и распущенностію; но, въ то же время, цѣлому свѣту извѣстны мы своими бойкими способностями. Итакъ есть что-то другое, въ чемъ нужно искать разгадки нашихъ малыхъ успѣховъ. Если въ самой натурѣ, въ задаткахъ нашего нравствен-

наго бытія есть препятствіе, не дающее намъ покорно и слѣпо подчиняться чуждому вліянію, если мы одарены нѣкоторою нравственною самостоятельностію, крѣпкою, но не ясно сознаваемою, то понятно, что должна возникнуть борьба между стремленіями нашихъ душевныхъ силъ и тѣмъ умственнымъ строемъ, который на нихъ налагается, который ставится для нихъ авторитетомъ и правиломъ. Такимъ образомъ, вмѣсто простой исторіи, по которой намъ слѣдовало послушно принимать европейское просвѣщеніе и съ каждымъ годомъ преуспѣвать въ немъ все болѣе и болѣе — получается исторія весьма сложная и темная. Обнаруживается реакція противъ европейскаго просвѣщенія, не въ смыслѣ его отрицанія, а въ томъ смыслѣ, что мы не хотимъ подчиниться ему бездѣятельно, слѣпо, а во что бы то ни стало желаемъ усвоить его себѣ, претворить въ свою дѣйствительную духовную собственность. Мы не хотимъ, да и не въ томъ дѣло, что не хотимъ—мы не можемъ просто слѣдовать по извѣстнымъ путямъ и указаніямъ; это невозможно для народа, который дѣйствительно составляетъ существо нравственное. И по чужимъ путямъ мы хотимъ идти какъ по своимъ собственнымъ, и чужимъ указаніямъ слѣдовать какъ своимъ собственнымъ мыслямъ.

Такъ это необходимо должно было быть, такъ это и было. У насъ совершалась и совершается темная и таинственная исторія борьбы неясныхъ началъ съ ясными, зачатковъ съ развитыми формами. Смыслъ этой борьбы будетъ намъ вполнѣ ясенъ только тогда, когда она кончится, когда наступитъ примиреніе и въ немъ обнаружится, чего искали, къ чему стремились борющіяся силы.

Но только въ этой борьбѣ нужно искать главнаго нерва нашей умственной и литературной жизни; она придаетъ собою многозначительность явленіямъ нашей литературы и различные ея фазисы опредѣляютъ ея періоды.

Наша литература—новая, разумѣется—начинается самымъ страннымъ образомъ: она начинается торжественною пѣснью—одою, да какою!—ломоносовскою одою.

Всѣмъ намъ извѣстенъ удивительный литературный типъ этихъ произведеній. Тутъ напрасно говорить о подражаніи. Тонъ ломоносовской оды, ея величавый и могучій стихъ, ея величавый, и въ то же время ясный, спокойный восторгъ, все это типично въ высшей степени, ибо все это искренно, задушевно. Эта ода звучитъ, какъ торжественный колоколъ, и послушавши этого звона, никто его не забудетъ.

Въ своей извѣстной диссертаціи, К. Аксаковъ весьма справедливо настаивалъ, вопреки Пушкину, на томъ, что Ломоносовъ былъ дѣйствительный поэтъ. Не будучи поэтомъ, невозможно было создать поэтическій языкъ и творенія, столь полныя поэтическихъ порывовъ.

Чтобы понять всю естественность, всю неодолимую силу, внушившую эти оды, нужно вспомнить, что болѣе полувѣка наша литература находилась подъ ихъ вліяніемъ. Весь періодъ до Карамзина можно назвать періодомъ оды. Пушкинъ, дѣятель совершенно иной эпохи, былъ изумленъ такимъ долгимъ вліяніемъ, и написалъ о Ломоносовѣ слѣдующій сердитый и потому несправедливый отзывъ: «Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ» (Соч. Пушк. Т. V, стр. 403).

Такъ говорилъ человѣкъ, который, вмѣсто неопредѣленнаго восторга, долженъ былъ принести намъ поэтическую правду, настоящую мѣру всякаго восторга и всякаго чувства русской души. Какъ завершитель періода, онъ съ изумленіемъ оглянулся на начинателя періода и записалъ громадную разницу, которую нашелъ между имъ и собою.

Восторгъ Ломоносова былъ восторгъ неопредѣленный, но искренній; это было отраженіе радости Петра послѣ полтавской битвы, чувство своей силы и твердая надежда на блестящую будущность. Петръ былъ любимымъ героемъ Ломоносова. какъ вообще онъ былъ путеводною

звѣздою, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ опиралась сила петербургской имперіи. Ломоносовъ поминаетъ Петра въ каждой своей одѣ, и точно такъ же въ каждой одѣ онъ поминаетъ науки: то увѣряетъ, что для нихъ настало счастливое время, то указываетъ на широкое поприще для нихъ въ Россіи, то предается надеждамъ:

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

И почему ему было не надѣяться? Онъ самъ сознавалъ въ себѣ полную силу, самъ стоялъ наряду съ величайшими учеными того времени, съ Вольфами и Эйлерами; онъ чувствовалъ себя столь большимъ, что считалъ себя выше цѣлой академіи нѣмецкихъ ученыхъ, учрежденной въ Петербургѣ, и полагалъ, что можно не его отставить отъ академіи, а развѣ академію отъ него...

Счастливыя времена! Не было и мысли о какомъ-нибудь разладѣ, не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что мы уже навсегда слились съ Европою, что скоро во всемъ совершится предсказаніе, данное полтавскою битвою, то-есть, что ученики побѣдятъ учителей.

За Ломоносовымъ слѣдуетъ Державинъ. И что же? Въ новомъ поэтѣ восторгъ нетолько не умаляется, а дѣлается живѣе, опредѣленнѣе, ярче. Попрежнему по Руси несется звукъ оды, звукъ торжественной пѣсни, но въ этой пѣснѣ проступаютъ уже краски и образы; передъ нами уже обозначаются въ ней живыя лица: Екатерина, Потемкинъ. Это уже не простой хвалебный гулъ, это уже живая, теплая поэзія.

Для характеристики этого времени мы воспользуемся словами Хомякова, по нашему мнѣнію, всего яснѣе обозначающими глубину дѣла. Вотъ эта глубокая страница:

«Наступила другая эпоха. Жизнь общественная взяла свои права. Лучшій и высшій представитель поэзіи въ екатерининское время, Державинъ есть въ то же время общественный дѣятель въ полномъ смыслѣ слова. Правда, онъ не можетъ безъ восторга называть Фелицу; но Фе-

лица была предметомъ любви и восторга во всѣхъ краяхъ Россіи. Онъ сопровождаетъ побѣды нашего войска и наши завоеванія торжественными одами; но эти побѣды и завоеванія были истинною радостію для всѣхъ русскихъ. Измаильскій штурмъ, Очаковская зима, пожаръ Чесмы казались происшествіями нетолько политической жизни народа, но и частной жизни каждаго русскаго: Румянцовы и Суворовы дѣлались именами нарицательными. И всѣмъ нашимъ славамъ былъ отзывъ въ полудикихъ, но могучихъ стихахъ Державина (я называю ихъ полудикими, потому что онъ гораздо менѣе служитъ художеству, чѣмъ Ломоносовъ). Но Державинъ не льстецъ: его рѣзкое и смѣлое слово бьетъ и клеймитъ общественный порокъ, бьетъ и клеймитъ временщиковъ и болѣе всѣхъ полудержавнаго временщика, котораго, съ великодушіемъ и правдивостью поэта, онъ потомъ простилъ и увѣнчалъ, назвавъ его «великолѣпный князь Тавриды». Фонъ-Визинъ въ своихъ комедіяхъ борется съ общественными слабостями и пороками; слово гражданина постоянно слышится у Болтина. Наконецъ вся литература отъ Державина до Княжнина и Николева, несмотря на свои формы, или вовсе необработанныя, или нелѣпо-академическія, носитъ на себѣ характеръ дѣятельности общественной. Въ ранней молодости, выросши подъ вліяніемъ другаго направленія, я часто слушалъ съ удивленіемъ рѣчи стариковъ, совершенно чуждыхъ литературнымъ интересамъ, о словесности прежнихъ годовъ. Я удивлялся ихъ почтенію къ именамъ, повидимому, вовсе недостойнымъ славы. Загадка разгадалась для меня позднѣе, когда я понялъ, что они жили во времена словесности дѣйствительно серьезной, дѣйствительно русской — во сколько тѣсное общество высшаго сословія можетъ считаться представителемъ всей русской жизни. Эту сторону екатерининской словесности мало оцѣнили. Самодовольная, самонадѣянная критика 30-хъ и 40-хъ годовъ, вооружась противъ художественной отвлеченности нашей словесности, обвинила ее цѣликомъ въ

академизмѣ, и не замѣтила преобладающей стороны екатерининской эпохи. «Слона-то она и не замѣтила!» Впрочемъ, другого ждать нельзя было отъ этой односторонней и близорукой критики, которая, однакоже, въ свое время была не безполезна» (Соч. Хомяк. Т. I, 682).

Таковы черты духовной жизни Екатерининскаго времени. Литература отличалась тогда художественною отвлеченностію и академизмомъ, а между тѣмъ находила отзывъ во всѣхъ краяхъ Россіи; писатели, повидимому — вовсе недостойные славы, были для всѣхъ русскихъ предметомъ почтенія и восторга. Было, слѣдовательно, какое-то очарованіе, которымъ жилъ тогда русскій народъ; было восторженное настроеніе, безмѣрно далеко отстоящее отъ нынѣшняго унынія и, очевидно, слишкомъ высокое и напряженное, чтобы удержаться на этой высотѣ. Разочарованіе было неминуемо; но оно наступило не вдругъ, ибо этотъ восторгъ не былъ мгновенною фальшивою вспышкою, а былъ органическимъ явленіемъ, тѣсно связаннымъ съ жизнію всего государства, всего народа. Прошли поколѣнія и пережиты были цѣлые литературные періоды, прежде чѣмъ мы дошли до всяческаго рода нигилизма и русская слава обратилась для насъ въ дымъ.

Интересно, что первый, кому довелось въ этомъ случаѣ отвѣдать разочарованія, былъ самъ Державинъ. Въ его «Запискахъ» есть необыкновенно добродушное мѣсто, въ которомъ онъ объясняетъ, какъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (1795—1796) исчезъ у него его бывалый восторгъ. Вотъ это мѣсто:

«По желанію императрицы, чтобъ Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей въ томъ свое слово; но не могъ онаго сдержать, по причинѣ разныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чтобы поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями; сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ,

но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ. Все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства» («Записки Держав.», стр. 379).

Какъ видно, прекрасно сознавалъ Державинъ, что прежнія его произведенія были не цеховыя, а внушенныя искреннимъ вдохновеніемъ, и живо чувствовалъ, что это вдохновеніе разсѣялось отъ столкновенія съ дѣйствительностію.

Но до полнаго сознанія дѣла было еще далеко. Къ этому времени, къ концу Державинскаго поприща, относится и мнимое богатство нашей литературы, то время, когда она представила образцы во всѣхъ родахъ. У насъ появились эпическія поэмы, трагедіи, басни, идилліи и проч. и проч., и мы вдругъ оказались обладающими литературою въ полномъ составѣ.

Повидимому, все это совершалось подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Европы, все исходило изъ Петровскаго преобразованія, все слѣдовало примѣру и образцамъ иностранныхъ писателей; а между тѣмъ, въ дѣйствительности тутъ была своеобразная жизнь, для которой европейскія формы были лишь внѣшнею, несущественною оболочкою. Настоящее вліяніе Европы началось лишь со временъ Карамзина. Карамзинъ былъ первый русскій европеецъ. Что же онъ сдѣлалъ? Его выступленіе на литературное поприще Ап. Григорьевъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Посреди общества, упорно отстаивавшаго свою исключительность и особенность — является юноша съ живымъ сочувствіемъ ко всему доброму, прекрасному и великому, что́ выработалось въ общечеловѣческой жизни. Этотъ юноша стоитъ въ уровнѣ со всѣми высокообразованными людьми тогдашней Европы, хотя и не понимаетъ еще уединенныхъ мыслителей Германіи, не смѣетъ еще вполнѣ отдаться ея начинающимъ великимъ поэтамъ. Человѣкъ своей эпохи, человѣкъ французскаго образованія, онъ однако уже достаточно смѣлъ для того, чтобы съ весьма

малымъ количествомъ тогдашнихъ образованныхъ людей поклоняться пьяному дикарю Шекспиру, достаточно проницателенъ, чтобы зайти поклониться творцу «Критики чистаго разума» и хоть о пустякахъ, да поговорить съ нимъ... На все, что̀ носилось тогда въ воздухѣ его эпохи, отозвался онъ съ сочувствіемъ, и главное-то дѣло, что сочувствіе это было сочувствіе живое, а не книжное... Въ Европу изъ далекой гиперборейской страны впервые пріѣхалъ европеецъ, и впервые же русскій европеецъ передалъ своей странѣ свои русско-европейскія ощущенія, передалъ не поучительнымъ, докторальнымъ тономъ. а языкомъ легкимъ, общепонятнымъ... Точка, съ которой передаетъ онъ ощущенія, дѣйствительно очень невысока; но за то она вѣрна, она общепонятна, какъ самый его языкъ».

«Письма русскаго путешественника, а затѣмъ сентиментальныя повѣсти и сентиментальныя же разсужденія Карамзина — перевернули нравственныя воззрѣнія общества, конечно той части его, которая была способна къ развитію. Понятно, что его дѣятельность возбудила сильный антагонизмъ во всемъ, что̀ держалось крѣпко за старыя понятія, антагонизмъ отчасти правый, но вообще слѣпой».

Сентиментальность Карамзина и его требованія отъ русской жизни были совершенно тѣ же, какъ, напримѣръ, у Радищева. Какъ публицистъ и журналистъ, Карамзинъ проповѣдывалъ крайніе идеалы, до которыхъ достигла тогда европейская цивилизація. Но, если такъ, то какъ же онъ могъ стать русскимъ историкомъ? Какъ онъ могъ слить такія непримиримыя вещи, какъ русская жизнь и крайнія требованія европейской цивилизаціи? Какимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы въ сравненіи съ этимъ идеаломъ отчаяться въ своемъ народѣ и прійти къ совершенному разрыву съ нимъ, онъ сталъ его бытописателемъ, отыскалъ въ себѣ сочувствіе къ его жизни? Тотъ же критикъ отвѣчаетъ на это такъ:

«Карамзинъ, какъ великій писатель, былъ вполнѣ русскій человѣкъ, человѣкъ своей почвы, своей страны. Сначала онъ приступилъ къ жизни, его окружавшей, съ требованіями высшаго идеала, идеала, выработаннаго жизнью остальнаго человѣчества. Идеалъ этотъ, конечно, оказался несостоятеленъ передъ дѣйствительностію, которая окружала великаго писателя... Въ этой дѣйствительности можно было или только погибнуть, какъ Радищевъ, какъ болѣе практическій, чѣмъ Радищевъ, человѣкъ — Новиковъ, либо... не то чтобы ей подчиниться, но обмануть ее.

«Да... обмануть! Это настоящее слово.

«И Карамзинъ это сдѣлалъ. Онъ обманулъ современную ему дѣйствительность.

«Онъ сталъ «историкомъ Государства Россійскаго»; онъ можетъ быть сознательно, можетъ быть, нѣтъ — вопросъ трудный для разрѣшенія, ибо талантливый человѣкъ самъ себя способенъ обманывать — онъ подложилъ требованія западнаго человѣческаго идеала подъ данныя нашей исторіи, онъ первый взглянулъ на эту странную исторію подъ европейскимъ угломъ зрѣнія.

«Карамзинъ смотритъ на событія нашей исторіи точно такъ же, какъ современные ему западные писатели смотрятъ на событія исторіи западнаго міра, иногда даже глубже ихъ; это можно сказать безъ всякаго народнаго пристрастія, потому что современные ему западные историки весьма неглубоко смотрѣли на прошедшее... Въ этомъ его слабость и въ этомъ, если хотите, его сила, даже передъ современниками. Въ немъ еще нѣтъ той мысли, что мы племя особенное, предназначенное къ иному, нежели другія племена человѣчества. Общія его эпохѣ идеи привноситъ онъ съ собою въ русскую исторію, и это самое дѣлаетъ его исторію, помимо ея недостатковъ, однимъ изъ вѣчныхъ памятниковъ нашего народнаго развитія...

«Можетъ быть, всѣ изысканія Карамзина неправильны или должны быть дополнены; но всѣ его сочувствія

въ высшей степени правильны, потому что они общечеловѣческія».

Итакъ, вотъ какъ совершился обманъ, котораго непремѣнно требовала жизнь, такъ-какъ она не можетъ развиваться среди полнаго разрыва, полной дисгармоніи. Обманъ состоялъ въ томъ, что просвѣтленные общечеловѣческими идеями русскіе люди находили въ своей жизни отраженіе этихъ идей, закрывая глаза на противорѣчія и диссонансы. Этотъ періодъ обмана продолжался долго, былъ обиленъ талантами и выражалъ свое настроеніе разнообразнѣйшими формами. Нѣмецкая Ленора безъ малѣйшей трудности обращалась въ русскую Людмилу или Свѣтлану; мы воспѣвали нашихъ чухонокъ такъ, что онѣ намъ казались

Гречанокъ Байрона милѣй.

Въ это время не могло существовать ни славянофиловъ, ни западниковъ; мы спокойно причисляли себя къ семьѣ западно-европейскихъ народовъ, и въ самой этой семьѣ не дѣлали никакихъ значительныхъ различій. Мы писали свою исторію точно такъ, какъ ее пишутъ европейскіе народы; мы искренно отзывались на всѣ звуки европейской поэзіи, сочувствовали Шиллеру, Байрону, и облекали нашу собственную дѣйствительность въ формы сочувственныхъ намъ явленій.

И вотъ наступилъ, наконецъ, выходъ изъ этого обмана, выходъ, который, рано или поздно, долженъ же былъ наступить. Выходъ получился мудреный и многозначительный, такъ-какъ это была развязка глубокаго жизненнаго развитія, а не простой логической ошибки. Въ одно и то же время выпало двоякое рѣшеніе, положительное и отрицательное—въ одно и то же время явились Пушкинъ и Чаадаевъ.

Явился, наконецъ, поэтъ, который завершилъ все предъидущее трудное и странное развитіе, который вышелъ изъ неопредѣленнаго и призрачнаго восторга, нашедши въ своей душѣ ясный и существенный восторгъ,

который вышелъ изъ обманчиваго взгляда на нашу жизнь, нашедши истинно русскую поэзію и умѣя глядѣть поэтическими глазами на настоящую русскую дѣйствительность. Этотъ человѣкъ, столь сильно любившій истину и отвращавшійся отъ всякой фальши, столь зорко видѣвшій вещи, и въ то же время всегда и до конца остававшійся поэтомъ—былъ Пушкинъ. Его воспитаніе и развитіе, совершившееся въ періодъ обмана, подъ вліяніемъ всяческихъ европейскихъ образцовъ, отъ Вольтера до Байрона, способствовало только развитію въ немъ его поэтическаго дара, его зоркости и любви къ правдѣ, а истинно-русская зоркость и правдивость сдѣлали изъ него несравненнаго поэта, равнаго всему, что есть великаго въ поэтическомъ мірѣ. Онъ принесъ намъ чистѣйшую правду въ поэзіи, т. е. настоящую поэзію.

Но въ то же время получился другой выходъ, другое рѣшеніе. Умы болѣе холодные, болѣе теоретическіе шли своимъ, повидимому, весьма правильнымъ путемъ, и въ то самое время, когда Пушкинъ узаконивалъ поэзію на русской землѣ, эти умы пришли къ полному отрицанію русской жизни и несмотря на то, что уже существовала обманчивая исторія Карамзина, не усумнились вычеркнуть жизнь русскаго народа изъ исторіи всемірнаго развитія. Представителемъ такихъ умовъ былъ Чаадаевъ, пріятель Пушкина, хотя человѣкъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Въ сравненіи съ Европой Чаадаевъ призналъ ничтожною всю русскую жизнь, всѣ задатки и плоды нашего развитія, и нашелъ, что для насъ единственное спасеніе — перевоспитать себя, принять все отъ Европы, до глубочайшихъ основъ духовной жизни. Это былъ первый послѣдовательный западникъ.

Чаадаевъ былъ то же въ отношеніи къ Пушкину, что Радищевъ въ отношеніи къ Державину. Какъ Радищевъ отнесся съ величайшимъ отрицаніемъ и уныніемъ къ дѣйствительности, вызвавшей столь громкій восторгъ Державина, такъ Чаадаевъ отнесся съ сомнѣніемъ и невѣріемъ къ той духовной жизни, которая уже породила поэзію

Пушкина. Эти люди, какъ легко убѣдиться, не были великими русскими писателями, а потому, по замѣчанію критика, объ нихъ нельзя съ несомнѣнностію сказать, что они были вполнѣ русскіе люди, какими были Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ. Но это нимало не мѣшаетъ признавать за ними общечеловѣческія достоинства и даже видѣть въ нихъ людей на столько русскихъ, что они, съ большей или меньшей болью и горечью, чувствовали свое положеніе передъ Европою, какъ русскихъ, и старались понять его правильно, на сколько бываетъ правильно отвлеченное пониманіе.

Радищевъ, впрочемъ, былъ явленіе слишкомъ слабое и неглубокое; онъ не былъ зрѣлымъ плодомъ своего времени и исчезъ безъ вліянія и послѣдствій. Но ко времени Чаадаева та же мысль развилась и окрѣпла, и Чаадаевъ былъ уже отголоскомъ значительной и лучшей части нашего общества. Съ этого времени у насъ постепенно развивались двѣ партіи, западническая и славянофильская: одна, требовавшая всецѣлаго подчиненія Европѣ, другая — стоявшая за нашу духовную самостоятельность.

Вотъ фундаментъ, на которомъ развивается наша литература, та почва, на которой она растетъ. Пушкинъ составляетъ звѣно, заключающее эту золотую цѣпь, вѣнецъ этого основнаго развитія; въ его стихахъ, какъ справедливо замѣтилъ К. Аксаковъ, повторились звуки Ломоносовскихъ стиховъ, а въ элементахъ его поэзіи заключаются всѣ зачатки, которые съ тѣхъ поръ развиваются нашими художественными талантами.

Истинная поэзія чужда теоріи, чужда отвлеченныхъ опредѣленій, такъ-какъ источникъ ея есть жизнь, которая шире всякихъ теорій. Поэтому, напримѣръ, нашу художественную словесность со временъ Пушкина нельзя назвать ни славянофильскою, ни западническою, ни даже выраженіемъ борьбы этихъ направленій. Западники имѣли у насъ большой перевѣсъ; они весьма настойчиво подводили наше развитіе подъ свою точку зрѣнія и проповѣдывали, что наши художники служатъ ихъ идеѣ и потолику и хо-

роши, поколику ей служатъ. Одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ весьма немудрено опредѣлилъ всю суть нашей новой литературы, сказавши, что Тургеневъ изобличилъ помѣщиковъ, Островскій — купцовъ, а Некрасовъ—чиновниковъ. Славянофилы съ своей стороны подтверждали эти притязанія тѣмъ самымъ, что отрекались отъ новой литературы и признавали ея дѣятелей лишь въ видѣ исключенія, иногда дѣлавшагося очень неудачно. Это неясное, но во всякомъ случаѣ враждебное отношеніе необходимо должно было усиливать притязанія западниковъ на господство ихъ идей въ нашей изящной словесности.

Но и тѣ и другіе были одинаково неправы, и легко было бы показать множество промаховъ съ той и съ другой стороны, доказывающихъ, что художественная дѣятельность, какъ болѣе широкая въ основахъ, ускользаетъ отъ узкихъ рамокъ этихъ теорій.

Идея западничества не могла вполнѣ завладѣть художественною сферою, но она свободно развивалась въ другихъ сферахъ литературы, въ критикѣ, публицистикѣ, и наконецъ выродилась въ интереснѣйшее явленіе — въ нигилизмъ. Если хотите, нигилизмъ имѣетъ и свои художественныя отраженія, но по сущности дѣла въ нихъ мы находимъ одну чистую видимость, скрывающую отсутствіе всякаго художества; ибо гдѣ нѣтъ жизни, тамъ не можетъ быть художества.

Какъ бы то ни было, но наши современные западники суть нигилисты; это — наши европейцы, искренно, добросовѣстно дошедшіе до конца пути, имъ указаннаго и ими избраннаго, логически доведшіе свою идею до крайнихъ ея послѣдствій.

Результатъ получился странный и неожиданный, но въ сущности совершенно правильный. Западники начали съ поклоненія передъ Европой и кончили тѣмъ, что стали отрицать формы европейской жизни, ибо стали отрицать вообще всякія сложившіяся формы, всякую исторію. Это совершенно естественно. Они такъ наторѣли въ отрицаніи формъ русской жизни, довели свои пріемы въ этомъ дѣлѣ

до такой остроты и тонкости, что потомъ и западная жизнь не могла устоять передъ этимъ изощреннымъ оружіемъ. Можно, впрочемъ, сказать иначе, и въ извѣстномъ отношеніи правильнѣе: они довели свой взглядъ на русскую жизнь до такого непониманія, до такой тупости, что потомъ естественно перестали понимать и европейскую жизнь.

Чаадаевъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на православіе и преклонялся передъ величіемъ католицизма. Какая нелѣпость! Человѣкъ, благоговѣющій передъ католичествомъ, не впадаетъ ли въ явную нелѣпость, отрицая силу и жизненность православія? Не въ тысячу ли разъ послѣдовательнѣе тотъ, кто, отрицая православіе, въ то же время отрицаетъ католицизмъ?

Итакъ, тутъ есть своя логика, своя послѣдовательность, и нигилизмъ есть одна изъ неизбѣжныхъ степеней въ развитіи извѣстныхъ сторонъ русской литературы.

Такимъ образомъ, мы достигли современнаго положенія дѣлъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь выяснились нынѣ элементы нашего развитія, болѣе чѣмъ когда-нибудь мы чувствуемъ его странную шаткость и противорѣчивую многосложность. Сознаніе того, что нами еще мало сдѣлано, и что предлежитъ намъ какая-то трудная и огромная задача, становится яснѣе и яснѣе. Мы видѣли степени, черезъ которыя проходило это сознаніе и по этимъ степенямъ можемъ различать въ исторіи нашей литературы слѣдующіе періоды:

1) Періодъ восторга. Инстинктивное, неопредѣленное ощущеніе своей силы. Поверхностное или фальшивое знакомство съ Европою.

2) Періодъ обмана. Дѣйствительное знакомство съ Европою и обманчивое примиреніе нашей жизни съ ея идеями.

3) Пушкинъ. Эпоха, завершающая два предъидущіе періода. Въ одно время: поэтическое признаніе русской жизни и ея теоретическое отрицаніе.

4) Западники и славянофилы. Борьба между отрицаніемъ русской жизни и признаніемъ ея самостоятельности. Въ художествѣ: развитіе задатковъ, положенныхъ Пушкинымъ.

5) Нигилисты. Отрицаніе русской жизни вмѣстѣ съ отрицаніемъ европейской.

V. Нигилизмъ. Причины его происхожденія и силы.

Нигилизмъ есть явленіе нашей умственной жизни, представляющее великое множество безобразій. Всѣмъ извѣстны эти безобразія, они описаны въ повѣстяхъ и романахъ; каждый о нихъ разсказываетъ съ разными добавленіями и варіантами.

Поэтому первое невольное отношеніе, въ которое мы становимся къ нигилизму, есть высокомѣріе. Мы обыкновенно смотримъ на него презрительно, смѣемся надъ нимъ какъ надъ дѣтскимъ неразуміемъ или возмужалымъ сумасбродствомъ.

Справедливо ли это? Справедливо ли судить о какомъ бы то ни было фактѣ умственной жизни по однимъ его безобразнымъ проявленіямъ? Самыя безобразія, чѣмъ чаще и обильнѣе они происходятъ — не свидѣтельствуютъ ли только о силѣ источника, изъ котораго они проистекаютъ, не представляютъ ли очевидно крайностей, до которыхъ неизбѣжно должно вырождаться въ иныхъ послѣдователяхъ настроеніе, глубоко проникающее въ умы?

Бѣдна наша литература и скудно наше умственное развитіе; но всего прискорбнѣе то, что мы вѣчно, то съ той, то съ другой точки зрѣнія, плюемъ на эту литературу и на это развитіе. Русскій человѣкъ такъ или иначе всегда находитъ средство выскочить изъ своей литературы и изъ

своего развитія, стать если не выше ихъ, то въ сторонѣ отъ нихъ, и во всякомъ случаѣ относиться къ нимъ если не презрительно, то вполнѣ равнодушно. Все это—явные признаки слабости нашей литературы и нѣкоторой уродливости нашего развитія, по которой оно никогда не достигаетъ полнаго и всеобщаго вліянія, не имѣетъ силы внушить къ себѣ уваженіе всѣмъ и каждому.

Пушкинъ написалъ, что Ломоносовъ имѣлъ вредное вліяніе на нашу словесность. Карамзина многіе почитали и почитаютъ также вреднымъ писателемъ за проповѣдь истинъ въ родѣ такой: «народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ» и пр., и вообще за весь тонъ его исторіи. Самъ Пушкинъ, соблазнъ и камень преткновенія для всякихъ теорій и просвѣщенныхъ взглядовъ, долженъ быть признанъ вреднѣйшимъ изъ русскихъ писателей, такъ-какъ, по выраженію одного критика, онъ поэтъ эротическій и военный, слѣдовательно мѣшающій развитію всякаго серьезнаго и какъ-бы сказать гражданскаго чувства. А что такое славянофилы въ глазахъ западниковъ? Нелѣпые мечтатели. Что такое западники въ глазахъ славянофиловъ? Неосновательные болтуны.

И такъ далѣе.

Принимая все это въ соображеніе, имѣя въ виду общую неправильность въ развитіи нашей литературы, всегдашнюю косвенность ея пути, и убѣдившись въ то же время, что ея явленія имѣютъ однакоже глубокій смыслъ, мало разумѣемый и обыкновенно пренебрегаемый, мы въ правѣ требовать серьезнаго отношенія и къ нигилизму, въ правѣ ожидать, что въ немъ обнаружились какія-нибудь немаловажныя черты нашей духовной жизни и сдѣланы нѣкоторые шаги въ прогресѣ нашего самосознанія.

Прежде всего нигилизмъ есть нѣкоторое западничество. Онъ возникъ подъ вліяніемъ Запада, слѣдовательно подъ тѣмъ вліяніемъ, которое такъ давно и такъ сильно на насъ дѣйствовало и постоянно дѣйствуетъ. Напрасно у насъ нѣкоторые критики и публицисты, ради пущаго уни-

женія нигилизма, увѣряютъ, что онъ есть наше доморощенное, туземное сумасбродство, что на Западѣ ничего подобнаго не существуетъ, а все идетъ чинно, стройно и благополучно. Совершенно ясно, что умственныя явленія Запада дали точки опоры для развитія нашего нигилизма, явленія, давно тамъ зародившіяся, имѣющія силу и будущность, и потому составляющія постоянный источникъ, постоянную поддержку для нашего нигилистическаго движенія. Нигилизмъ, какого бы оттѣнка онъ ни былъ, всегда характеризуется великимъ уваженіемъ къ Западу, всегда имѣетъ тамъ какихъ нибудь божковъ и оракуловъ, можетъ быть, превратно понимаемыхъ, но отъ всего сердца поклоняемыхъ и славимыхъ. Это та сторона нигилизма, въ которой обнаруживается недостатокъ у насъ самостоятельнаго развитія—наше подчиненіе Западу.

Вовторыхъ, нигилизмъ есть не что иное, какъ крайнее западничество — западничество, послѣдовательно развившееся и дошедшее до конца. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ дѣйствительный, неизбѣжный прогресъ, и напрасно нѣкоторые наши западники чураются нигилизма, утверждая, что и нынѣ, какъ встарь, можно питаться западными взглядами и идеями, нимало не впадая въ нигилизмъ. Западъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи великъ и многообразенъ. Слѣдовательно, каждый можетъ въ немъ выбирать себѣ по вкусу, чему слѣдовать и подражать. На Западѣ много явленій отжившихъ, межеумочныхъ, фальшивыхъ, но держащихся тамъ въ силу упорнаго консерватизма исторіи, консерватизма, свойственнаго исторической жизни, какъ вообще всякой жизни. Кто хочетъ, тотъ и теперь можетъ преклоняться передъ католицизмомъ, и такіе поклонники, какъ извѣстно, у насъ еще не перевелись. Кто хочетъ, можетъ и теперь слѣдовать эклектической философіи Кузена; онъ найдетъ для себя по этой философіи цѣлую литературу, до сихъ поръ процвѣтающую. Кто хочетъ, тотъ можетъ и теперь слѣдовать правой гегелевской школѣ и толковать принципъ:

«что́ дѣйствительно, то́ разумно» въ самомъ консервативномъ и ретроградномъ духѣ.

Но русская мысль не остановилась, и не могла остановиться на этихъ и подобныхъ умственныхъ настроеніяхъ. Внутреннее расположеніе, естественное сродство тянули ее въ другую сторону. Мы не жили исторической жизнью Запада, для насъ не могли быть дороги формы, въ которыхъ она воплощалась. Эта жизнь являлась намъ издали, въ общемъ своемъ движеніи, въ крупныхъ и общихъ чертахъ, и слѣдовательно, по естественному ходу дѣлъ мы становились въ отношеніи къ ней въ роль судей и созерцателей; мы были чужіе для нея и смотрѣли на нее со стороны. Слѣдовательно, насъ долженъ былъ всегда привлекать нѣкоторый общій смыслъ этой жизни, а никакъ не частныя ея проявленія.

Глядя на Западъ, мы, если преклонялись передъ его духовною жизнью, то должны были послѣдовательно отрицать всю русскую жизнь, весь ея смыслъ. Такъ поступилъ Чаадаевъ, и не нужно забывать, что это естественная, необходимая точка зрѣнія. Полное признаніе съ одной стороны требовало полнаго отрицанія съ другой. Отсюда уже можно было предвидѣть, что это признаніе, покупаемое такою дорогою цѣною, не можетъ долго держаться, и что если оно перейдетъ въ сомнѣніе, то не остановится на половинѣ, а должно дойти до такого же полнаго отрицанія.

Всматриваясь въ общій смыслъ западной жизни, мы не могли не замѣтить той печати разрушенія, которая лежитъ на ней, тѣхъ усилій отрицанія, которыя разъѣдаютъ ея формы. Въ нашемъ положеніи мы не могли быть слѣпыми для этихъ явленій, и отрицаніе, развившееся на самой почвѣ этой жизни, должно было привлечь наше полное сочувствіе, такъ-какъ мы у себя дома были также отрицателями. Человѣкъ, скептически относившійся къ православію, по сущности дѣла не могъ питать прочнаго благоговѣнія къ католицизму. Такъ и во всемъ остальномъ. Западъ самъ училъ насъ, что его формы преходя-

ція, что все подчинено теченію, измѣненію, прогресу; и мы, столь жаждавшіе измѣненій у себя дома, жадно примкнули къ этому ученію. Мы повѣрили всею душою теоріи прогреса, которая утверждала, что рано или поздно не останется въ старой Европѣ камня на камнѣ; мы не захотѣли исповѣдывать то, что́ должно было скоро отжить и разрушиться, а прямо примкнули къ новому, къ будущему, къ надеждамъ и порываніямъ впередъ.

Въ Европѣ, какъ извѣстно, есть рядъ писателей и дѣятелей, которые отвергаютъ всѣ принципы, служившіе основою ея жизни. Въ Европѣ развилась критика, постепенно распространившая свою дѣятельность на всѣ сферы, на всѣ явленія тамошней жизни. Мы быстро и вѣрно усвоили себѣ всѣ пріемы этой критики, такъ-какъ именно она представляла наибольшее сродство съ нашимъ умственнымъ настроеніемъ. Нельзя удивляться тому, что, напримѣръ, со временъ Чаадаева число поклонниковъ католицизма ни мало не возрасло у насъ, что, напротивъ, число послѣдователей лѣвой гегелевской школы, Прудона, Фурье и т. д., становилось все больше и больше. Печальный, всеотрицающій взглядъ на человѣческія отношенія былъ намъ больше по вкусу, чѣмъ какіе-нибудь восторги передъ явленіями намъ чуждыми и немогшими вполнѣ удовлетворить нашихъ требованій.

Собственно мы требовали отъ Европы полнаго нравственнаго мѣрила, полнаго всеразрѣшающаго взгляда, совершенно твердаго руководящаго начала, а ничего подобнаго Европа намъ дать не могла. Мы оказались въ положеніи учениковъ, которые сперва твердо вѣровали въ своихъ учителей, но мало-по-малу разочаровывались въ нихъ и убѣдились, что ждать отъ нихъ намъ нечего.

Положеніе по сущности дѣла безотрадное; это полный мракъ, безвыходное отчаяніе. Между тѣмъ, какъ Европа такъ или иначе жила своими старыми началами, мы уже не могли на нихъ остановиться и успокоиться, и остались безъ всякихъ началъ, въ непроницаемомъ мракѣ. Сознаніе такого отчаяннаго положенія выразилось у насъ съ боль-

тою силою. Сюда именно относится дѣятельность Герцена раньше изданія «Колокола». Остроумная и глубоко-грустная книжка «Съ того берега» выражаетъ какъ нельзя лучше положеніе русскаго, оторвавшагося отъ Россіи и вполнѣ убѣдившагося, что онъ не можетъ примкнуть къ Европѣ, что жизнь Запада не можетъ его привязывать къ себѣ, не даетъ никакой пищи его душѣ. Герценъ пророчитъ гибель западной цивилизаціи; это нашъ первый отчаявшійся западникъ.

Отсюда, казалось бы, прямой переходъ къ признанію своей народности, къ преклоненію передъ ея началами. Но жизнь идетъ медленно, и наши блужданія потому-то и имѣютъ такую длинную и грустную исторію, что вызваны нашими жизненными условіями, а не составляютъ простыхъ теоретическихъ ошибокъ.

Многихъ удивляло, что нигилизмъ у насъ распространился и усилился тогда, когда въ Европѣ были нанесены жестокіе и почти уничижительные удары соціализму и всяческому радикализму. Но въ томъ-то и дѣло, что нигилизмъ нельзя разсматривать, какъ простое отраженіе на насъ Запада, а слѣдуетъ видѣть въ немъ чисто-русское явленіе, возникшее только подъ вліяніемъ западныхъ явленій. Было бы очень плачевно, еслибы наши умы представляли лишь простую косную массу, въ которой каждое движеніе пропорціонально толчкамъ, получаемымъ извнѣ. Ради униженія нигилизма многіе трактовали его, какъ такое явленіе косности нашей умственной жизни. Нигилизмъ часто причисляется къ недоваренным объѣдкамъ чужихъ мыслей; одинъ нашъ знаменитый писатель видитъ въ немъ изношенный башмакъ Фурье, который мы съ благоговѣніемъ пронесли на своей головѣ.

Фурье! Этотъ писатель, сравнительно говоря, почти неизвѣстенъ въ Россіи; большинство приверженцевъ нигилизма, конечно, съ изумленіемъ должно узнать, что собственно онъ есть тайное божество, которому въ сокровеннѣйшемъ святилищѣ поклонялись главнѣйшіе адепты ни-

гилизма. Поэтому, именно Фурье служитъ лучшимъ доказательствомъ, что если для нигилизма необходимъ какой-нибудь идолъ, то однакоже свойства самого идола тутъ ничего не значатъ и исповѣдываніе вѣры отъ него почти не зависитъ. Ученія, признаваемыя поклонниками, создаются ими самими, и они готовы потомъ удивляться, если имъ докажутъ, что того или другого изъ этихъ ученій не признавали ихъ идолы.

Нигилизмъ есть отрицаніе всякихъ сложившихся формъ жизни, отрицаніе, которое мы, въ силу особеннаго нашего развитія, заимствовали изъ Европы преимущественно передъ многимъ другимъ, и которое, въ силу тѣхъ же особенностей развитія, стало у насъ хроническимъ.

Какъ мысль, органически привившаяся, нигилизмъ органически и развивается, извнутри, собственною силою, не требуя сторонняго руководства и поддержки, а нуждаясь только въ пищѣ, которую онъ уже способенъ претворить въ свою плоть.

Этою пищею можетъ служить и Фурье, но могутъ служить и преимущественно служатъ другіе писатели, часто, по видимому, совершенно чуждые духу нигилизма. Невозможно не удивляться той чуткости, которую нигилизмъ обнаруживаетъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ западнымъ писателямъ; онъ всегда вѣрно угадываетъ тѣ книги, въ которыхъ есть для него питательные соки. Такъ, между прочимъ, сочувствіемъ нигилизма пользуются англійскіе мыслители за свой скептицизмъ и эмпиризмъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ они безконечно далеки отъ дерзостей нигилизма. Многіе упрекали нигилизмъ за эти и подобныя противорѣчія, упуская изъ виду, что такимъ образомъ они нападаютъ на организующую силу этого настроенія.

Нигилизмъ есть прежде всего и главнѣе всего — отрицаніе; это его основная и здоровая, правильная черта. Все, что̀ можетъ служить опорою для отрицанія, все, что̀ даетъ отрицанію разумность и право, все идетъ въ прокъ нигилизму, составляетъ его законную пищу, законный

источникъ. Русская жизнь, которою въ сущности дѣла вызывается это отрицаніе, вызываетъ его съ двухъ сторонъ. Слабость нашего духовнаго развитія, неясность, неформулированность его глубокихъ основъ, внушаютъ смѣлость отрицать эти основы, отвергать ихъ состоятельность въ силу тѣхъ требованій и задачъ, съ которыми мы, по видимому, имѣемъ полное право приступать къ нимъ. Съ другой стороны, безобразія, которыми преисполнена русская жизнь, составляютъ еще болѣе распространенную и общедоступную пищу отрицанія. Можно сказать утвердительно, что каждое безобразіе, творимое нынѣ на русской землѣ, имѣетъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ, между прочимъ, и усиленіе нигилизма, отражается въ его пропорціональномъ наращеніи.

Эта здоровая сторона нигилизма никогда не должна быть упускаема изъ виду. Скептицизмъ, недовѣріе, отсутствіе наивности, насмѣшливость, бездѣятельная, но умная лѣность,—всѣ эти черты русскаго характера находятъ здѣсь себѣ исходъ.

Но тутъ же обнаружились и другія, болѣе плачевныя черты; въ русской натурѣ есть задатокъ глубокаго цинизма, составляющаго какъ-бы противовѣсъ чистому и высокому энтузіазму, тоже несомнѣнно таящемуся въ русскихъ душахъ. Совершенно ясно, что въ русскомъ характерѣ лежатъ какія-то непримиренныя требованія, какія-то одно другому противорѣчащія стремленія. Трудно намъ проникнуться къ чему либо пламеннымъ восторгомъ, и ядовитая струйка сѣвернаго холода готова примѣшаться къ каждому нашему увлеченію.

Холодность, доходящая до цинизма, до отрицанія всѣхъ теплыхъ и живыхъ движеній души человѣческой, составляетъ ту почву, на которой удобно укрѣпились и разрослись извѣстныя ученія нигилизма. Непониманіе искусства составляетъ здѣсь явленіе, параллельное глубокому непониманію жизни. Цѣлые ряды человѣческихъ чувствъ и отношеній занесены нигилизмомъ въ разрядъ фальшивыхъ явленій; вся индивидуализирующая, фигурная, цвѣтная сторона

жизни подвергается отрицанію. Весьма замѣчательно, что съ понятіемъ такой обезцвѣченной и обезличенной жизни у насъ сочетался нѣкоторый эвдемонизмъ, дѣтское представленіе, будто жизнь, лишенная своей формующей силы, неимѣющая никакихъ центровъ тяжести, чуждая всякихъ красокъ и всякой перспективы, будетъ легче, спокойнѣе, радостнѣе.

Эти блѣдныя фантазіи, можетъ быть, составляютъ только доказательство того, какъ блѣдна, какъ мало имѣетъ нормальнаго содержанія дѣйствительная жизнь, среди которой онѣ возникаютъ. Вообще, въ цѣломъ нигилизмъ представляетъ въ себѣ много молодого, такъ-какъ молодость предполагаетъ незнакомство съ жизнью. Въ нигилизмѣ отразилось то, что мы еще чужды настоящей жизни, политической, общественной, научной, художественной и проч.

Итакъ, нельзя не видѣть, что нигилизмъ хотя развился подъ вліяніемъ Запада, но главныя свои условія нашелъ въ особенностяхъ нашего внутренняго развитія. Самая лучшая и самая важная его сторона есть попытка освобожденія ума отъ тѣхъ узъ, которыя тяготѣютъ надъ русскимъ человѣкомъ. Очень смѣшны всѣ эти господа, рѣшающіе нынѣ всяческіе вопросы собственнымъ умомъ; весьма нелѣпы рѣшенія, къ которымъ они приходятъ; но самый принципъ, порождающій эти дикія попытки, нисколько не смѣшонъ и не нелѣпъ. Жизнь требуетъ какого-нибудь выхода. Ужели можно было ждать чего-нибудь нормальнаго и красиваго отъ людей, разорвавшихъ связь со своею исторіею и народностію? Подчиненіе чужой исторіи, чужой духовной жизни, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ Чаадаевъ, не есть выходъ, а только продолженіе той же нелѣпости, того же разрыва. Волей-неволей приходилось равно оттолкнуть отъ себя и ту и другую сторону, остаться на воздухѣ, между небомъ и землею, и мечтать о переселеніи на луну, или, по крайней мѣрѣ, на необитаемый островъ, гдѣ бы можно было завести новое человѣчество.

Положеніе дикое, но неизбѣжно требуемое ходомъ дѣла и представляющее шагъ впередъ въ нашемъ мудреномъ развитіи.

VI. Нѣчто о Пушкинѣ, главномъ сокровищѣ нашей литературы.

Бѣдна наша литература, но у насъ есть Пушкинъ.

Пока будетъ существовать русскій народъ и русскій языкъ, и даже болѣе — пока «живъ будетъ хоть одинъ піитъ», пока для людей будетъ существовать поэзія, до тѣхъ поръ будутъ говорить о Пушкинѣ, до тѣхъ поръ люди будутъ погружаться въ созерцаніе этого удивительнаго свѣтила, услаждать и просвѣтлять свою душу его чистыми лучами, его безупречно яснымъ сіяніемъ.

Есть нѣчто безумное (скажемъ высокимъ слогомъ, чтобы не употреблять другихъ словъ, можетъ быть болѣе точныхъ и справедливыхъ, но не гармонирующихъ съ важностію предмета, о которомъ мы заговорили), есть нѣчто поразительно-безумное во многихъ сужденіяхъ и толкованіяхъ, которымъ подвергался Пушкинъ въ нашей — какъ бы сказать? — дѣйствовавшей литературѣ, той части литературы, которая, исполнившись непобѣдимой вѣры въ свои силы и свое призваніе, принялась все рѣшать вновь, взяла на себя установить надлежащій взглядъ на всѣ вещи въ мірѣ, а между прочимъ и на русскую литературу. Не всегда слѣдуетъ быть строгимъ къ сужденіямъ людей; мы даже впадемъ въ смѣшное, если слишкомъ усердно будемъ гоняться за несостоятельностію этихъ сужденій. Гораздо полезнѣе и правильнѣе искать въ каждомъ сужденіи истинныхъ его поводовъ, и слѣдовательно, правдивой его стороны. Человѣкъ даже мало развитый и проницательный, если судитъ искренно и добросовѣстно, все-таки касается какой-нибудь дѣйствительной черты обсуждаемаго предмета, такъ что при надлежащемъ вниманіи можно дать его сужденію совершенно здравое истолко-

ваніе. Но разбирая сужденія о Пушкинѣ, о которыхъ мы завели рѣчь, почти нѣтъ возможности стать даже и на такую точку зрѣнія.

Прежде всего, здѣсь васъ поражаетъ безмѣрная диспропорція между предметомъ этихъ сужденій и силами и пріемами судящихъ. Съ одной стороны вы видите явленіе громадное, глубокое, ширящееся въ безконечность, явленіе, въ которомъ отзывается вѣчная красота души человѣческой, воплощаются ея безпредѣльныя стремленія; съ другой стороны вы видите людей съ микроскопически-узкими и слѣпыми взглядами, съ невѣроятно короткими мѣрками и циркулями, предназначаемыми для измѣренія и оцѣнки великаго явленія. Эти люди очевидно лишены всякихъ средствъ справиться съ задачею, которую они себѣ предлагаютъ. И вотъ почему ихъ усилія, дерзкія, самодовольныя, а въ дѣйствительности невозможныя и нелѣпыя, производятъ впечатлѣніе безумія.

Въ нашъ много-умный вѣкъ непониманіе великаго часто также идетъ за признакъ ума; между тѣмъ, въ сущности, не составляетъ ли это непониманіе самаго разительнаго доказательства умственной слабости?

Изъ всѣхъ явленій русской жизни, Пушкинъ всего настоятельнѣе требуетъ такого отношенія къ себѣ, какого требуетъ вообще поэзія, искусство, красота, т. е. прежде всего—созерцанія. Полемизировать съ Пушкинымъ, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ критиковъ—есть великая нелѣпость; больше, чѣмъ кого-нибудь, Пушкина слѣдуетъ изучать, и тотъ отнесется къ нему всего правильнѣе, кто всѣхъ больше извлечетъ изъ него поученія, кто всѣхъ больше найдетъ въ немъ откровеній, указаній на глубокій и сокровенный смыслъ явленій души человѣческой вообще и русской души въ особенности.

Такъ-какъ все у насъ забывается, все быстро изглаживается изъ памяти, такъ-какъ умы наши, слишкомъ подавленные многоразличными заботами, слишкомъ развлеченные постоянно надвигающимися, въ различныхъ видахъ и формахъ возобновляющимися задачами, рѣдко поль-

зуются тѣмъ состояніемъ спокойствія, которое необходимо для остановки на прошломъ и правильной его оцѣнки, то мы считаемъ нелишнимъ указать здѣсь нѣкоторыя черты историческаго и вѣковѣчнаго значенія Пушкина.

Мы вообще мало вѣримъ въ себя и до сихъ поръ принуждены отдавать себѣ отчетъ въ своихъ силахъ; даже столь яркое явленіе, какъ Пушкинъ, не составляетъ для насъ твердой точки опоры; такъ, сомнѣваясь въ своемъ духовномъ значеніи для нашихъ братьевъ славянъ, мы сдѣлали предположеніе, что, можетъ быть, они превзойдутъ насъ въ поэзіи, и что тогда, можетъ быть, «стихи Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, недостигшихъ умѣнья владѣть вполнѣ образованной рѣчью!»

Превзойти Пушкина! Отодвинуть его произведенія въ разрядъ ученическихъ попытокъ! Подобная вѣра въ быстроту и силу человѣческаго прогреса, подобный нигилизмъ въ отношеніи къ драгоцѣннѣйшимъ произведеніямъ нашей литературы, едва-ли однакожъ многихъ поразитъ изумленіемъ въ надлежащей степени. Такова у насъ слабость сознанія нашей духовной жизни, такова шаткость во взглядахъ на нее. Немногіе чувствуютъ, а еще менѣе знаютъ, что Пушкина отодвигать некуда, что затмѣвать его невозможно, что самыя эти выраженія, взятыя изъ ходячихъ формулъ прогреса, непристойны въ сужденіяхъ о предметахъ этого рода. Викторъ Гюго въ своей книгѣ о Шекспирѣ утверждаетъ, что великіе поэты должны быть признаваемы равными между собою. Хотя это все-таки формула, но она несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ размѣщеніе поэтовъ по нѣкоторой лѣствицѣ превосходства и преемственной послѣдовательности.

Но немногіе у насъ признаютъ, что Пушкинъ великій поэтъ, что для оцѣнки его необходимо подниматься на эти возвышенныя точки зрѣнія. Возьмемъ сперва внѣшнюю сторону. Мы, повидимому, еще не считаемъ свой литературный языкъ вполнѣ готовымъ орудіемъ для воплощенія высокихъ созданій духа. Если можно было сдѣлать пред-

положеніе, что стихи и проза Пушкина не достигаютъ полнаго умѣнья владѣть образованной рѣчью, то, значитъ, подобнаго умѣнья вообще еще не достигла русская литература.

Эта мысль нетолько возможна, но многіе весьма искренно ее исповѣдуютъ. Въ языкѣ у насъ, по видимому, существуетъ значительная разноголосица, и разныя попытки обновить языкъ, внести въ него ту или другую струю, какъ будто доказываютъ, что нашъ литературный языкъ еще не установился. Подобное мнѣніе намъ кажется весьма неправильнымъ. Ту свободу, которою пользуются наши писатели въ отношеніи къ языку и которая доказываетъ полную зрѣлость этого языка, они все еще, по старой привычкѣ, принимаютъ за признакъ несовершенства языка, за признакъ его неустановленности.

Приведемъ здѣсь слова одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ филологовъ, весьма опредѣленно указывающія на состояніе нашего литературнаго языка и на значеніе Пушкина въ этомъ языкѣ. Вотъ что было сказано лѣтъ двѣнадцать назадъ:

«Въ поэтическомъ словѣ Пушкина пришли къ окончательному равновѣсію всѣ стихіи русской рѣчи».

«Изящество рѣчи Пушкина вышло не изъ хаоса. Хаосъ прекратился до него, и уже до него возникъ стройный и правильный порядокъ. Но въ дѣятельности нашего поэта окончилось развитіе этого порядка; въ ней, наконецъ, успокоился внутренній трудъ образованія языка; въ Пушкинѣ творческая мысль заключила рядъ своихъ завоеваній въ этой области, раздѣлалась съ нею, и освободилась для новыхъ задачъ, для иной дѣятельности. Настоящій русскій языкъ есть уже языкъ совершенно создавшійся, принявшій всѣ впечатлѣнія образующей силы и дающій полную возможность для всякаго умственнаго развитія».

«Русскій языкъ, слава Богу! окончательно образовался и не нуждается ни въ какихъ блюстителяхъ. Писатели, которые въ настоящее время грѣшатъ противъ духа и законовъ языка, вредятъ только своей мысли: языку же вре-

дить отнюдь не могутъ и заботы о немъ совершенно излишни».

«Геніемъ Пушкина завершенъ рядъ славныхъ усилій, которыя дали русскому слову силу всемірную, силу служить прекраснымъ орудіемъ духу жизни и развитія».

«Первый и главный признакъ полнаго равновѣсія, въ какое поэзія Пушкина привела всѣ стихіи русской рѣчи, видимъ мы въ совершенной свободѣ ея движеній».

«У Пушкина впервые легко и непринужденно сошлись въ одну рѣчь и церковно-славянская форма, и народное реченіе, и реченіе этимологически чуждое, но усвоенное мыслью, какъ ея собственное, ни одному языку исключительно не принадлежащее и всѣми языками равно признанное выраженіе» («Русск. Вѣстн.», 1856, кн. 2).

Исторія нашей литературы послѣ Пушкина какъ нельзя лучше подтверждаетъ эти положенія. Никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло въ нашемъ языкѣ; нельзя указать въ немъ никакого новаго періода, хотя бы слабо отличающагося отъ предъидущаго. Послѣдняя повѣсть Тургенева писана вполнѣ пушкинскимъ языкомъ; а всяческія отступленія и новаторства, нынче очень обыкновенныя въ литературѣ, суть очевидно только колебанія въ предѣлахъ той же мѣры, той же основной гармоніи, которая найдена Пушкинымъ. Нынѣ очень часто пишутъ и переводятъ языкомъ, напоминающимъ до-карамзинское время; другіе, избѣгая этой мертвенной книжности, до того переполняютъ рѣчь изысканно русскими оборотами и словами, что ихъ читать невозможно (Кохановская, Бицынъ). И то и другое составляетъ умышленное или неумышленное нарушеніе надлежащей мѣры нашего литературнаго языка, мѣры не предполагаемой, не составляющей нѣкотораго достижимаго будущаго, а уже существующей, уже указанной ясными чертами въ произведеніяхъ Пушкина.

Обратимся теперь къ внутреннему значенію Пушкина. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ его значенію въ исторіи нашего языка. Мы приведемъ здѣсь свидѣтельство одного знаменитаго нѣмецкаго критика, Варнгагена фон-Энзе.

Сужденія этого критика въ этомъ случаѣ тысячекратно основательнѣе, чѣмъ нашихъ отечественныхъ мыслителей (за исключеніемъ одного, о которомъ современемъ мы скажемъ подробно и ясно, какъ всегда слѣдуетъ говорить для нашихъ читателей) *). Но кромѣ того сужденія этого нѣмца отличаются такой очевидной искренностію, такимъ избыткомъ глубокаго и самостоятельнаго убѣжденія, что болѣе всякихъ другихъ способны поразить разумѣющаго читателя.

Варнгагенъ фон-Энзе говоритъ, что въ Пушкинѣ явилась на свѣтъ русская поэзія, которой до тѣхъ поръ не существовало. «Мы можемъ видѣть на себѣ — прибавляетъ онъ—какъ долго можетъ замедлиться развитіе этого цвѣтка, при роскошномъ процвѣтаніи другихъ сторонъ народной жизни: наша поэзія со вчерашняго дня; до Гёте и Шиллера нѣмцы не имѣли поэта—выразителя ихъ совокупнаго образованія во всей его цѣлости».

Что для нѣмцевъ Гёте и Шиллеръ, то для насъ Пушкинъ; то-есть, вопервыхъ, онъ поэтъ въ высшемъ смыслѣ слова: онъ, по выраженію Виктора Гюго, принадлежитъ къ сонму «равныхъ», а вовторыхъ, по этому самому онъ «поэтъ оригинальный, поэтъ самобытный». На этомъ второмъ положеніи критикъ останавливается съ особенной настойчивостію, какъ на весьма существенномъ, тѣмъ больше, что, по его словамъ, «русскіе сами, по скромности или осторожности, нерѣдко называютъ Пушкина подражателемъ», и онъ находитъ, что «они уже слишкомъ далеко простерли эту скромность или эту осторожность».

Критикъ постарался вслѣдствіе этого характеризовать особенность пушкинской поэзіи, и вотъ эту-то характеристику, составляющую лучшее и центральное мѣсто статьи, мы и напомнимъ читателямъ. Сопоставляя Пушкина съ Байрономъ и Шиллеромъ, Варнгагенъ фон-Энзе говоритъ:

«Въ немъ та же противоположность и раздоръ мечты съ дѣйствительностію, та же тоска, то же полное сомнѣній уныніе, та же печаль по утраченномъ и грусть по недо-

*) Аполлона Григорьева. *Поздн. Прим.*

стижимомъ счастіи, та же разорванность и величественная, великодушная преданность — всѣ эти качества, особенно преобладающія въ Байронѣ. Но главное, существенное свойство Пушкина, отличающее его отъ нихъ, состоитъ въ томъ, что онъ живымъ образомъ слилъ всѣ исчисленныя нами качества съ ихъ рѣшительной противоположностію, именно—съ свѣжею духовною гармоніею, которая, какъ яркое сіяніе солнца, просвѣчиваетъ сквозь его поэзію и всегда, при самыхъ мрачныхъ ощущеніяхъ, при самомъ страшномъ отчаяніи, подаетъ утѣшеніе и надежду. Въ гармоніи, въ этомъ направленіи къ мощному и дѣйствительному, укрѣпляющемъ сердце, вселяющемъ мужество въ духъ, мы можемъ сравнить его съ Гёте. Истинная поэзія есть радость и утѣшеніе, и для того, чтобы быть этимъ, она нисходитъ до всѣхъ страданій и горестей. Укрѣпляющую, живительную силу Пушкина испытаетъ на себѣ всякій, кто будетъ читать его созданія. Его геній столь же способенъ къ комическому и шутливому, сколько къ трагическому и патетическому; особенно же склоненъ онъ къ ироническому, которое часто переходитъ у него въ юморъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Свѣтлая гармонія, бодрое мужество составляютъ основу его поэзіи, основу, по которой всѣ другія его свойства пробѣгаютъ, какъ тѣни, или лучше, какъ оттѣнки. Его характеру вполнѣ равновѣсно его выраженіе: вездѣ быстрая краткость, вездѣ свѣжій, совершенно-самостоятельный, сосредоточенный образъ, яркая молнія духа, рѣзкій оборотъ. Мало поэтовъ, которые были бы такъ чужды, какъ Пушкинъ, всего изысканнаго, растянутаго, всякаго con amore набираемаго хлама. Его естественность, довольствующаяся самымъ простымъ словомъ, быстро схватывающая каждый предметъ; его могучее воображеніе, полное согрѣвающей теплоты и величія; его то кроткое, то горькое остроуміе— все соединяется для того, чтобы произвесть самое гармоническое, самое благотворное впечатлѣніе въ духѣ безпре-

рывно-занятаго и безпрерывно-свободнаго, ни минуты не мучимаго читателя».

Вотъ страница, которая, можно предполагать, навсегда свяжетъ имя нѣмецкаго критика съ именемъ нашего великаго поэта. Каждый, кто знакомъ съ Пушкинымъ, даже не глубоко, согласится, что черты этой яркой характеристики вполнѣ идутъ къ прекрасному образу пушкинской поэзіи. Замѣтимъ поразительное обстоятельство. Изъ словъ Варнгагена фон-Энзе ясно видно, что и по духу и по формѣ, эта поэзія всего ближе подходитъ къ идеалу истинной поэзіи, что въ немъ самый чистый (наиболѣе гармоническій) духъ воплотился въ самой чистой формѣ. И таково дѣйствительно значеніе Пушкина для всякаго, кто успѣлъ понять и полюбить его. Какъ бы ни были величавы и многозначительны произведенія другихъ поэтовъ, Пушкинъ для каждаго понимающаго есть поэтъ несравненный, такъ-сказать, самый поэтичный изъ поэтовъ.

Замѣтимъ еще также, что въ Пушкинѣ, какъ въ величайшемъ представителѣ нашей литературы, отразились всѣ черты, характеризующія нашу литературу. Способность Пушкина къ шутливому и ироническому, способность, очевидно, поразившая Варнгагена фон-Энзе въ такомъ возвышенномъ и нѣжномъ поэтѣ, есть общая особенность, общая сильная струна нашей литературы, столь нетерпящей ничего прѣснаго, и столь любящей лить слезы сквозь видимый міру смѣхъ. Точно такъ быстрая краткость выраженія, свѣжесть образовъ, естественность, довольствующаяся самыми простыми словами, всѣ эти качества до сихъ поръ составляютъ замѣтное и сознательно-цѣнимое достоинство нашихъ писателей. Даже самые маленькіе изъ нихъ не любятъ ничего изысканнаго, растянутаго, никакого con amore набираемаго хлама. Вслѣдствіе этого общаго свойства, наша литература вообще отличается малымъ объемомъ, быстрою краткостію своихъ произведеній и періодовъ. Содержаніе ея гораздо глубже и значительнѣе, чѣмъ можно

ская Публ

подумать судя по ея малому объему, по ея скупости на форму, на выраженіе.

Но обратимся къ Пушкину. Ему не чуждо было сознаніе своего величія. Этому простому человѣку (одному изъ простѣйшихъ, какіе были въ мірѣ, по замѣчанію нѣкотораго критика), добродушно признававшему себя орудіемъ какой-то высшей силы, должно быть иногда странно было чувствовать себя такъ высоко. По временамъ, однакоже, онъ ощущалъ въ себѣ такую могучую увѣренность, такъ свободно носились его крылья по чистой эѳирной области, которой онъ былъ жителемъ, что душа его наполнялась гордой радостію, и онъ невольно бросалъ съ своихъ высотъ на другіе умы взглядъ, такъ-сказать, играющій высокомѣріемъ.

Въ одно изъ такихъ временъ добродушный Пушкинъ написалъ двѣ пародіи, именно «Лѣтопись села Горохина», пародію на «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, и такъ-называемыя второе и третіе «Подражанія Данту», составляющія пародію на «Адъ Божественной Комедіи» Данта. Сколько помнится, никогда не было указано на такое значеніе этихъ произведеній; между тѣмъ оно несомнѣнно, и мы указываемъ на него, какъ на свидѣтельство тѣхъ проблесковъ сознанія своего величія, которые въ этомъ случаѣ, то-есть у Пушкина, доказываютъ самое величіе.

Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о томъ, что такое пародія. Читатели, привыкшіе къ современнымъ ходячимъ пародіямъ, пожалуй, видятъ въ нихъ что-то не совсѣмъ хорошее, и готовы будутъ найти, что мы не дѣлаемъ чести Пушкину, приписавъ ему охоту упражняться въ этомъ родѣ поэзіи. Пародія составляетъ нынче большею частію безтолковое глумленіе надъ пародируемымъ произведеніемъ, состоящее въ безцеремонномъ искаженіи его смысла, тона и духа. Это дѣло легкое и безплодное, въ которомъ талантъ замѣняется грязнымъ воображеніемъ, одѣвающимъ въ пошлость все, что ни видитъ передъ собою.

Не такова настоящая, поэтическая пародія. Она требуетъ глубокаго и строгаго проникновенія въ духъ и манеру писателя, который пародируется. Чѣмъ ближе пародія къ подлиннику, тѣмъ она выше. Вовторыхъ, такая пародія требуетъ полнаго и мѣткаго указанія тѣхъ противорѣчій, которыя пародируемый писатель представляетъ въ отношеніи къ дѣйствительности или къ идеалу; слѣдовательно, такая пародія требуетъ яснаго пониманія этой дѣйствительности, этого идеала; она вызывается этимъ пониманіемъ, и служитъ для его выраженія и проясненія. Такимъ образомъ, изъ-за настоящей пародіи долженъ выглядывать тотъ взглядъ на предметъ, то лучшее и высшее его пониманіе, противъ котораго фальшивитъ пародируемый авторъ.

Въ такомъ смыслѣ, какъ обличеніе фальши передъ истиною, пародія есть вполнѣ поэтическое дѣло, вызываемое дѣйствительною поэтическою потребностію и требующее высокаго таланта. И въ этомъ смыслѣ пародіи Пушкина суть произведенія удивительныя по глубинѣ и мастерству, лучшія пародіи, какія когда либо были писаны.

Сдѣлаемъ еще отступленіе. Пародіи Пушкина писаны въ 1830 году, въ самомъ плодотворномъ году его дѣятельности. По мнѣнію П. В. Анненкова, впрочемъ, пародія на Данта писана нѣсколько позднѣе, въ 1832 году. Но Пушкинъ до конца своей жизни никогда не думалъ печатать этихъ странныхъ произведеній, и они явились только послѣ его смерти въ «Современникѣ». Мы знаемъ, что въ послѣднее свое время Пушкинъ вообще боялся публики, поэтому медлилъ печатаніемъ своихъ вещей, или употреблялъ разныя уловки и предосторожности, чтобы охранить себя отъ неблагопріятныхъ сужденій. Въ отношеніи къ пародіямъ можно почти навѣрное сказать, что онѣ сдѣланы имъ только для себя. Это была свободная игра его могучаго генія, смыслъ которой едва-ли былъ бы доступенъ для его читателей.

Такимъ образомъ, эти произведенія составляютъ одно изъ указаній на тѣ широкіе размахи, къ которымъ спо-

собенъ былъ Пушкинъ, на тѣ глубокія и трудныя задачи, которыхъ онъ касался смѣло, какъ власть имущій. Подобныхъ геніальныхъ попытокъ не мало у Пушкина, и онѣ могутъ представить для насъ высокое поученіе, если мы уразумѣемъ ихъ въ настоящемъ смыслѣ.

Не имѣя въ виду изложить здѣсь полный анализъ двухъ пародій, о которыхъ мы говоримъ, приведемъ, однакоже, нѣкоторыя доказательства своего мнѣнія.

«Лѣтопись села Горохина» писана языкомъ карамзинской «Исторіи», этимъ знаменитымъ слогомъ, въ которомъ русская проза впервые зазвучала нѣсколько искуственною и монотонною, но ясною мелодіею. Расположеніе пародіи напоминаетъ первый томъ «Исторіи Государства Россійскаго». Вступленіе соотвѣтствуетъ предисловію. Отъ стиховъ и повѣстей Бѣлкинъ, подобно Карамзину, перешелъ къ исторіи, и перешелъ съ тѣми же чувствами. «Мысль—пишетъ Бѣлкинъ — оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повѣствованія великихъ и истинныхъ происшествій давно тревожила мое воображеніе» (т. IV, стр. 223). Такъ смотрѣлъ и Карамзинъ. «И вымыслы нравятся—говоритъ онъ—но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина» (Предисл. X). Взглядъ на значеніе исторіи у обоихъ совершенно одинаковъ. «Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя». Такъ пишетъ Бѣлкинъ, и такъ же начинаетъ Карамзинъ: «Исторія есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ» и пр.

За вступленіемъ слѣдуетъ списокъ источниковъ. какъ и у Карамзина; затѣмъ «Баснословныя Времена», соотвѣтствующія первой главѣ, и «Времена Историческія», соотвѣтствующія третьей главѣ перваго тома «Исторіи Государства Россійскаго».

Всего яснѣе параллельность двухъ послѣднихъ частей. Карамзинъ всячески восхваляетъ древнихъ славянъ; тѣмъ

же хвалебнымъ тономъ пишетъ Бѣлкинъ о своихъ горохинцахъ.

Карамзинъ: «Славяне имѣли въ странѣ своей истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства, и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ которомъ издревле упражнялись» (стр. 64).

Бѣлкинъ: «Издревле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благорастворенным климатомъ. На тучныхъ его нивахъ родятся: рожь, овесъ, ячмень и грѣчиха».

Карамзинъ: «Греки, осуждая нечистоту славянъ, хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые» (стр. 55).

Бѣлкинъ: «Обитатели Горохина, большею частію, роста средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе».

Карамзинъ: «Поляне были образованнѣе другихъ». «Древніе славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ-называемыхъ Искусствъ Изящныхъ». «Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ: ибо всѣ народы славянскіе донынѣ любятъ ихъ» (стр. 69).

Бѣлкинъ. «Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горохинцевъ; балалайка и волынка, услаждая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ елкою».

Но еще сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ чертахъ, въ общемъ тонѣ «Лѣтописи села Горохина» чувствуется удивительно-схваченная манера Карамзина; перечитывая потомъ первый томъ «Исторіи», нельзя не чувствовать глубокой фальши, въ которую впалъ Карамзинъ, рѣзкаго, и потому смѣшного противорѣчія между предметомъ и изложеніемъ.

Итакъ, вотъ что сдѣлалъ Пушкинъ. Онъ позволилъ себѣ лукавую и веселую дерзость, далеко превосходящую

дерзости современныхъ намъ нигилистовъ. Онъ рѣшился подсмѣяться надъ нашими лѣтописями и надъ великимъ трудомъ Карамзина, безъ сомнѣнія, величайшимъ произведеніемъ русской литературы до Пушкина.

Но какая разница между взглядомъ поэта, умѣющаго видѣть больше другихъ людей, и тупымъ отрицаніемъ, опирающимся на одномъ непониманіи! Сквозь насмѣшки Пушкина сквозитъ истина дѣла; какъ живое, встаетъ передъ вами Горохино, и вы начинаете догадываться, въ какомъ правдивомъ свѣтѣ можно бы изложить исторію нашихъ предковъ. Карамзинъ, очевидно, употребилъ для этой исторіи чужія мѣрки, облекъ ее въ ложныя краски; Пушкинъ глубоко почувствовалъ фальшь и попробовалъ сдѣлать нѣсколько штриховъ, вполнѣ вѣрныхъ дѣйствительности: контрастъ вышелъ поразительный.

Для нашихъ историковъ «Лѣтопись села Горохина» должна служить постояннымъ указаніемъ на то, къ чему они должны направлять всѣ усилія при изображеніи далекой старины, людей и нравовъ, стоящихъ на совершенно иныхъ ступеняхъ развитія, имѣющихъ совершенно иныя формы жизни. Всему своя мѣра.

Не такъ легко опредѣлить смыслъ пародіи на Данта. Но что это дѣйствительная пародія, въ этомъ легко убѣдиться. Кто читалъ, тотъ, конечно, помнитъ эти стихи съ нестерпимо-рѣзкими образами:

И далѣ мы пошли — и страхъ обнялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ,
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ.
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ

И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.

Тутъ все Дантовское: краски, обороты, и въ содержаніи—соотвѣтствіе между казнью грѣшника и грѣхами, за которые эта казнь воздается. Для сравненія вотъ отрывокъ изъ XXI пѣсни «Ада». Дантъ видитъ чорнаго бѣса, который бѣжитъ «стуча копытами и хлопая крылами.»

Взваливъ себѣ на острыя плеча
И возлѣ пятъ когтьми вцѣпившись въ кости,
Онъ за ноги мчалъ грѣшника, крича:

«Вотъ старшина святыя Зиты!»...
. . . . . .

Швырнувъ его, умчался бѣсъ понурый,
И никогда съ такою быстротой
За воромъ песъ не гнался изъ конуры.

Тотъ въ глубь нырнулъ и всплылъ, облитъ смолой;
А демоны изъ-подъ скалы висячей
Вскричали: «Здѣсь иконы нѣтъ святой!»

. . . . . .

И сто багровъ въ него всадили вмигъ,
Вскричавъ: «Пляши, гдѣ варъ сильнѣй вскипаетъ
И, если можешь, надувай другихъ!»

Такъ поваренковъ поваръ заставляетъ
Крючками мясо погружать въ котлѣ.
Когда оно поверхъ воды всплываетъ.

(Переводъ Д. Мина. XXI, 34—57).

Очевидно, поэтическое чувство Пушкина было оскорблено грубою матеріальностью этихъ картинъ, избыткомъ въ нихъ яркихъ красокъ и рѣзкихъ движеній, заслоняющихъ внутреннее содержаніе. Въ этомъ ощущеніи дисгармоніи выразилась и разница между южной, итальянской натурой Данта и сѣверною природой нашего поэта, и, можетъ быть, другая, еще болѣе глубокая разница,—между міросозерцаніемъ Запада вообще и среднихъ вѣковъ въ особенности, и міросозерцаніемъ нашего времени и нашего русскаго духовнаго строя. Въ другихъ, уже серьезныхъ, а не пародическихъ терцинахъ Пушкинъ, кажется, пробо-

валъ олицетворять свои собственныя священныя идеи, и тогда получались уже совершенно иные образы. Вспомните эту величавую жену, которую поэтъ видѣлъ такъ ясно:

Ея чела я помню покрывало
И очи, свѣтлыя, какъ небеса.

Какая чистота линій, какое спокойствіе и простота въ этомъ образѣ, а между тѣмъ, онъ исполненъ невыразимаго величія:

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И полныя святыни словеса.

VI. Вредный характеръ нашей литературы.

Статья наша по необходимости вышла слишкомъ отрывочна и несоразмѣрна въ своихъ частяхъ: причина этого въ самомъ предметѣ, чрезвычайно трудномъ, и вмѣстѣ очень богатомъ. Мы не имѣли возможности ссылаться на общепринятыя истины, на ходячіе результаты; приходилось или пускаться въ подробныя объясненія, или дѣлать слишкомъ общіе и отрывочные очерки.

Въ заключеніе, мы хотѣли поговорить о вредѣ русской литературы — тема необыкновенно интересная и поучительная, на которую уже мы намекали. Странное явленіе! Эта бѣдная литература имѣетъ честь возбуждать къ себѣ сильное враждебное чувство съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Трудно даже сказать, есть ли люди, любящіе и уважающіе нашу литературу; люди же, питающіе къ ней вражду и считающіе ее злокачественнымъ элементомъ русской жизни — на лицо, и сужденія ихъ раздаются громко и часто.

Извѣстна всѣмъ непріязнь, исповѣдываемая въ этомъ отношеніи нашими ретроградами, людьми отсталыми и мало просвѣщенными. Для нихъ литература есть источникъ великаго зла; для нихъ Гоголь и Бѣлинскій—развратители юношества, новѣйшіе же писатели и туго хуже. Естественно, что чѣмъ ретроградднѣе человѣкъ, тѣмъ дальше назадъ онъ простираетъ свое осужденіе, такъ что для иного Лермонтовъ и Пушкинъ суть тоже легкомысленные и безнравственные писатели, и т. д.

Совершенно въ обратномъ порядкѣ налагаютъ тѣнь осужденія на нашу литературу люди просвѣщенные и либеральные. Всего зловреднѣе для нихъ кажутся самые старые писатели: Ломоносовъ, Державинъ; затѣмъ, оцѣнка ихъ смягчается по мѣрѣ приближенія къ нашему времени. Но законъ и здѣсь тотъ же: чѣмъ просвѣщеннѣе и прогресивнѣе человѣкъ, тѣмъ дальше впередъ, тѣмъ ближе къ настоящей минутѣ онъ подвигаетъ роковую грань осужденія; есть такіе, для которыхъ эта грань уже захватываетъ Гоголя и Бѣлинскаго, а многіе подвинули ее и еще дальше.

Для нашихъ отсталыхъ людей, наша литература давно уже сбилась съ надлежащаго пути и колеситъ Богъ-знаетъ по какимъ трущобамъ; для нашихъ просвѣщенныхъ людей — она принялась за дѣло только со вчерашняго дня, а до тѣхъ поръ стремилась къ нелѣпымъ цѣлямъ и только сбивала людей съ толку. Такимъ образомъ, результатъ одинъ: литература наша признается никуда негодною, въ ней отрицается всякій прогресъ, всякое живое начало, и каждый ея дѣятель подвергается одинаковому осужденію съ противоположныхъ сторонъ.

Какъ мы сказали, это дѣлаетъ великую честь литературѣ, ибо явно обнаруживаетъ ея силу, глубину и самостоятельность ея движенія. Ничего нѣтъ мудренаго, что ни наши ретрограды, ни наши прогресисты одинаково не понимаютъ дѣла, совершаемаго литературою; понятно также, почему они всячески преслѣдуютъ ее и унижаютъ: она имъ мѣшаетъ, заслоняетъ имъ свѣтъ.

Весьма интересно углубиться въ различныя проявленія этой вражды; ибо въ нихъ мы нашли бы указанія именно на тѣ черты нашей литературы, которыя не подчиняются узкимъ и одностороннимъ взглядамъ и особенно безпокоятъ враждующихъ. Мы думали здѣсь, въ видѣ примѣра, остановиться на краткомъ очеркѣ исторіи нашей литературы, который мы нашли въ книгѣ: «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ» *), и который показался намъ весьма назидательнымъ.

Густою тѣнью покрыта въ этомъ обзорѣ дѣятельность всѣхъ нашихъ писателей, не исключая и Бѣлинскаго, и того послѣдняго періода нашей бельлетристики, къ которому относятся «Тургеневъ, Гончаровъ и прочіе писатели этой школы». Вотъ какъ характеризуется этотъ періодъ и эта школа: «Въ лучшихъ людяхъ уже созрѣла мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Но затѣмъ это была едвали не единственная ясно сознанная общественная идея этого времени; всѣ другія общественныя потребности вызывали въ «лишнихъ людяхъ» только темныя предчувствія, въ которыхъ они не могли дать себѣ отчета».

Если таковъ приговоръ надъ направленіемъ Бѣлинскаго и школою имъ воспитанной, то читатель легко представитъ, въ какомъ видѣ изображена дѣятельность предшествовавшихъ писателей. Она является въ высшей степени безплодною и ничтожною. Тѣнь положена такъ густо, что вовсе невозможно различить одного времени отъ другаго. «Новый періодъ русской новой литературы, говоритъ «Обзоръ», начинаютъ съ Карамзина и Жуковскаго». Но это конечно несправедливо, такъ-какъ, что же можно признать дѣйствительно новымъ въ этой постоянной игрѣ въ бирюльки? И въ самомъ дѣлѣ борьба, возбужденная «нововведеніями Карамзина и Жуковскаго», состояла вотъ въ чемъ: «сантиментальная изнѣженность одного и романтическій туманъ другого показались ересью приверженцамъ

*) Спб. 1865.

старой торжественной оды», т. е., какъ говорится въ другомъ мѣстѣ, «наиболѣе ничтожной литературной формы». Одни пустяки смѣнились другими—вотъ весь смыслъ мнимаго наступленія новаго періода.

Но оставимъ отдѣльныя отрицательныя черты, такъ щедро разсыпанныя въ небольшомъ очеркѣ по всему поприщу нашей словесной исторіи, что много нужно бы времени, чтобы перебрать ихъ всѣ и взвѣсить надлежащимъ образомъ. Картина выходитъ туманная, безсвязная, въ которой ничего разобрать нельзя вслѣдствіе избытка темныхъ красокъ. Есть, однакоже, упрекъ, который повторяется очень часто въ этомъ очеркѣ, прилагается къ писателямъ различныхъ временъ и потому, какъ намъ кажется, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на всю картину, нѣсколько связываетъ ея разрозненныя части. Именно, почти всѣхъ нашихъ главныхъ писателей «Обзоръ» завиняетъ—въ чемъ бы вы думали? — въ нѣкоторомъ славянофильствѣ. Такъ, о Фонвизинѣ сказано, что онъ «изъ чисто-славянофильскихъ тенденцій бранитъ Западную Европу». Весьма рѣзкій приговоръ надъ Карамзинымъ завершается словами: «Въ немъ были уже задатки настоящаго славянофильства». О Пушкинѣ, неоправдавшемъ надеждъ, поданныхъ имъ въ молодости, говорится: «Въ позднѣйшую эпоху дѣятельности у Пушкина начинаютъ выказываться вещи, которыя потомъ назывались славянофильствомъ». Съ Гоголемъ случилось то же самое; онъ тоже подчинился «вліянію извѣстныхъ тенденцій» и «вздумалъ поставлять читателю мнимые русскіе идеалы».

Преинтересныя замѣчанія! Авторъ, къ сожалѣнію, бросилъ ихъ вскользь и не замѣтилъ, что они сливаются въ нѣчто цѣлое. Открывъ столь важное явленіе, можно было бы прослѣдить его дальше; не отзывается ли славянофильство и у другихъ нашихъ писателей? Намъ кажется, слѣды его есть и у Лермонтова, и у Грибоѣдова, и у многихъ другихъ. Такимъ образомъ, славянофильство составляетъ, можетъ быть, общій характеръ нашей литературы—выводъ необыкновенно важный, еслибы онъ подтвер-

дился основательными изслѣдованіями. Если наша бѣдная литература имѣетъ какое-нибудь значеніе, то славянофилы, конечно, были бы въ правѣ гордиться подобнымъ открытіемъ; для нихъ было бы лестно убѣдиться, что каждый замѣчательный русскій писатель былъ болѣе или менѣе славянофиломъ, что если иные изъ нихъ въ началѣ шли по другому направленію, то подъ конецъ все-таки приходили къ тому же славянофильству.

Съ другой стороны, еслибы это было справедливо, то стало бы совершенно понятно, почему люди иныхъ убѣжденій смотрятъ такъ неблагосклонно на исторію русской литературы, не признаютъ въ ней никакой жизненности и отрицаютъ значеніе нашихъ писателей. Если каждый изъ дѣятелей, создавшихъ нашъ языкъ и нашу литературу, былъ болѣе или менѣе славянофиломъ, то люди, для которыхъ славянофильство — соблазнъ и безуміе, не могутъ признавать за этой литературой живого содержанія и живого развитія.

Итакъ, вотъ еще черта глубины и самостоятельности нашей литературы. Ея содержаніе, ея стремленія и задачи гораздо обширнѣе и важнѣе, чѣмъ думаютъ многіе цѣнители; западники находятъ ее славянофильской, славянофилы западнической; но она ни то, ни другое.

На прощанье мы желаемъ поздравить читателя съ тѣмъ оживленіемъ литературной дѣятельности, которое предстоитъ въ наступающемъ году. Появляются новые журналы, старые обновляются. Пусть гг. фельетонисты, упрекавшіе насъ за твердую увѣренность въ безостановочномъ развитіи нашей литературы, сознаются теперь, какъ они были неправы. Блистательное превращеніе, совершающееся въ настоящую минуту, не показываетъ ли, что мы обильны силами, стремленіями, дѣятельностію? Какъ только явился случай, представилась возможность, цѣлые ряды умственныхъ дѣятелей выступили на общественное поприще и, нѣтъ сомнѣнія, новыя, свѣжія, живыя мысли польются непрерывнымъ потокомъ. Фельетонисты должны съ слѣдующаго года прекратить свои рыданія и жалобы

на пустоту и безплодіе журналистики; эти строгіе судьи не будутъ уже смотрѣть на журнальныя книжки съ своимъ обычнымъ высокомѣріемъ; напротивъ, будутъ приступать къ нимъ съ почтеніемъ и жаждою просвѣщенія; каждый фельетонъ ихъ теперь можетъ начинаться словами: «при томъ блестящемъ положеніи, въ которомъ находится наша журналистика, при обиліи оригинальныхъ и полныхъ интереса явленій въ этой области, мы затрудняемся» и пр.

Такъ идутъ дѣла въ нашей литературѣ. Пусть теперь читатель самъ рѣшаетъ: признакъ ли это дѣйствительнаго богатства, или признакъ нѣкоторой бѣдности нашей литературы? Наступаетъ ли то новое, что́ мы пророчили въ нашихъ замѣткахъ, или это будетъ только повтореніе стараго?

1867 г. 22 дек.

D. Drozhzhin

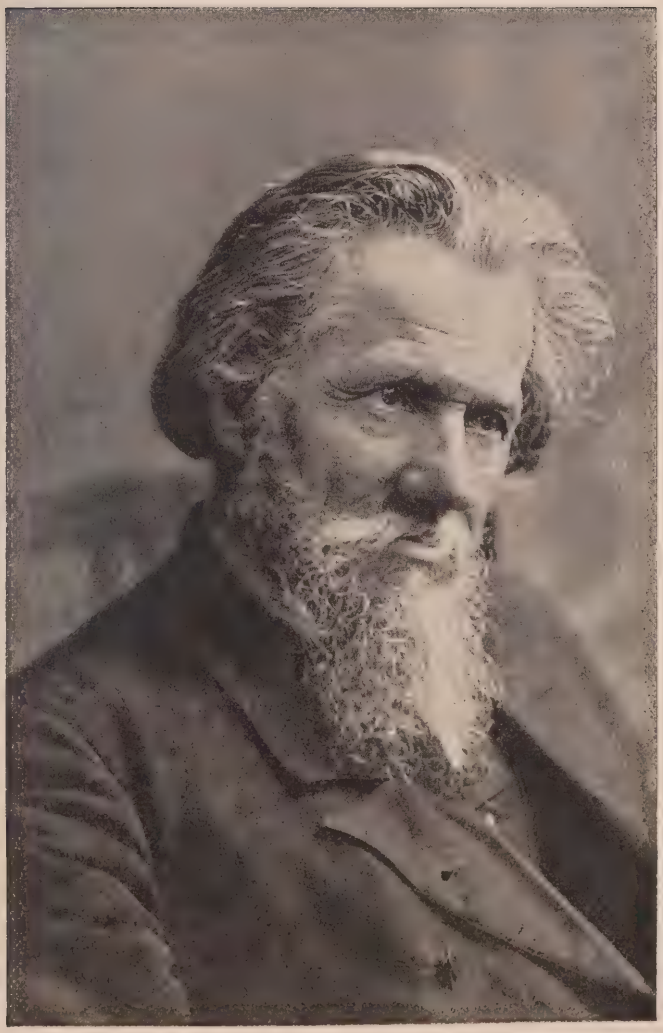
С. Д. ДРОЖЖИНЪ.

ПѢСНИ СТАРАГО ПАХАРЯ

1906—1912.

Съ новымъ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ *А. А. Коринфскаго.*

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1913.



С. Дрожжин

ПОЭТЪ-ПАХАРЬ.

Статья А. А. Коринфскаго.

ПОЭТЪ-ПАХАРЬ.

Статья **А. А. Коринфскаго.**

I.

Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ представляетъ собою исключительное явленіе въ нашей литературѣ, и не только въ современной, но и въ отошедшей въ исторію нашего прошлаго. Писателей-«самородковъ», поэтовъ-«самоучекъ» у насъ было не мало,—цѣлый рядъ именъ ихъ извѣстенъ всѣмъ и каждому. Но все это были *вышедшіе изъ народа* люди, одаренные талантомъ, тѣмъ или инымъ путемъ выбившіеся изъ тьмы къ свѣту и уже болѣе не возвращавшіеся въ родную имъ среду. Пробудившаяся творческая мысль, толкнувшая ихъ впередъ и выведшая ихъ дарованіе на свѣтлую дорогу, какъ бы не могла уже примириться съ той «темной долею», гдѣ такъ тѣсно счастью и такъ просторно всякимъ лишеніямъ. Большинство этихъ «сыновъ народа», примкнувъ (благодаря ли образованію, путемъ ли саморазвитія) къ слоямъ интеллигенціи, становились плотью отъ плоти ея, воспринимая всѣ ея положительныя и отрицательныя качества, проявляя свою «народность» только въ своихъ произведеніяхъ. Другіе,—немногіе,—по большей самобытности своей натуры, сохраняли кровныя и духовныя связи съ породившею ихъ почвою, но тѣмъ не менѣе при всемъ этомъ были оторваны отъ нея

по существу. Припадая временами къ ней, какъ древній Антей на грудь матери Геи (земли), они обновляли запасъ своихъ духовныхъ силъ въ общеніи съ народомъ, изъ котораго *вышли*, и снова пріобщались къ той чашѣ жизни, которая, по словамъ поэта, отравляетъ всѣхъ насъ—живущихъ, работающихъ и мыслящихъ за каменными стѣнами душныхъ городовъ. Общеніе съ «народомъ», даже сліяніе съ нимъ, было у насъ одно время завѣтной мыслью цѣлой группы писателей, такъ и именовавшихся «народниками». Они—эти святые мечтатели литературы—увлекали за собою извѣстную часть читателей (преимущественно—изъ чуткой, податливой на всякія увлеченія молодежи), откликавшихся на ихъ призывъ. Еще у многихъ изъ насъ на памяти такъ называемое «хожденіе въ народъ», отнюдь не имѣвшее цѣлью никакой политической агитаціи, а вызванное единственно желаніемъ узнать его, пожить его жизнью и поучиться у него его простодушной мудрости. Идеалисты-мечтатели, ничѣмъ кровно не связанные съ крестьянствующей деревней, они, конечно, въ большинствѣ случаевъ разочаровывались въ своихъ мечтаніяхъ очень скоро и шли назадъ—въ болѣе близкую имъ среду, несомнѣнно унося туда въ душѣ не только одинъ горькій осадокъ разочарованія, но и кое-какіе «перлы моря народнаго». Призывъ народниковъ смѣнился властнымъ кличемъ геніальнаго яснополянскаго отшельника. Началось извѣстное «опрощеніе» интеллигенціи, возникли (кое-гдѣ существующія еще и теперь) коммунистическія колоніи толстовцевъ,—но и увлеченіе идеями Л. Н. Толстого прошло, не сливъ интеллигенцію съ народной Русью, не приростивъ ее къ политой трудовымъ потомъ и слезами почвѣ. Но все это, конечно, оставило свой слѣдъ въ исторіи нашей литературы, провело болѣе или менѣе глубокую борозду на нивѣ нашей общественности. Быть можетъ, что-нибудь болѣе суще-

ственное и взойдетъ съ теченіемъ времени на этой бороздѣ, но до сихъ поръ наша интеллигенція (а вмѣстѣ съ нею и литература) и нашъ народъ при всѣхъ своихъ точкахъ соприкосновенія представляютъ собою если и не въ полномъ смыслѣ слова два враждующихъ лагеря, то два раздѣленныхъ одинъ отъ другого глубокой пропастью стана, родственныхъ другъ другу, но въ то же самое время одинъ другому чуждыхъ, малопонятныхъ. Кто и что перекинетъ надежный мостъ надъ этой разъединяющей пропастью—это еще загадочный, трудно разрѣшимый вопросъ будущаго. Скорѣе всего этотъ мостъ будетъ построенъ самимъ народомъ, пополняющимъ своими выходцами убывающія силы нашей дряблой, заблудившейся въ трехъ соснахъ своей отчужденности отъ него, вырождающейся въ проявленіяхъ всевозможныхъ, физическихъ и духовныхъ, эксцессовъ интеллигенціи. Что наша народная среда не такъ ужъ темна и дика, какъ представляется самодовлѣющему интеллигенту, берущемуся рѣшать за нее всѣ ея кровные вопросы изъ своего совсѣмъ не прекраснаго далека,—яркимъ свидѣтельствомъ того могутъ служить всѣ ея «самородки». Являющійся же пока единственнымъ примѣромъ среди послѣднихъ поэтъ, которому посвящены настоящія мои строки, еще болѣе ярко свидѣтельствуетъ своей исключительной въ литературной сферѣ личностью о томъ, что можно, и оставаясь въ средѣ народа, живя его жизнью, не только не коснѣть во мракѣ, но и самому освѣщать хотя бы и узкія, мало замѣтныя, но прямыя и вѣрныя тропинки другимъ. Этотъ человѣкъ не только родился въ крестьянской средѣ, не только вынесъ на себѣ самомъ всѣ ея тяготы, не только—оторванный горькой нуждою отъ родныхъ полей и заброшенный въ пекло другой, городской, нужды—сумѣлъ выбиться на заповѣданный ему Богомъ путь поэта, но, пройдя сквозь фильтръ все и вся нивелирующей интеллиген-

ціи, достигнувъ, благодаря своему непосредственному таланту, литературной извѣстности, ничего лучшаго не нашелъ, какъ *вернуться домой*, снова зажить жизнью настоящаго крестьянина и тамъ—вдали отъ всякихъ интеллигентныхъ Бедламовъ—воплощать въ звуки и образы свои завѣтныя «мужицкія» думы, собирать съ родныхъ, вспаханныхъ его сохою полей свои простыя, какъ эти поля, близкія и родныя своей самобытной задушевностью русскому сердцу пѣсни. Онъ остался пахаремъ, и ставъ поэтомъ, войдя въ исторію литературы. Явленіе, какъ хотите, знаменательное и при всей своей исключительности...

II.

Жизнь С. Д. Дрожжина, съ характерными подробностями которой всякому предоставляется возможность ознакомиться въ простодушно изложенныхъ автобіографическихъ запискахъ поэта, приложенныхъ къ первому тому третьяго (полнаго) собранія его сочиненій *), являетъ изумительно яркій примѣръ того, что «свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ», что искра Божія, запавшая въ душу человѣка и озарившая ее огнемъ таланта, не гаснетъ и при самыхъ тяжкихъ, самыхъ неподходящихъ для развитія и роста этого послѣдняго условіяхъ. Примѣръ рѣдкій—не только по одному этому, находившему уже себѣ у насъ проявленіе и осуществленіе въ предшественникахъ Дрожжина, но главнымъ образомъ по той обстановкѣ, въ которой онъ нашелъ въ себѣ силы сберечь и развить свое прирожденное дарованіе и возвратить его полностью туда, откуда онъ его вынесъ.

Какихъ-какихъ только испытаній ни посылала судьба этому «сыну народа»; куда-куда только она его ни бро-

---

*) „Стихотворенія С. Д. Дрожжина“ (1866—1888 гг.). Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М., 1907 (533 стр.). Ц. 1 р. 50 к.

сала на путинѣ его жизни!.. И все же вы не найдете на его творчествѣ той печати унынія, какой можно было бы ожидать отъ вынесшаго такую житейскую школу человѣка. Попадается среди его думъ и пѣсенъ много проникнутыхъ скорбью, грустныхъ, отзывающихся тяжкой крестною ношею,—безъ этихъ атрибутовъ нельзя и представить себѣ настоящей русской пѣсни. Но нѣтъ въ поэзіи Дрожжина и слѣда удручающаго душу нытья. Грусть-тоска его разымчива, какъ брага, — она охмеляетъ ваше самочувствіе на нѣсколько болѣе или менѣе продолжительныхъ мгновеній, но въ то же самое время будитъ вашу духовную дремоту, вливаетъ вамъ въ мысли какую-то новую бодрость, зоветъ васъ впередъ, говоритъ о томъ, что есть и другія чувства, брезжится иная жизнь, манятъ болѣе свѣтлыя перспективы. «Не сумѣю горя высказать словами, такъ въ тоскѣ его я изолью слезами, и когда слезою—злое—не зальется, *отъ души родною пѣснею споется!*»—говоритъ вамъ поэтъ, и, читая его произведенія, вы не можете не чувствовать, что *его* пѣсни «поются отъ души» и что «душа» эта не изъ такихъ, которыя могутъ быть растоптаны жизнью. Ей не страшны никакія бури...

Грозныя тучи нависли,—
Буря и громъ!
Такъ оживляются мысли
Въ царствѣ твоемъ.
Стой подъ грозою,—не гнися,
Бури не трусь!
Солнце за тучей... *Проснися,*
Матушка-Русь!..

Въ этихъ словахъ поэта вы чувствуете, что предъ вами уже сила, которую не такъ-то легко не только сломить, но даже и надломить невзгодамъ. «Честнымъ порывамъ дай волю свободную, начатый трудъ довершай и за счастливую долю народную жизнь всю до капли

отдай! *Теплой любви—вѣкового призванія*—въ сердцѣ своемъ не гаси, чудною силою—свѣточемъ знанія—будь на Руси!»—говорилъ (въ другомъ стихотвореніи) устами этой черноземной силы умѣющій быть и гражданиномъ поэтъ какъ разъ въ тѣ годы, когда жизнь била и пригнетала его на каждомъ шагу по пути къ свѣту,—и эти слова были не только красивыми и громкими «словами», а составляли и составляютъ «святая святыхъ» его души. Вы слышите ихъ отзвуки даже и въ такихъ стонахъ его вдохновеннаго сердца, когда онъ, какъ бы изнемогая подъ гнетомъ своихъ былыхъ невзгодъ и разочарованій, восклицаетъ:

Куда идти, какой дорогой?
Гдѣ думъ мучительныхъ исходъ?
И какъ сведу я съ жизнью строгой
Мной неоконченный расчетъ?!
Такъ грудь сжимается отъ муки,
Такъ тяжело и душно жить,
Что поневолѣ хочешь въ звуки
Всѣ эти думы воплотить!..

Воплощались же въ звуки эти его думы въ такихъ тяжкихъ условіяхъ, какихъ не дай Богъ знать-вѣдать никому. Прочитавъ повѣсть его жизни, не прикрашенную никакой мишурою, только и остается удивляться выносливости натуры русскаго человѣка, вышедшаго изъ всѣхъ своихъ испытаній не только не подавленнымъ ими, но бодрымъ и сильнымъ, способнымъ ободрять другихъ, говорящимъ отъ сердца къ сердцу, способнымъ жить всѣми фибрами души, откликаться на каждый порывъ, радоваться даже чужою радостью, если нѣтъ въ запасѣ своей, тонко чувствовать, глубоко понимать и, вообще, быть *по-своему* счастливымъ и звать къ возможному счастью другихъ...

Отрясши съ себя прахъ наносной пыли города, вòвремя уйдя изъ чуждой ему среды, вынеся изъ всѣхъ

пертурбацій жизни свою живую душу, нетронутую въ ея самобытности, поэтъ-пахарь, несомнѣнно, счастливѣе тысячъ другихъ людей. Но какой цѣной было куплено это, хотя и осѣненное отблесками почетной извѣстности, успокоенное на родной ему почвѣ, но ходящее въ крестьянскомъ зипунѣ, «счастье»!..

Ахъ, пускай шумитъ дремучій лѣсъ,
Пускай солнце въ тучу прячется,
Буйный вѣтеръ съ ураганами
По загуменью расплачется!
Постою я, добрый молодецъ,
Передъ злою непогодою,—
Нипочемъ мнѣ жизнь кручинная
Съ вѣчнымъ горемъ да невзгодою!
Мнѣ не въ первый разъ съ ней вѣдаться
Богатырской крѣпкой силою,
Не въ послѣдній заглушать тоску
Своей пѣснею унылою;
Запоешь ее—сердечную,—
Все на свѣтѣ забывается,
По полямъ она разносится,
По деревнямъ разливается.
Не одна душа крестьянская,
Ее слушая, взгрустнулася,
Не одна при горѣ въ черный день
Съ нею бодро встрепенулася...

III.

Чѣмъ только С. Д. Дрожжину ни приходилось быть— отъ трактирнаго «шестерки» до лакея въ барскомъ домѣ включительно. Нужда, доводившая его до крайностей, бросала его изъ стороны въ сторону; но, оставаясь на положеніи голоднаго пролетарія, онъ не падалъ духомъ,—просиживалъ, при первой возможности, цѣлые дни въ публичной библіотекѣ, читалъ запоемъ и самъ, живя гдѣ-нибудь въ смрадномъ углу вмѣстѣ съ профессіональными нищими или въ каморкѣ трактирныхъ

слугъ, пытался писать... Случай свелъ его съ близкими къ литературѣ людьми, онъ проговорился имъ о своей «страсти», тетрадки его стиховъ попали въ руки кого слѣдовало,—и его пѣсни и думы увидѣли печатный станокъ. Первыя стихотворенія его написаны имъ въ 1866 году, и съ этого времени онъ уже не оставлялъ пера до сихъ поръ; но первымъ печатнымъ строкамъ его суждено было появиться лишь въ 1873 году (въ журналѣ «Грамотей»), а до того времени, уже будучи настоящимъ поэтомъ въ душѣ и въ своихъ первыхъ стихотворныхъ опытахъ, онъ для всѣхъ другихъ оставался только или половымъ, или рабочимъ, или «подручнымъ», а то и просто безработнымъ бродягою. Трудно ли представить себѣ, *что* должна была вынести чуткая душа такого человѣка за эти годы!.. «Жизнь, улыбнися хотя на мгновенье!»—писалъ онъ (въ 1868 г.) въ одной изъ своихъ тетрадей:

Дай мнѣ сложить утомленныя руки
И схоронить пережитыя муки
Въ гробѣ тесовомъ, въ могилѣ сырой,
Только—*поближе къ деревнѣ родной!*

Шли годы, а нужда все била и била поэта, жизнь все не хотѣла ему улыбнуться... Даже и съ появленіемъ въ печати, и послѣ,—когда онъ сталъ уже «своимъ» въ кругу литераторовъ, когда стихи его появлялись то въ «Дѣлѣ» (съ 1878 г.), то въ «Словѣ», «Русскомъ Богатствѣ» и другихъ журналахъ,—онъ продолжалъ на самомъ себѣ испытывать то же самое, что въ тяжкую годину бездолья вылилось въ его «Пѣсняхъ рабочихъ», «Горѣ добра молодца» и другихъ стихотвореніяхъ 60—70-хъ годовъ:

Трудъ да горе, капли пота
Пополамъ съ слезой,
И тяжелая забота
Съ вѣчною нуждой...

Все это попрежнему сопровождало его «жизнь безъ счастья и безъ воли въ четырехъ стѣнахъ». Думы же его были не здѣсь, а тамъ—въ родныхъ поляхъ, наѣзжая куда временами (и успѣвъ даже тамъ жениться и найти въ женѣ-крестьянкѣ вѣрнаго друга), онъ встрѣчалъ только попреки полуголодной семьи, но, несмотря на все это, продолжалъ думать только о нихъ и о нихъ. Вызываемыя этими думами картины выливались у него въ задушевныя пѣсни, то звучащія удалью, то проникнутыя любовью къ родному народу, то обвѣянныя восторженнымъ настроеніемъ, то щемящія грустью сердце читателей. Разсѣянныя по множеству журналовъ и газетъ, стихотворенія эти не давали, конечно, той полноты впечатлѣнія, какъ будучи собранными въ книгахъ, но и тогда уже останавливали на себѣ вниманіе чуткихъ цѣнителей поэзіи, несмотря на прорывающуюся порою въ нихъ шероховатость стихотворной техники. Въ стѣнахъ своей городской неволи поэтъ говорилъ вольнымъ языкомъ пахаря и, при всей грубости окружавшей его обстановки, умѣлъ быть и грустно-нѣжнымъ, а порою даже и жизнерадостнымъ.

Съ начала 80-хъ годовъ жизнь С. Д. Дрожжина вошла въ нѣсколько болѣе ровную колею, хотя и не баловала поэта ничѣмъ. То приказчикъ въ книжномъ магазинѣ, то получающій еще меньшіе гроши служащій при товарной станціи желѣзной дороги, то сидящій безъ гроша сотрудникъ дѣтскихъ и другихъ журналовъ, онъ то и дѣло рвался домой, въ деревню, гдѣ всѣ домашніе не только косились на него, но и прямо-таки считали «отрѣзаннымъ ломтемъ», «избаловавшимся дармоѣдомъ», «своей семьѣ не работникомъ»,—онъ продолжалъ терзаться неудовлетворенностью, пока, наконецъ, совершенно не разстался съ Петербургомъ и со всѣмъ, что отдѣляло его отъ той почвы, къ которой влекло его немогшую пойти ни на какіе компромисы простую, крестьянскую душу.

Уже будучи извѣстнымъ всей читающей Россіи поэтомъ, оцѣненнымъ критикою, внесшимъ въ сокровищницу литературы не мало превосходныхъ произведеній, онъ навсегда поселился въ деревнѣ, сталъ жить въ своей крестьянской хатѣ, растить своихъ—крестьянскихъ—дѣтей, пахать землю,—однимъ словомъ, вести жизнь пахаря со всѣми ея тяготами, не исключая и службы сельскому обществу, оцѣнившему и понявшему его едва ли не болѣе, чѣмъ его интеллигентные друзья и враги.

Съ того времени, какъ онъ вернулся домой, въ свою родную среду, и въ поэзіи его снова зазвучали нотки, заглушавшіяся было шумомъ и гуломъ каменнаго города. Невольно чувствуется, что съ души его какъ бы скатилось тяжкое, нагнетавшее ее бремя. Книга за книгой, выходившія съ тѣхъ поръ и повторявшіяся новыми изданіями («Пѣсни крестьянина», «Годъ крестьянина», «Родная деревня», «Поэзія труда и горя», «Новыя стихотворенія и друг.), а также и печатныя вѣсточки, подаваемыя имъ о себѣ въ журналахъ,—все говоритъ объ этомъ.

«Отрадный шумъ родныхъ лѣсовъ, небесъ глубокое сіянье, ручья чуть слышное журчанье», которые когда-то онъ вспоминалъ вдали отъ нихъ, а самое главное—*голосъ народа* слышится въ этихъ его стихахъ,—голосъ, идущій изъ самыхъ заповѣдныхъ его глубинъ, что придаетъ этимъ безхитростнымъ, поющимся—какъ Богъ на душу положитъ, пѣснямъ особое значеніе. Вы понимаете, что поэтъ, говоря: «чувство живое свободы мнѣ проясняетъ чело», искрененъ и правъ въ своей искренности. Вы понимаете, что и тяжелый трудъ крестьянина имѣетъ свою незамѣнимую ничѣмъ поэзію—поэзію живой близости къ вѣчной *правдѣ природы*. Развѣ, не проникаясь этимъ чувствомъ, вы читаете хотя бы такія строфы Дрожжина:

Какъ только солнце вешнее
Снѣга растопитъ бѣлые
И взглянетъ, улыбаючись,
Въ окошки закоптѣлыя,—
Пойду я, добрый молодецъ,
Съ утра поля распахивать
Да изъ закромовъ зернышко
Послѣднее вытряхивать... и т. д.

IV.

Въ 1903 году въ Москвѣ былъ—по почину друзей и почитателей—отпразднованъ юбилей 30-лѣтняго служенія литературѣ талантливаго народнаго поэта.

Литература, въ лицѣ лучшихъ ея представителей, оцѣнила скромнаго пѣвца полей. Народъ давно уже знаетъ Дрожжина по его пѣснямъ, и не только знаетъ, но многія изъ нихъ поетъ, почитая ихъ *своими*,—до того онѣ отвѣчаютъ его настроеніямъ и сливаются съ его стихійной душою. Такъ называемая «новая школа искусства» едва ли оцѣнитъ нашего задушевнаго поэта-пахаря, но стоитъ ли жалѣть объ этомъ...

«Сгибла молодость и сила на зарѣ туманныхъ дней, вьюга жизни убѣлила темный шелкъ моихъ кудрей»,—пѣлъ когда-то С. Д. Дрожжинъ, только что «вернувшись домой» послѣ своихъ долголѣтнихъ скитаній,—но и тогда вспоминалъ, оглядываясь на прожитое, передуманное, что его:

...пѣсня—даръ небесный—
На крылахъ живой мечты
Уносила въ міръ чудесный
Вѣчно юной красоты...

Эта красота, запечатлѣвшаяся въ его поэзіи,—лучшій залогъ того, что пѣсни его будутъ жить какъ въ народѣ, такъ и въ нашей литературѣ, несмотря на то, что—по его словамъ—его муза «*родилась крестьянкой простой*, ни читать, ни писать не умѣла»...

I.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1906—1912.

1906.

I.

НАРОДНОМУ ПѢВЦУ.

Ты царь: живи одинъ, дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ.

А. С. Пушкинъ.

Забудь, пѣвецъ, что въ жизни строгой
Ты испыталъ изъ года въ годъ
Не мало тягостныхъ невзгодъ
И что трудна твоя дорога...
Иди безтрепетно впередъ!
Ты—мысли царь; твое призванье
Не быть рабомъ среди рабовъ;
Для поколѣній и вѣковъ
Пой про народное страданье
И о бездольи бѣдняковъ.

II.

Сторонка благодатная!
Опять передо мной
Долины ароматныя
Съ распаханной землей;
Болота непроходныя,
Чарующій просторъ

И Волга многоводная,
И лѣсъ—дремучій боръ.
Здѣсь горе забывается
Всѣхъ золъ пережитыхъ,
И самъ собой слагается
Въ душѣ горячій стихъ.

III.

Отъ юныхъ лѣтъ до старости
Я жилъ въ нуждѣ да горести,
Въ чужихъ людяхъ жилъ-маялся,
Сносилъ-терпѣлъ неволюшку.
Придетъ бывало черный день,
Весь бѣлый свѣтъ помутится,
А я, стряхнувъ слезу изъ глазъ,
Стою какъ дубъ подъ бурею;
Стою, не гнусь и думаю,
Что эта жизнь тяжелая
Когда-нибудь минуется
И къ лучшему измѣнится.
Окончивъ трудъ, придешь домой,
Въ постель усталый бросишься
Или зажжешь огонь—къ столу
Съ тетрадкою усядешься.
И все, что было прожито,
Что за день передумано,
Само собой съ горячихъ устъ,
Изъ сердца вырывается.
И стихъ звучитъ и ширится,
Какъ море отъ волненія,
Потомъ въ тетрадь завѣтную
Свободно изливается.

IV.

Томительный кончился день, и прохладой
Повѣяло съ поля. Съ какою отрадой
Гляжу я, какъ солнце зайдетъ за горой,
Полнеба охватитъ вечерней зарей,
Обниметъ далекаго лѣса вершины...
Знакомыя, милыя сердцу картины
Одна за другой предо мною встаютъ,
Все новые звуки и краски даютъ...
Меня не страшитъ уже близость могилы,
Ко мнѣ возвращаются прежнія силы,
Я снова и веселъ и молодъ душой,
А думы, какъ волны, одна за другой
Роятся въ моей головѣ посѣдѣлой
И гонятся слѣдомъ за мыслію смѣлой.

V.

Черемуха душистая
Давно ужъ отцвѣла,
И птичка голосистая
Гнѣздо себѣ свила;

Поетъ на ясной зорюшкѣ,
Поетъ она и днемъ—
Про радость да про волюшку,
И больше ни о чемъ...

Ахъ, если бы я вольною
Такой же пташкой былъ,
Тогда бы жизнь бездольную
Я прожилъ и забылъ!

Все пѣлъ бы пѣсни такъ же я
Про счастіе людей,—
А то въ душѣ тоска-змѣя
Да только горе въ ней.

VI.

На улицѣ стало безлюдно,
Не слышится шума ребятъ,
И желтые листья на землю
Съ березъ какъ червонцы летятъ.

Проносятся тучи толпою,
И холодомъ вѣетъ вокругъ;
По вѣтру летятъ паутины,
Подернулся инеемъ лугъ.

Нахмурился лѣсъ подъ туманомъ,
Затихли и птицъ голоса,
Пасутся свободные кони,
На отдыхѣ плугъ и коса.

Дымятся овины; за ними
Изъ полныхъ тяжелыхъ сноповъ
Крестьяне сложили не мало
Какъ горы высокихъ скирдовъ.

До свѣта еще, съ пѣтухами,
Выходятъ они на гумно,—
И стонутъ снопы подъ цѣпами,
И брызжетъ съ колосьевъ зерно.

VII.

Охъ, въ тяжелую, братцы, мы пору живемъ,
Замираетъ душа отъ невзгодушки,
Не залить всего горя зеленымъ виномъ,
Не заспать вѣковой намъ неволюшки.

Охъ, неволя ты, горькая доля моя—
Оскудѣнье ты, доля народная!
Обвилася вкругъ сердца тоска какъ змѣя,
Защемила его подколодная!

Не могу я идти, какъ бывало, впередъ,
Чтобъ съ послѣднею силой собраться,
За себя постоять, за великій народъ
И безъ жалобы съ жизнью разстаться.

VIII.

ЛАСТОЧКИ.

Ласточки-касаточки
Опять ко мнѣ слетаются,
Живутъ подъ старой крышею
Въ уютныхъ теплыхъ гнѣздышкахъ,
Выводятъ малыхъ птенчиковъ
И весело поютъ.

Поютъ про волю вольную,
Про бѣлый свѣтъ, про солнышко
Съ его тепломъ и ласкою
Къ былинкѣ каждой, къ колосу
И къ каждому созданію
Небеснаго Отца.

А люди, недовольные
Ничѣмъ, какъ окаянные,
Всю жизнь другъ друга мучаютъ;
Цѣпей себѣ надѣлали,
Съ желѣзными рѣшетками
Настроили домовъ;

Всю жизнь, не зная счастія,
Страдаютъ и калѣчатся.
Ихъ ласточки-касаточки
Не тѣшатъ своимъ пѣніемъ,
И солнце съ неба яснаго
Не радуетъ тепломъ.

Свѣти же, красно солнышко,
Свѣти съ утра до вечера;
Вы пойте громче, ласточки,
Про будущую волюшку,
Про свѣтъ, тепло и радости
Измученныхъ людей.

IX.

Морозъ въ окно глядитъ и дышитъ
И на стеклѣ узоры пишетъ,
А противъ мерзлаго окна,
Дыханьемъ дѣдушки мороза
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Стоитъ кудрявая береза,
Воспоминая, какъ весной
Она за чащею лѣсной
Росла въ лучахъ тепла и свѣта,
Вся яркой зеленью одѣта.
Такъ, часто вспоминаю я,
Прошла и молодость моя.

X.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА.

(Памяти Маруси Бѣлоусовой.)

Я помню ночь. Морозъ трещитъ,
На окнахъ инеемъ сверкая,
Въ избѣ лучина чуть горитъ,
Предъ ней за пряжею сидитъ,
Въ морщинахъ вся, сѣдая,
Старушка-бабушка родная
И сказку говоритъ.
Все въ этой сказкѣ предо мной
Глубокой вѣетъ стариной
И жизнью пережитой.

«Жилъ-былъ въ селѣ старикъ Никита
Съ своей старухою вдвоемъ,
Какъ мы съ тобою, вотъ, живемъ...»
Такъ бабка сказку начинала,
Жужжа веретеномъ.
Потомъ
О чемъ-то долго вспоминала
Она, смотря на потолокъ;
А я, прижавшись въ уголокъ
И притаивъ въ груди дыханье,
Весь былъ восторгъ и весь вниманье...

Лучина свѣтитъ и дымится,
Отъ старой бабки тѣнь ложится,
Порой колеблясь на стѣнѣ.
Морозъ попрежнему въ окнѣ
Холоднымъ инеемъ сверкаетъ.
Родная сказку продолжаетъ:

«Жилъ-былъ въ селѣ старикъ Никита...
Старуха горестью убита,
Старикъ молчитъ, ни слова ей
О милой дочери своей...
Маруси болѣе не стало,
Ужъ не услышатъ, какъ бывало,
Среди ребяческихъ утѣхъ
Они ея веселый смѣхъ.
Не долго чудная жила,
Не долго бѣдныхъ утѣшала,—
Весной голубка захворала
И Богу душу отдала.
Въ глубоко вырытой могилѣ
На бѣдномъ кладбищѣ села
Ее похоронили.
Потомъ на холмъ сырой земли
Цвѣтовъ душистыхъ принесли,
Его заботливо убрали
И крестъ поставили на немъ...
Ея могилка съ каждымъ днемъ
Все больше травкой зарастала,
Къ ней чаще птичка прилетала
И громко пѣла пѣсни ей...

Прошло не много и не мало
Для стариковъ печальныхъ дней;
Все больше старились они
За эти прожитые дни
И тосковали по Марусѣ...»
Прослушавъ сказочку, я жмуся
Въ ту пору къ бабушкѣ родной;
И мнѣ казалось, мракъ ночной
Страшнѣй и гуще становился...
Морозъ на улицѣ трещалъ,
Въ гнилые ставни вѣтеръ бился,

Гудѣлъ въ трубѣ и завывалъ.
Старушка милая вздыхала...
И жалко дѣвочки мнѣ стало.
При свѣтѣ тусклаго огня
Я видѣлъ слезы у родимой,
И сердце болью нестерпимой
Въ груди заныло у меня.

XI.

ПѢСНЯ ПЛОВЦА.

Пусть громъ гремитъ,
Пусть буря стонетъ,—
Мой челнъ бѣжитъ,
Въ волнахъ не тонетъ.

Онъ къ берегамъ
Меня выноситъ
И тамъ врагамъ
Навстрѣчу броситъ.

Пусть врагъ со мной
Тогда сразится,—
За край родной
Готовый биться,

Пойду впередъ
Я прямо въ сѣчу
И за народъ
Душой отвѣчу.

XII.

Мнѣ грустно отчего-то
Въ осенній день ненастный,
Все жъ пѣсни пѣть охота
О родинѣ прекрасной;
Тоскливые ихъ звуки
Изъ сердца сами льются,
И въ нихъ людскія муки
Какъ эхо отдаются.

XIII.

Роняютъ вкругъ меня деревья
Свою красу,
Послѣдней птички голосъ слышу
Въ родномъ лѣсу.

Давно увяла прелесть лѣта,
Среди луговъ
Травы не вижу я зеленой
И нѣтъ цвѣтовъ.

Не вьется жаворонокъ въ полѣ,
Съ разсвѣтомъ дня
Не тѣшитъ пѣснею веселой
Давно меня.

Все вѣетъ холодомъ осеннимъ,
И все томитъ
Мнѣ душу горе, и невольно
Она болитъ.

XIV.

ДОВОЛЬСТВО КРЕСТЬЯНИНА.

Въ чистомъ полѣ давно
Запушились снѣжки,
И крестьянинъ зерно
Насыпаетъ въ мѣшки;

Сладко думаетъ онъ,
Что холодной зимой
Ни къ кому на поклонъ
Не пойдетъ онъ съ сумой;

Будетъ тѣсто въ квашнѣ,
Будетъ пиво и квасъ
И до «нови» въ мошнѣ
Лишній грошъ про запасъ.

XV.

ОЗИМЬ.

Какъ солнце скроется съ небесъ,—
Запышетъ зорькой темный лѣсъ
И въ мракъ одѣнутся поля;
Уснетъ родимая земля,
Долины, горы всѣ уснутъ
И съ ними весь крестьянскій людъ,
Чтобъ съ новой силой завтра встать,
Сохою поле распахать,
Зерномъ засѣять все и ждать,
Когда на каждой полосѣ
Оно взойдетъ во всей красѣ

Зеленой озимью, и вдругъ
Когда надъ нею словно пухъ
Снѣжокъ безшумно полетитъ,
Закроетъ и запорошитъ,
Глубоко вьюгой замететъ,
Покуда въ гости не придетъ
Весна-красавица, опять
Не станетъ колосъ наливать
И не пошлетъ въ родимый край
За трудъ обильный урожай.

XVI.

Пришла весенняя пора,
Зазеленѣлъ дремучій лѣсъ,
И солнце съ ранняго утра
Глядитъ привѣтливо съ небесъ.
Съ своей лошадкой со двора
Я ѣду въ поле, цѣлый день
Свершаю трудъ любимый свой,
Пока отъ лѣса надъ землей
Не ляжетъ сладостная тѣнь
Или изъ тучекъ громовыхъ
Не хлынетъ ливень дождевой.
Тогда вернуся я домой,
Беру перо, слагаю стихъ
О невозвратныхъ юныхъ дняхъ,
Мной проведенныхъ въ городахъ,
О красотѣ родныхъ луговъ,
О ясномъ солнцѣ, о цвѣтахъ
И о бездольи бѣдняковъ.

XVII.

Отчего задумчивъ я,
Съ прежнею охотой
Не пою ужъ вамъ, друзья,
Пѣсенъ за работой?

Оттого, что все кругомъ
Мракъ темнѣй ложится
И что дума о другомъ
Въ головѣ роится.

Ахъ, когда бы да когда
Мракъ смѣнился свѣтомъ,
Да по всей Руси всегда
Урожай былъ лѣтомъ;

Да взамѣнъ неволи злой
Жизнь блеснула бы зарей
Братства и свободы,
Да ни съ кѣмъ бы ни одной
Не было невзгоды.

XVIII.

Я только всталъ и распахнулъ
Свое окно,—въ лицо дохнулъ
Мнѣ вѣтерокъ; въ сіяньи дня
Взглянуло солнце на меня.
Сбирая стадо, на рожкѣ
Чуть слышно, гдѣ-то вдалекѣ,
Въ селѣ наигрывалъ пастухъ,
И хоры птицъ ласкали слухъ,

Летая въ синей глубинѣ...
Я бросилъ взоръ свой къ небесамъ,
И въ этотъ мигъ хотѣлось мнѣ
Творца земли увидѣть тамъ.

XIX.

Привольно дышитъ грудь моя,
Когда спорится трудъ,
И въ лѣто красное поля
Мнѣ въ жизни все даютъ.

Встаю съ лошадкою чѣмъ свѣтъ,
Хожу я бороздой,
Зато всегда мнѣ на обѣдъ
Готовъ и хлѣбъ съ водой;

Зато живу я и не гну
Спины ни передъ кѣмъ,
Спокойно, кончивъ трудъ, усну,
Всегда довольный всѣмъ.

Когда же къ осени скирдовъ
Я много намечу,
Тогда иду подъ теплый кровъ
Или куда хочу.

XX.

Бываютъ дни, когда мнѣ скучно,
Когда ничто не веселитъ,
И на устахъ моихъ докучно,
Все пѣсня старая звучитъ.

Тогда готовъ я разрыдаться,
Уснуть скорѣй,—не просыпаться,
Или изъ дома убѣжать
Въ зеленый лѣсъ, въ поля, на Волгу,
Бродить безцѣльно тамъ и долго
О чемъ-нибудь мечтать.

XXI.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ПРО ГОРЕ.

Много разъ я горе лютое
Проклиналъ и отгонялъ,
Про него пѣлъ пѣсни грустныя,
Слезы горькія ронялъ.
Не обутое, раздѣтое
Зналъ я, вѣдалъ много лѣтъ,
Съ нимъ дружился и ватажился,
А все счастья нѣтъ какъ нѣтъ.
Все за мною неотвязное
Тѣнью мрачною стоитъ,
По пятамъ оно гоняется
Да бѣдою мнѣ грозитъ.
Не въ охоту, не подъ силу мнѣ
Стало съ горемъ больше жить,
И пошелъ я, добрый молодецъ,
Во царевъ кабакъ ходить.
Думалъ, злое, горе лютое
Утопить совсѣмъ въ винѣ,
А оно вдругъ оказалося
Въ чаркѣ выпитой на днѣ.
Снова страшное, лохматое
Обняло меня рукой;

Защемило пуще прежняго
Сердце молодца тоской.
Знать, пока я не улягуся
Съ нимъ на кладбищѣ родномъ,
Не заспать его мнѣ лютаго,
Не запотчевать виномъ.

XXII.

ПѢСНЯ СИРОТЫ.

Скучно, грустно сиротою
Мнѣ живется,
Словно воронъ надо мною
Горе вьется.

Въ небесахъ сгущаясь бродятъ
Тучъ громады,
День приходитъ и уходитъ
Безъ отрады.

За работой, въ злой неволѣ,
Вѣкъ я маюсь
И напрасно свѣтлой доли
Дожидаюсь.

XXIII.

ОКТАВЫ.

Въ деревнѣ, чуть заря вечерняя займется,
Играетъ молодежь, сплетаясь въ хороводъ,
Звучитъ гармоника, и пѣсня раздается

Такая грустная, что за сердце беретъ.
Но грусть сроднилася съ крестьянскою душою,
Она всегда въ груди измученной живетъ
И разгоняется лишь пѣснею родною.

Отпряженъ отъ сохи, средь поля конь усталый
Пасется въ табунѣ; вхожу я тихо въ домъ,
Чтобъ за ночь отдохнуть и чтобъ на зорькѣ алой
Проснуться и опять съ товарищемъ-конемъ
На полѣ цѣлый день трудиться, съ силой новой
Взрывая борозды, иль, срѣзавъ рожь серпомъ,
Тяжелые снопы возить на токъ готовый.

А теплый вечеръ такъ порой душистъ и ясенъ,
Когда разносится народной пѣсни стихъ.
О, какъ ея языкъ и звученъ и прекрасенъ,
Какъ много слышится въ ней мукъ пережитыхъ!
И я внимаю ей, весь трепетомъ объятый,
И думаю о всѣхъ невольникахъ святыхъ,
Которыхъ научилъ терпѣнію Распятый.

XXIV.

Въ тучѣ за туманами
Солнце свѣтитъ холодно,
Замерло селеніе,
Только вдалекѣ
Чей-то голосъ слышится
Да волна колышется
Звонко на рѣкѣ.
Въ полѣ вѣтеръ носится,
Стонетъ надъ дубровою
И листы послѣдніе
Безпощадно рветъ,

Или въ ночь безсонную
Словно похоронную
Пѣсню мнѣ поетъ.

XXV.

ВЪ СТЕПИ.

Ѣду-ѣду...
Колокольчикъ день-день-день.
Сбился съ слѣду,
Не видать и деревень.
Въ мракѣ тонетъ
Даль степная предо мной,
Сердце ноетъ
По сторонушкѣ родной.
Горе, горе
Мнѣ съ унылымъ ямщикомъ!
Степь какъ море
Разстилается кругомъ...
Ѣду-ѣду...
Колокольчикъ не звенитъ.
Сбился съ слѣду,
Конь какъ вкопанный стоитъ.

1907.

XXVI.

Ахъ, какъ желалъ бы я пропѣть
Такую пѣсню, чтобы съ нею
Легко мнѣ было умереть!

Зачѣмъ я силы не имѣю
Баяна дѣдовскихъ временъ,
Что̀ яснымъ соколомъ взвивался

И, какъ рѣка, подъ струнный звонъ
Своей глубокой мыслью онъ
По всей вселенной разливался?

Зачѣмъ вложилъ мнѣ въ сердце Богъ
Одно,—чтобъ я на каждый вздохъ
Сердечнымъ вздохомъ отзывался?

XXVII.

По небу облачко плыветъ,
Заря надъ лѣсомъ догораетъ,
Заводятъ звѣзды хороводъ,
А вѣтеръ пѣсни запѣваетъ.
Смотрю кругомъ я и дивлюсь,
Какъ хорошо здѣсь и привольно.
О чемъ же плачу я невольно,
О чемъ тоскую и молюсь?

XXVIII.

МОЕ СЕРДЦЕ.

Въ непогожіе зимніе дни,
Знать, мнѣ новой весны не дождаться.
Мое бѣдное сердце, усни,
Полно злою тоской надрываться!

Полно пѣть свои пѣсни, когда
Имъ не внемлютъ счастливые люди;

Эти стоны надорванной груди
Пусть замолкнутъ теперь навсегда;

Пусть мнѣ очи засыплютъ землей
Въ тѣсномъ гробѣ подъ бѣлой холстиной;
Истомленное горькой кручиной,
Схоронись, мое сердце, со мной!

XXIX.

Солнышко сѣло,
Пахнетъ смолою,
Быстро стемнѣло.
Передо мною
Кончился лѣсъ,—
Видно мерцанье
Звѣздъ и сіянье
Божьихъ небесъ.
Съ рожью высокой
Между осокой
Кочки да пни;
Гдѣ ни взгляни,
Возлѣ рѣчонки
Въ каждой избенкѣ
Блещутъ огни.

XXX.

Опять весна вернулася,
Сбѣгаетъ снѣгъ съ полей,
И роща встрепенулася,
И зажурчалъ ручей!

Вкругъ много разливается
И свѣта, и тепла,
А жизнь не измѣняется,
Какъ прежде—тяжела.

XXXI.

Я пою, что ляжетъ
Въ сердце и подскажетъ
Просто, безъ искусства
Пламенное чувство.
И когда порою
Сердце мнѣ другое
Вздохомъ отзовется,
То оно слезою
Съ пѣснею родною
Въ мірѣ разольется.

XXXII.

Чуть въ избѣ холодной
Теплился ночникъ,
На печи безродный
Умиралъ старикъ.

Передъ нимъ ни друга,
Ни сестры родной,
Только, слышно, вьюга
Билась за стѣной.

«Скоро ли до свѣта?»
Думаетъ бѣднякъ;
Но изба одѣта
Вся въ могильный мракъ.

XXXIII.

ЗА РѢШЕТКОЙ.

Вдали отъ родныхъ, за тюремной стѣной,
Поетъ свою пѣсню пѣвецъ молодой,—
О родинѣ милой онъ громко поетъ,
И грустная пѣсня за сердце беретъ.
И ширится-льется далеко она,
Какъ вздохъ изъ желѣзной рѣшетки окна,
Туда, гдѣ на горкѣ виднѣется храмъ,
Подъ старую крышу, къ полямъ и лѣсамъ;
Туда, гдѣ жена молодая въ слезахъ,
Гдѣ матери бѣдной покоится прахъ,
Гдѣ катится Волга впередъ и впередъ
И снова пѣвца на свободу зоветъ.

XXXIV.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

1.

ЛѢТО.

Темной ночью мнѣ не спится.
И сегодня, какъ вчера,
Благодатный дождь стучится
Въ крышу съ самаго утра;

Говоритъ онъ мнѣ, что лѣто
Скоро жаркое пройдетъ,
Что, какъ тканью вся одѣта,
Рожь кормилица цвѣтетъ;
Что въ поляхъ трава густая
Скоро дрогнетъ подъ косой
И что осень золотая
Надвигается съ зимой.

2.

ОСЕНЬ.

А вотъ и осень подошла,
Съ деревьевъ всѣ оборвала,
Развѣяла листы
И знойнымъ холодомъ сожгла
Послѣдніе цвѣты.

Вернулся пахарь изъ полей
Съ лошадкой вѣрною своей
Въ свой домъ,
Чтобъ вновь тепла и вешнихъ дней
Дождаться въ немъ.

А я подъ шумъ дождя порой,
Подъ завыванье бури злой
Въ своихъ мечтахъ
Живу безсмертною душой
На небесахъ.

3.

ЗИМА.

Предо мной лежитъ
Даль безбрежная,

Мнѣ глаза слѣпитъ
Вьюга снѣжная.
Занесло пути,
Всѣ дороженьки,
Мочи нѣтъ идти—
Вязнутъ ноженьки.
Въ сторонѣ стоятъ
Хаты бѣдныя,
Да лѣса шумятъ
Заповѣдные.
Тамъ нигдѣ огня
Не виднѣется,
Только вкругъ меня
Ночь чернѣется.

4.

ВЕСНА.

Смотри, мой другъ,
Прошла пора и зимнихъ вьюгъ.
Куда ни взглянешь, все цвѣты!
Какъ много дивной красоты
И какъ вокругъ
Все зеленѣетъ и растетъ!
Послушай, птичка какъ поетъ,
Какъ пчелки Божіи жужжатъ,
И къ намъ на крыльяхъ вѣтерка
Какой несется ароматъ!
Какъ будетъ весело съ тобой
Теперь намъ сѣять и пахать
И лѣтомъ колосъ золотой
Въ снопы душистые вязать!

XXXV.

Люблю я сельскій мой пріютъ,
Мой огородъ и садъ тѣнистый,
Гдѣ вечеромъ, окончивъ трудъ,
Сажусь подъ липою душистой;
Смотрю, какъ облачко плыветъ,
Какъ тихо зорька догораетъ;
Жена мнѣ ужинъ подаетъ
Иль чай горячій наливаетъ,
А ночь свой пологъ опускаетъ
И на покой меня зоветъ.

XXXVI.

НА МОГИЛѢ Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

1.

Къ тебѣ, пророкъ-пѣвецъ Украйны,
Я изъ Россіи ледяной
Съ своею музою печальной
Пришелъ на холмъ могильный твой.
Дай мнѣ пріютъ на время въ хатѣ,
Во имя братства и любви,
И пѣсни пѣть о бѣдномъ братѣ
Вслѣдъ за тобой благослови!

2.

Передъ твоей святою тѣнью,
Передъ твоимъ святымъ крестомъ
Стою, молюсь и вспоминаю,

Какъ ты всю жизнь страдалъ и несъ
Его, пѣвецъ Украйны милой,
И сталъ намъ дорогъ за могилой.

XXXVII.

Отгремѣла гроза,
И въ мое оконце
Снова бросило взглядъ
Ласковое солнце.
И какъ милой моей
Глазки огневые,
Заблистали въ травѣ
Капли дождевыя.

XXXVIII.

Въ тишинѣ глубокой
Всѣ въ деревнѣ спятъ,
На небѣ высоко
Звѣздочки горятъ;
Но одна упала
И исчезла вдругъ.
Такъ тебя не стало,
Мой сердечный другъ.

XXXIX.

Ужъ дни осенніе пришли
Съ погодою ненастной,
Надъ лѣсомъ съ крикомъ журавли
Летятъ на югъ прекрасный.

А мы попрежнему живемъ
Во тьмѣ, не видя свѣта,
И славныхъ пѣсенъ не поемъ
Великаго поэта.

XL.

Горе меня истомило,
Но тяжело умирать,—
Хочется родинѣ милой
Новыя пѣсни слагать;
Чтобы она не узнала
Больше томительныхъ дней,
Хочется мнѣ, какъ бывало,
Жарко молиться о ней.

XLI.

Отчего такъ пахнутъ розы
И фіалки съ резедою,
Отчего, склонившись, ива
Будто плачетъ надъ водою?

Отчего, какъ утро мая,
Молода ты и красива,
И твои живыя ласки
Осторожны и стыдливы?

Только другъ твой съ тайной грустью
Клонитъ голову сѣдую
И глядитъ ревнивымъ взоромъ
На тебя, на молодую.

XLII.

ПѢСНЯ.

Въ лѣтній вечеръ, когда зорюшка
Разгоралася,
Красна дѣвица съ добрымъ молодцемъ
Повстрѣчалася.

Въ первый разъ ему слово молвила,
Что голубушка,
Съ той поры его неизмѣнною
Стала любушкой.

Съ того часа ли каждый день она
Съ нимъ встрѣчается,
И о томъ теперь эта пѣсенка
Распѣвается.

XLIII.

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ.

У старушки старой внукъ
Славный былъ мальчишка,
То онъ въ полѣ работалъ,
То сидѣлъ за книжкой.

Лѣтомъ сѣно ворошилъ,
Складывалъ копнами,
А зимою часто въ лѣсъ
Ѣздилъ за дровами.

Тятька лошадь запряжетъ,
Мальчикъ свистнетъ только,—

И она вдругъ понесетъ
Весело и бойко.

Вотъ осталися за нимъ
Избы, вѣтеръ стонетъ...
А кругомъ вдали небесъ
Глушь родная тонетъ.

Ѣдетъ онъ себѣ въ дровняхъ
По равнинѣ снѣжной.
Разгорѣлся на щекахъ
Жаръ-румянецъ нѣжный;

Глазки синіе умомъ
Да весельемъ дышатъ...
Вся живетъ старушка въ немъ
И души не слышитъ.

Гдѣ бы ни былъ онъ, всегда
Хочется ей встрѣтить,
Усадить его съ собой,
Ласково привѣтить;

Ея сердцу веселѣй
Еще пуще станетъ,
Какъ завѣтную предъ ней
Книгу онъ достанетъ;

Какъ при ясномъ свѣтѣ дня
Иль при огонечкѣ,
Развернувъ ее, за столъ
Сядетъ въ уголочкѣ

И читаетъ, чтобы знать
Все и научиться,
Какъ по-Божьи надо жить
И о чемъ молиться.

Бабка, слушая его,
Тяжело вздыхаетъ
И прожитую свою
Жизнь припоминаетъ.

XLIV.

ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

За бѣлой хаткой садъ вишневый,
Кусты малины у окна,
И лѣсъ съ душистой земляникой
Стоитъ за садомъ, какъ стѣна.

Курганы съ крѣпостью старинной,
Гдѣ прежде бились казаки,
А за курганами въ селеньи
Кой-гдѣ мелькаютъ огоньки.

Поютъ дивчата съ парубками,
Сплетаясь въ шумный хороводъ,
И соловей не умолкая
Въ кустахъ малиновыхъ поетъ.

XLV.

Кругомъ поле, словно море,
Съ небесами безъ границъ,
Надъ цвѣтами пчелъ жужжанье,
Лязгъ косы и пѣнье птицъ.

Жаркій полдень; по дорогѣ
Пыль клубится отъ колесъ;

На продажу въ ближній городъ
Съ сѣномъ тянется обозъ.

Мужики своихъ лошадокъ
Понукаютъ и ведутъ
Разговоръ между собою
Про нужду свою и трудъ.

Кругомъ поле, словно море,
Рожь колышется вдали.
Отчего же такъ печальны
Наши пахари земли?

XLVI.

Зачѣмъ на родинѣ, какъ прежде,
Нѣтъ мѣста радостной надеждѣ
Глядѣть безтрепетно впередъ?

Зачѣмъ родимый нашъ народъ,
Въ работѣ рукъ не покладая,
Живетъ попрежнему страдая?

И отчего вся эта даль
И этотъ сѣрый небосклонъ
Наводятъ на душу печаль?

Зачѣмъ все въ пѣсняхъ тотъ же стонъ,
Все та же слышится тоска,
Такъ безысходна и горька?

XLVII.

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ.

Темная осень суровая,
Ставнями вѣтеръ стучитъ...
Прибрана горенка новая,
Въ зыбкѣ ребенокъ кричитъ.

Вижу, къ малюткѣ склоняется
Съ тихимъ рыданіемъ мать;
Мужъ ея охаетъ, мается,
Съ печи не можетъ ужъ встать.

Въ долгія ночи сердечнаго
Кашель удушливый бьетъ;
Послѣ труда безконечнаго
Скоро бѣднякъ отдохнетъ.

Скоро подъ бѣлой холстиною
Ляжетъ вдоль лавки большой...
Вчужѣ предъ этой картиною
Я цѣпенѣю душой.

XLVIII.

Зима пришла,
Некуда дѣваться,
Изъ родного села
Надо убираться.
Ни зерна въ закромахъ,
Хата покосилась,
И давно на плечахъ
Шуба износилась.

Нѣтъ сапогъ, а лаптей
Не носилъ я сроду;
Стыдно добрыхъ людей,
Хоть бросайся въ воду.
Что же дѣлать? Какъ быть?
Сброшу съ плечъ заботу,—
Поплетусь-ка я жить
Въ городъ на работу.
Разживусь за нее
Золотой казною,
И опять на житье
Маршъ въ село родное!

XLIX.

ПѢСНЯ.

Разгрустился добрый молодецъ,
Распечалился,
Частымъ гребнемъ свои кудри
Онъ расчесывалъ;
Самъ за рѣченьку изъ окошечка
Часто взглядывалъ,
Гдѣ жила его ненаглядная,
Душа-дѣвица.
Онъ послалъ туда вмѣстѣ съ свахою
Мать родимую.
Что-то скажутъ имъ, и какой отвѣтъ
Принесутъ ему?
Можетъ быть, его прочатъ милую
За богатаго?
У него же нѣтъ ничего въ дому,
Кромѣ бѣдности.

L.

ВЕЧЕРЪ ПОСЛѢ ТРУДА.

Какъ необъятный океанъ,
Окутавъ Волгу пеленою,
Въ поляхъ волнуется туманъ;
И надъ родимой стороною
Сквозь небо мутное луна
Глядитъ печально. Тишина.
Не шелохнется листъ зеленый,
Трава поникла надъ землей,
Вернулся пахарь утомленный
Съ своей лошадкою домой.
Водою чистой ключевой
Ее поитъ и отпускаетъ
Пастись на волѣ съ табуномъ.
Ворота скрипнули. Потомъ
Въ дверяхъ жена его встрѣчаетъ,
Дѣтишки прыгаютъ, рѣзвясь,
И съ нимъ садятся, помолясь
Усердно Богу предъ иконой,
За столъ подъ лампою зажженной.
Не долго ихъ бесѣда длится.
Окончивъ ужинъ, спать ложится
Довольный пахарь, а луна
Всю ночь попрежнему глядится
Сквозь стекла тусклаго окна.

LI.

БѢДНОМУ ДРУГУ.

Если въ жизни трудовой
Счастье не дается,—

Пой, бѣдняжка, громче пой,
Пой, пока поется!
А и въ радости когда
Сердце встрепенется,—
Пой, мой милый, пой всегда,
И когда поется!

LII.

Нужды и бѣдъ
Я видѣлъ много,
И былъ поэтъ
По волѣ Бога;

И пережилъ
Всѣ злыя муки,
И воплотилъ
Ихъ въ пѣсни-звуки;

И въ міръ послалъ
Свои созданья,
И онъ узналъ
Мои страданья.

1908.

LIII.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Не мало времени прошло
Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ свѣтъ.
Съ мечтами отроческихъ лѣтъ

Мнѣ вспоминается село,
Гдѣ я въ семьѣ своей узналъ
Всю горечь жизни и страдалъ
Въ неволѣ пламенной душой.
Какъ цвѣтъ, подрѣзанный косой,
Теряетъ сокъ и ароматъ,
Ничей не радуя ужъ взглядъ,
Лежитъ безжизненный, сухой,
И кромѣ праха отъ него
Не остается ничего,—
Такъ сгибли лучшіе года
Среди тяжелаго труда
И безпросвѣтной нищеты.
Вдругъ на семнадцатой веснѣ,
Въ вечерній часъ, явилась мнѣ,
Полна небесной красоты,
Царица пѣсенъ и мечты.
Я жилъ тогда въ краю чужомъ;
Съ волненьемъ въ сердцѣ молодомъ
Смотрѣлъ на счастіе другихъ.
И долго тамъ въ устахъ моихъ
Звучалъ горячій скорбный стихъ,
Въ которомъ я припоминалъ
Тогда всю боль прожитыхъ мукъ,
И съ болью сердца вызывалъ
Унылыхъ пѣсенъ каждый звукъ;
И разливалися они
То робкимъ трепетомъ любви,
То вдохновенною мечтой
О счастьѣ родины святой.
И много было у меня
Въ груди и чувства и огня,
Горячихъ юношескихъ грезъ,
Порывовъ радости и слезъ.
Я ничего не утаилъ,—

Все въ эти звуки перелилъ...
И вотъ, измученный, больной,
Съ печальной спутницей моей
Невозвратимыхъ грустныхъ дней
Вернулся я въ свой край родной
И сталъ пѣвцомъ людскихъ скорбей.

LIV.

За мной остался старый городъ,
Покрытый пылью вѣковой,
Я снова вижу лѣсъ и поле,
Свою избу и садикъ свой.
За садомъ искрами сверкаетъ
Родная Волга, а вдали
Бѣлѣетъ храмъ и паръ струится,
Какъ дымъ, отъ вспаханной земли.
Надъ головой плывутъ и таютъ
Въ горячемъ солнцѣ облака...
Здѣсь не гнететъ меня раздумье
И забывается тоска.

LV.

О, дайте съ теплымъ солнцемъ
Мнѣ ясную лазурь
Иль съ тучею громовой
Весь ужасъ грозныхъ бурь!
Съ пространствомъ безконечнымъ
Свободу дайте мнѣ
Иль тѣсную могилу
Въ родимой сторонѣ!

LVI.

КЛАДЪ.

Ужъ тепломъ весна
Намъ повѣяла,
Волга-матушка
Взбушевалася.
Словно бархатомъ,
Поле чистое
Муравой-травой
Разубралося.

Яркой зеленью
Принаряженный,
Въ тѣнь прохладную
Манитъ темный лѣсъ.
Съ утра до ночи
На земной просторъ
Смотритъ солнышко
Съ голубыхъ небесъ.

Скрипъ телѣгъ и шумъ,
Всюду трудъ кипитъ,
Съ утра до ночи
Продолжается.
Скажи, пахарь нашъ,
Гдѣ жъ твой кладъ зарытъ,
На какой межѣ
Онъ скрывается?

LVII.

Предо мной поля
Зеленѣются,
Съ крикомъ носятся

Пташки вольныя.
Темный лѣсъ вдали
Чуть виднѣется,
И лежатъ кругомъ
Пашни черныя.
Какъ мнѣ весело
Выѣзжать съ сохой
Иль косить траву
Ранней зорькою!
Ужъ не буду я
Во неволѣ злой,
Въ людяхъ мыкаться
Съ долей горькою.

LVIII.

Когда грусть-тоска
Ляжетъ на сердце,
Когда бѣлый свѣтъ
Затуманится,—
Я спою тогда
Задушевную
Пѣсню русскую,
Молодецкую.
Съ ней пройдетъ моя
Грусть тяжелая,
И жизнь будетъ мнѣ
Сердце радовать.
Подъ ея напѣвъ
Замечтаюсь я
И всѣ думушки
Пораздумаю.

LIX.

Хорошо весной!
Красенъ бѣлый свѣтъ,
На просторъ душа
Порывается.
Горе горькое
Пережитыхъ лѣтъ
Въ жизни радостной
Забывается.

Выйдешь на поле,
Поглядишь вокругъ,—
Все цвѣтетъ, растетъ,
Всюду трудъ кипитъ.
Человѣкъ тебѣ—
Лучшій братъ и другъ,
И не знаешь ты
Никакихъ обидъ.

Такъ и вскрикнулъ бы
Громкимъ голосомъ:
Ахъ, родимое
Наше полюшко!
Зашуми скорѣй
Спѣлымъ колосомъ,
Уроди всего
Ты намъ вволюшку!

LX.

Снова я вижу съ раздольемъ полей
Милыя сердцу картины—
Старыя избы деревни моей
И подъ горою овины.

Сколько свободы и свѣта вокругъ!
Сердце усиленно бьется.
Каждый мужикъ мнѣ товарищъ и другъ.
—«Какъ-то вамъ, братцы, живется?—
Спросишь невольно:—Каковъ урожай?»
—Да ничего; прикупили
Мы и земли у помѣщика, знай,
Также и школу открыли.
Славное зданіе! Съ вывѣской!!—«Да,
Школа—преддверье науки,
Двигатель къ славѣ, помощникъ труда...
Съ Богомъ, учитеся, внуки!
Скатертью путь вамъ дорога впередъ,
И да прославится русскій народъ!

LXI.

Изъ далекихъ странъ
Облака бѣгутъ,
Тѣнью по полю
Разстилаются.
Прилетѣли къ намъ
Пташки вольныя,
Поютъ весело,
Заливаются.

Конченъ зимній пиръ
Съ непогодами,
По каменьямъ съ горъ
Зазвенѣлъ ручей;
Травка каждая
Оживилася,
Ходитъ, ластится
Вѣтерокъ по ней.

Ужъ крестьяне всѣ
Съ утра до ночи
Принялись пахать,
Сѣять зернышки...
Уроди жъ, Господь,
Имъ всего за трудъ,
За всѣ зимнія
Ихъ невзгодушки!

LXII.

Давно проснулося село,
Туманъ надъ Волгою дымится,
И солнце ясное глядится
Въ нее привѣтно и тепло.

Вокругъ меня и надо мною
Жужжанье пчелъ и пѣнье птицъ,
Избушки съ улицей родною,
И лѣсъ, и поле безъ границъ...

Все оживилося съ весною:
Вотъ вышла баба за водой,
Глядитъ старуха изъ окошка,
Вонъ подъ рябиной дѣдъ сѣдой,

И бѣлокурый мальчикъ-крошка,
Присѣвъ на палочку верхомъ,
Въ рубахѣ синей, босикомъ,
Къ нему со смѣхомъ подбѣгаетъ.

Дѣдъ къ солнцу взоры обращаетъ,
И, утонувъ въ его лучахъ,
Какъ я на этомъ на просторѣ,
Знать, позабылъ былое горе
И видитъ Бога въ небесахъ.

LXIII.

Солнышко только взошло,
Все оживилось село,
И заигралъ пастушокъ
Весело въ звонкій рожокъ.

Тихо изъ каждыхъ воротъ
Старый и малый народъ
Гонитъ овецъ и коровъ...
А отъ раздольныхъ луговъ
Слышится запахъ цвѣтовъ...

Какъ милліоны огней,
Блещетъ на травкѣ роса,
Съ пѣснею вольной своей
Птичка вспорхнула надъ ней
И поднялась въ небеса.

LXIV.

Ночною порой мнѣ не спится, когда
Въ саду соловей распѣваетъ
И каждая на небѣ синемъ звѣзда
Землѣ свой привѣтъ посылаетъ;
Когда, на траву опускаясь, роса
Какъ перлъ драгоцѣнный ложится,
Тогда я душой уношусь въ небеса,
И мысль моя къ Богу стремится.

LXV.

Буду пѣть, пока
Сердцу весело
И живется мнѣ
Безъ печали злой.
Буду пѣть, пока
Много свѣтлыхъ думъ
О счастливыхъ дняхъ
Въ сторонѣ родной.
А придетъ когда
Къ намъ невзгодушка,
То пускай тогда
Смолкнетъ голосъ мой.

LXVI.

И день и ночь въ мое окно
И въ крышу дождь стучится,
Что осень скоро, и давно
Рожь въ полѣ колосится;

Что лѣто красное пройдетъ,
И въ берегахъ надолго
Морозъ трескучій закуетъ
Мою родную Волгу;

Уснетъ подъ снѣгомъ все село,
Какъ въ саванъ обернется,
Покуда солнце и тепло
Съ весною не вернется.

LXVII.

Я вспоминаю барскій домъ,
Крыльцо съ колоннами простыми,
Окошко съ ставнями рѣзными
И предъ зажженнымъ огонькомъ,
На мягкомъ креслѣ, за столомъ,
Надъ книгой чудное созданье...
Тогда влекло меня желанье
Взглянуть ей въ милое лицо,
Тихонько вызвать на крыльцо,
Поцѣловать и вмѣстѣ съ нею
Уйти въ душистую аллею.
Чтобъ не будить лихихъ собакъ,
Томимый сладкою тоскою,
Къ окну дотронувшись рукою,
Я ей давалъ условный знакъ...
И вотъ погасъ огонь въ окнѣ,
И при полночной тишинѣ
Чуть слышно скрипнули ступени
Подъ ножкой рѣзвою, потомъ
Въ бесѣдкѣ старой, за кустомъ
Густой развѣсистой сирени,
Горячихъ рукъ ея пожатья
И поцѣлуи и объятья...

Все это было такъ давно,
Но крѣпко въ памяти хранится;
Передъ самимъ собой таиться
Я не хочу, да и грѣшно
Не вспомнить молодости годы,
Когда безъ счастья и свободы
Я въ сторонѣ моей родной
Дышалъ любовію одной.

LXVIII.

Осень глухая настала,
Холодомъ вѣетъ вокругъ,
И на луга, какъ бывало,
Стадо не гонитъ пастухъ.

Птицы надъ нами не вьются,
Смолкнули ихъ голоса;
По небу тучи несутся,
Стонутъ тоскливо лѣса.

Плачетъ широкое поле
И вспоминаетъ съ весной
Красное лѣто и волю
Нашей сторонки родной.

LXIX.

Съ теплою весною
Лѣто ужъ прошло,
Замерло родное,
Милое село.
Небеса покрыла
Сумрачная мгла,
И глядитъ уныло
Солнце безъ тепла.
Съ поля хлѣбъ снопами
Своженъ на гумно,
Выбито цѣпами
Каждое зерно.
Бѣлый снѣгъ кружится
И, какъ легкій пухъ,
Медленно ложится
На увядшій лугъ.

LXX.

СЧАСТЛИВАЯ ДОЛЯ.

Вышелъ я на Волгу,
Посмотрѣлъ на небо
И пошелъ межою
Средь колосьевъ хлѣба.

Весело о чемъ-то
Мнѣ они шептали,
А надъ головою
Пташки распѣвали.

Солнышко высоко
На небѣ стояло
И горячимъ свѣтомъ
Землю обдавало.

Не было ни тучки,
Вѣтеръ притаился,
За прозрачной далью
Лѣсъ не шевелился.

Пахло земляникой
Да травой съ цвѣтами,
Божій міръ, казалось,
Слился съ небесами.

Я гляжу, какъ зорька
Тихо догораетъ,
Какъ между кустами
Ручеекъ сверкаетъ...

Сколько здѣсь простора,
Сколько дикой воли!
Есть ли гдѣ на свѣтѣ
Лучше моей доли?!

Лишь о тѣхъ порою
Сердце разболится,
Кто въ заводѣ душномъ
Въ эти дни томится;

Кто живетъ безъ солнца,
Безъ красы природы,
Въ злой неволѣ губитъ
Молодые годы.

LXXI.

Отвяжись, тоска, не томи меня,
Не круши мою молодую грудь;
Много силы въ ней, много въ ней огня,
И широкъ лежитъ предо мною путь.

Веселѣй хочу я глядѣть на свѣтъ,
Полно въ горѣ мнѣ жизнью маяться;
Прежнихъ черныхъ дней и слѣда ужъ нѣтъ,
Цѣпь неволи злой разрывается.

Старый пахарь нашъ осѣнилъ крестомъ
Передъ образомъ грудь широкую,
Ходитъ весело за своимъ конемъ,
Ведетъ борозду онъ глубокую.

Злою долею, вѣковой нуждой
Мощь желѣзная не убита въ немъ;
За труды же Богъ съ полосы родной
Наградитъ его яровымъ зерномъ.

LXXII.

БЕЗДОМНЫЕ.

Эхъ! Куда зимою
Жизнь не весела
Тѣмъ, кто не имѣетъ
Хлѣба и угла;

Кто себѣ по силѣ
Дѣла не найдетъ
И въ морозъ трескучій
По-міру идетъ;

У кого всѣ думы
Только объ одномъ:
Какъ бы не замерзнуть
Гдѣ въ краю родномъ;

Гдѣ бы какъ не сбиться
Съ снѣжнаго пути
И скорѣй къ ночлегу
Теплому придти.

1909.

LXXIII.

КЪ БОГУ.

Боже, какъ всюду несчастныхъ
Много въ избенкахъ убогихъ,
Хлѣба такъ мало у многихъ!

Боже, какъ много напрасныхъ
Жалобъ на горькую долю
Въ мірѣ Твоемъ раздается!

Боже, какъ трудно живется
Тамъ, гдѣ всѣхъ благъ Твоихъ вволю
Избраннымъ только дается!

Пусть же на міръ необъятный
Всѣмъ, словно дождь благодатный,
Милость Твоя разольется!

LXXIV.

За весной настало лѣто,
Солнышко печетъ,
Много радости и свѣта
Къ намъ на землю льетъ.

Облака плывутъ и таютъ
Въ небѣ голубомъ,
Звонко птички распѣваютъ
За моимъ окномъ.

Въ полѣ рожь зазеленѣла,
Весело шумитъ;
Вся деревня опустѣла
И, казалось, спитъ.

Только дѣти предъ избою
Или старики
Собираются гурьбою
Въ ясные деньки.

LXXV.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Пробилъ часъ вдохновенья,
Съ небесною мечтой
Настало пробужденье
Поэзіи святой.

Душа моя воспрянула,
И, словно крикъ орла,
Изъ груди пѣсня грянула
И въ струнахъ ожила.

И древнее сказаніе,
И быль минувшихъ дней,
И радость, и страданіе
Послышалося въ ней.

LXXVI.

ПѢСНЯ.

Земляничинка моя
Вызрѣла, поспѣла,
Вышла замужъ дѣвка, я,
За кого хотѣла.
Взялъ мой милый красотой,
Молодецкой силой,
Только мнѣ ли, молодой,
Счастья не далъ милый.
Стану рожь на полѣ жать,
А душа страдаетъ;
То я слышу, будто мать
Надо мной рыдаетъ;

То отецъ груститъ, груститъ,
И во всю-то ночку
Онъ вздыхаетъ и не спитъ,
Вспоминая дочку.

LXXVII.

ПѢСНЯ.

Я люблю тебя, моя милая,
Душа-дѣвица ненаглядная;
Про тебя въ тоскѣ пѣснь унылая,
Моя думушка постоянная.

Не могу избыть я кручинушки,
Что живу въ нуждѣ одинешенекъ,
Что другой тебѣ вдругъ дѣтинушка
Будто по сердцу сталъ милешенекъ;

Что за рученьку твою правую
Онъ возьметъ тебя распригожую
И походкою величавою
Поведетъ съ собой въ церковь Божію.

LXXVIII.

Мнѣ не спится на жесткой постели моей,
Вѣтеръ въ окна промерзлыя бьется,
Одна дума другой все мрачнѣй и мрачнѣй
Надо мною летаетъ и вьется:
Скоро ль вмѣстѣ съ весной полной грудью вздохнетъ
Вся сторонушка наша родная?

И когда на раздольныхъ поляхъ зацвѣтетъ
Золотистая рожь, и дождется ль народъ
Лучшихъ дней и за трудъ урожая?

LXXIX.

ПѢСНЯ.

Время золотое,
Ты куда дѣвалось,
Какъ она со мною
Кольцами мѣнялась?

Какъ при каждой встрѣчѣ
Веселы мы были,
Что тогда за рѣчи
Съ нею говорили!

Какъ она любила,
Какъ меня ласкала!
Ахъ, все это было,
Только миновало!

1910.

LXXX.

СТАРЫЙ БРОДЯГА.

У меня нѣтъ поля,
Ни родныхъ, ни хаты,
На плечахъ рубаха
Грязная, въ заплатахъ;

Что гнѣздо воронье,
Старая шапчонка,
И зимой, и лѣтомъ
Та же одеженка...
Такъ съ сумой посконной
И котомкой сзади
Ходишь по селеньямъ,
Просишь Христа-ради;
Просишь, и не знаешь,
Гдѣ пріютъ найдется,
На какой сторонкѣ
Умереть придется.
Можетъ быть, зимою
Въ полѣ смерть застанетъ,
И въ лицо бродягѣ
Только мѣсяцъ взглянетъ;
Только бѣлымъ снѣгомъ
Вѣтеръ принакроетъ,
Да съ метелью вьюга
Жалобно повоетъ.

LXXXI.

ПѢСНЯ.

Что, головушка побѣдная,
На грудь бѣлую склоняешься?
Ахъ, зачѣмъ ты, сердце бѣдное,
Все болишь и сокрушаешься?

Аль я не былъ богатырь въ бою
За родную Русь православную,
И не всѣмъ про то людямъ спѣлъ свою
Задушевную пѣсню славную?

Что же молодцу больно грудь тѣснитъ,
И зачѣмъ тоска клонитъ буйную?
Аль широкій путь предо мной закрытъ,
Аль мнѣ молодость жаль разгульную?..

LXXXII.

ЗАВѢТЪ КРЕСТЬЯНСКАГО ПОЭТА

Друзья мои, я умираю,
Передо мной мутится свѣтъ,
Въ послѣдній разъ вамъ повторяю
Мой старый дружескій завѣтъ:

Да будетъ ваша жизнь свободна,
Какъ Волга-матушка рѣка,
Какъ въ полѣ нива небезплодна,
Чиста какъ воздухъ и легка.

Когда схороните поэта
Вы на родимой сторонѣ,
Пусть строки этого завѣта
Напоминаютъ обо мнѣ.

LXXXIII.

ПѢСНЯ.

(Н. В. Плевицкой.)

Ахъ, вы ночи, мои ноченьки,
Ночи темныя, осеннія!
Не гляжу я милой въ оченьки,
Съ ней не рву цвѣты весенніе;

Не цѣлую въ щеки алыя,
Не пою, какъ пѣлъ бывало я;
Пѣлъ, что было силы-моченьки,
Мои пѣсни не послѣднія...
Ахъ, вы ночи, мои ноченьки,
Ночи темныя, осеннія!

LXXXIV.

Привольно лѣтомъ дышится.
Рожь спѣлая колышется
На крыльяхъ вѣтерка,
А пчелки золотистыя
Сбираютъ дань душистую
Отъ каждаго цвѣтка.
Когда жъ изъ тучи грянетъ громъ,
Заблещетъ молнія кругомъ
И частый дождь прольется,—
Вздохнутъ зеленыя поля,
И новыхъ силъ тогда земля
У неба наберется.

LXXXV.

Зима. Безлюдье, и кругомъ
Унылое молчанье,
И только вьюги завыванье
Порою слышно надъ селомъ.
Сугробы снѣга на поляхъ,
Въ лѣсу давно замолкли птицы,
Уснула Волга, какъ въ гробницѣ,
Въ своихъ высокихъ берегахъ.

LXXXVI.

ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.

Смирно, дѣти! Не шалить!
Время наступило,
Надо грамоту учить,—
Въ грамотѣ вся сила;

Безъ нея и жизнь темна,
Словно ночь безъ свѣта,
Вся родная сторона
Сумракомъ одѣта.

Дѣло каждое и трудъ
Только съ ней спорится,
Только съ ней крестьянскій людъ
Свѣтомъ озарится.

LXXXVII.

Я въ лѣсъ вошелъ,—онъ весь
Подернутъ былъ прозрачной дымкой,
И мнѣ казалося, ужъ здѣсь
Весна крадется невидимкой,
Хоть снѣгъ, подъ яркимъ солнцемъ тая,
Лежитъ и ждетъ царицы мая.
Лицо мнѣ воздухъ смоляной
Обвѣялъ трепетнымъ дыханьемъ.
Какъ хорошо въ глуши лѣсной
Близъ Волги-матушки родной
Быть одному, съ однимъ желаньемъ—
Отдавшись сладостнымъ мечтамъ,
Пѣть гимны дивнымъ красотамъ.

LXXXVIII.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ.

(Н. И. Познякову.)

Учитель нашъ, душою чистый
Какъ золото, предъ нами ты блестѣлъ,
И взоръ твой ясный и лучистый
Впередъ съ надеждою глядѣлъ.
Ты думалъ: вотъ настанетъ время,
Весь будетъ грамотнымъ народъ,
И молодое наше племя
Счастливымъ заживетъ.
Но умеръ ты, и не дождался
Разсвѣта этихъ чудныхъ дней...
А мракъ все болѣе сгущался
Надъ бѣдной родиной твоей.

LXXXIX.

Былые дни, былыя грезы
Въ моей душѣ воскресли вновь,—
Когда страданія и слезы
Убили первую любовь;
Когда видѣньемъ безтѣлеснымъ
Являлась муза предо мной,
И я въ углу сыромъ и тѣсномъ
Слагалъ стихи странѣ родной.

XC.

Пускай какъ червь я пресмыкался
И много-много положилъ
Творцомъ дарованныхъ мнѣ силъ,—
Я никогда не сомнѣвался
Изъ мрака къ свѣту на пути
Святую истину найти.
Пусть я изъ края въ край скитался,
Подъ градомъ жизненныхъ невзгодъ
Изнемогая отъ страданья,—
Пойду безтрепетно впередъ,
Чтобы къ добру одинъ хоть свѣтлый лучъ сознанья
Мнѣ бросить въ темный нашъ народъ.

XCI.

ПОСИДѢЛКИ.

(Старая бывальщина.)

Въ зимній вечеръ съ бѣлой церковью
Чуть виднѣется село,
Всѣ къ нему пути-дороженьки
Бѣлымъ снѣгомъ замело.

Какъ въ гробницѣ, Волга-матушка
Подъ сугробами лежитъ,
А кругомъ ея метелица-
Вьюга буйная шумитъ.

На краю избушка тѣсная,
Чуть мерцаетъ огонекъ;
Собрались дѣвицы красныя
И усѣлися въ кружокъ.

Пѣли пѣсни, пѣсни грустныя,
Все про дѣвичью любовь,
Про неволю, про замужество
Да про злую про свекровь.

Между ними разудалые
Добры молодцы сидятъ,
Шутятъ шутки молодецкія
Да гостинцы имъ дарятъ.

У всѣхъ дѣвушекъ привѣтливо
Смотрятъ бойкіе глаза,
А у Дуни что жемчужная
Навернулася слеза.

Она видитъ, какъ съ подругою
Милый другъ ея сидитъ
И съ веселою улыбкою
Прямо въ очи ей глядитъ.

Рѣчи сладкія, любовныя
Онъ нашептываетъ ей
И не сводитъ съ красной дѣвицы
Своихъ ласковыхъ очей.

Дуня смотритъ, пряжу тонкую,
Какъ бывало, не прядетъ;
Пѣсня грустная и звонкая
Пуще за сердце беретъ;

Пуще грудь ея волнуется
И вздыхаетъ тяжело...
Скоро полночь. Одѣвается
Въ мракъ родимое село.

Разошлись дѣвицы красныя,
Старики и дѣти спятъ,

Только слышно за околицей
Разговоръ и смѣхъ ребятъ.

Только звѣздочки небесныя
Ярко свѣтятъ, да въ окнѣ
Огонекъ еще виднѣется
Отъ избушки въ сторонѣ;

Тамъ Дуняша-сиротинушка
У свѣтца сидитъ съ тоской,
И у ней съ тоски-кручинушки
Слезы катятся рѣкой.

XCII.

Бѣлѣетъ снѣгъ; кругомъ даль неба позолотой
Окрасила заря, сверкнувъ въ послѣдній разъ;
Въ деревнѣ тишина, лишь скрипнули ворота,
Да гдѣ-то огонекъ зажегся и погасъ.
Поля и темный лѣсъ въ безмолвіи уснули,
Ничто не шелохнетъ, а звѣзды въ вышинѣ,
Какъ взоры ангеловъ, на спящій міръ взглянули.
И въ этотъ чудный мигъ, тогда казалось мнѣ,
И небо и земля въ вечерней тишинѣ
Слилися въ поцѣлуй и радостно вздохнули.

XCIII.

СОКОЛЪ И ЕГО ПОДРУГА.

На сильнаго сокола коршунъ напалъ,
Ранилъ его и за облако скрылся.
Долго надъ бездною соколъ кружился

Раненый, долго свою дорогую подругу искалъ,
И, не найдя, налетѣлъ на скалу и разбился,
На смерть разбился—и въ темную бездну упалъ.
Сокола также въ ущельяхъ подруга искала,
Долго искала,—найти не могла,
Долго надъ бездною съ воплемъ летала,
И когда милаго друга нашла,
Крылья свои вдругъ она распластала
И мертвою тутъ же съ нимъ рядомъ легла.

XCIV.

Съ поля стадо вернулось домой,
Послѣ знойнаго дня отдыхаетъ;
Темный лѣсъ предъ вечерней зарей
Словно пламя пожара пылаетъ.
Золотистая пыль улеглась,
Все окуталось сизымъ туманомъ,
И вдали, за высокимъ курганомъ,
Соловьиная пѣснь раздалась.

XCV.

Снѣгъ летаетъ и сверкаетъ
Въ золотомъ сіяньи дня,
Словно пухомъ устилаетъ
Всѣ долины и поля.

Льдомъ покрылася рѣчонка
И уснула до поры,
Съ звонкимъ смѣхомъ ребятенки
Ужъ катаются съ горы;

И крестьянинъ обновляетъ
На дровняхъ дорогу въ лѣсъ;
Снѣгъ летаетъ и сверкаетъ,
Тихо падая съ небесъ.

XCVI.

Всѣ вы, трудомъ и нуждой изнуренные,
Свѣта и радости жизни лишенные,
Пойте за мной
Пѣсню, которая тихо слагается,
Изъ наболѣвшей души выливается
Въ душу горячей волной!
Пойте про бѣдность, про злую неволюшку
И про крестьянскую горькую долюшку
Нашей сторонки родной!

XCVII.

ПѢСНЯ.

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Грусть-тоска беретъ,
Оттого что не со мною
Милая живетъ;
Что она не хочетъ больше
Молодца любить
И съ другимъ дала согласье
Постоянно жить.
Съ той поры нигдѣ покоя
Парень не найду
И къ себѣ ее напрасно
Постоянно жду.

XCVIII.

7 НОЯБРЯ 1910.

Я музѣ рыдающей внемлю,
Что геній, наполнивъ всю землю
Гармоніей чудной, пѣснь лебедя спѣлъ
И, славой вѣнчанный, отъ насъ улетѣлъ.

XCIX.

Въ лѣто жаркое
На поляхъ родныхъ
Не напрасно мы
Потрудилися.
Будемъ жить теперь
Всѣ безъ злой нужды
И на бѣлый свѣтъ
Бодро взглядывать;
Будемъ осенью
За свои труды
Собирать снопы
Золотистой ржи,
Про запасъ въ мѣшкахъ
Ее складывать.

1911.

C.

Зачѣмъ, прикованный къ землѣ,
Съ печалью мысли на челѣ,
Я къ небу порывался?

Зачѣмъ молчалъ и все боялся
Сказать о томъ, чѣмъ сердце жило,
О чемъ страдало, что любило,
Предъ чѣмъ всю жизнь я преклонялся,
Во что такъ вѣрилося мнѣ,
Когда въ вечерней тишинѣ
Мой стихъ задумчивый слагался?

CI.

ПѢСНЯ.

Прошла молодость,
Безъ любви прошла,
У чужихъ людей
Въ злой неволюшкѣ.

Всѣ пути мои
Покрывала мгла,
Не видалъ я вѣкъ
Счастья, долюшки...

У чужихъ людей
Холоднѣй зимы
Лѣто красное
Мнѣ казалося.

Прошла молодость,
Какъ въ стѣнахъ тюрьмы,
Въ горькой бѣдности
Миновалася.

CII.

Разъ меня на полѣ дѣти
Обступили,—говорятъ:
—Правда ль, дядя, что на свѣтѣ
Не на томъ, на этомъ—адъ?

Правда ль, дядя, будто люди
Ужъ безсмертны,—какъ умрутъ,
Ихъ опять забьются груди
И они всѣ оживутъ?

—Правда, дѣти; только надо,
Чтобъ безсмертье получить,
На землѣ не дѣлать ада
И по-Божьи всѣмъ намъ жить.

CIII.

ВЕСНА-ЦАРИЦА.

Къ намъ идетъ весна-царица
И тепломъ на землю дышитъ,
Въ полѣ каждую былинку
И ласкаетъ, и колышетъ.

Гдѣ волшебница ни ступитъ,
Тамъ цвѣточки расцвѣтаютъ,
Хоры птицъ и насѣкомыхъ
Воздухъ пѣньемъ оглашаютъ.

Взглянетъ на небо,—тамъ туча
Грозовая соберется
И на землю благодатнымъ
Частымъ дождикомъ прольется.

Послѣ зноя отъ прохлады
Оживетъ земля сырая,
И алмазами заблещетъ
Всюду травка полевая...

Шлетъ весна привѣтъ и ласку
Нашимъ пахарямъ родимымъ
И даетъ имъ много силы
За трудомъ неутомимымъ.

CIV.

Ахъ, ты, батюшка, свѣтлый мѣсяцъ нашъ,
Что ты свѣтишь намъ не по-лѣтнему,
Между тучками быстролетными
Все туманами покрываешься?
Что, дубровушка, ты нахмурилась,
Почернѣла вся и шумишь-гудишь
Въ непроглядную ночку бурную,
И, при ясномъ днѣ призадумавшись,
Разбросала вкругъ листья желтые?
Гдѣ твоя краса, поле чистое,
Твой цвѣтами лугъ изукрашенный,
Съ хлѣбомъ полосы заповѣдныя,
Что такъ тѣшили сердце пахаря?
Знать, пришелъ конецъ лѣту красному,
Подошла пора непогожая,
Съ темной осенью зима лютая
Съ бурей вьюжною приближается.

CV.

ПѢСНЯ.

Заиграй-ка, балалайка,
Ты запой-ка
Пѣсню старую, родную,
Нашу «Тройку»!
Аль какъ вьется снѣгъ пушистый
При дорогѣ,
Какъ на ней стоитъ дѣвица
Въ злой тревогѣ;
Смотритъ въ дальнюю сторонку
Да вздыхаетъ,
Долго смотритъ и про друга
Вспоминаетъ.
Спой, какъ умеръ одинокій
Горемыка,
Аль веселую какую
Разскажи-ка;
Чтобы съ улицею избы
Вкругъ ходили
И отъ пляски всѣ суставы
Говорили.

CVI.

МОЛИТВА.

Предъ яснымъ образомъ
Къ Тебѣ, Всепѣтая,
О, Матерь Господа,
Съ молитвой теплою
Я обращаюся:

Дай духа, разума,
Любви и кротости
Ты мнѣ, безумному,
И сохрани меня
Отъ бѣдъ, Пречистая;
И умоли Христа,
Царя Небеснаго,
За всѣхъ трудящихся,
За всѣхъ униженныхъ
И за плѣненныхъ всѣхъ,
Всѣхъ изгоняемыхъ
За правду Божію
И за обиженныхъ.

CVII.

БЕЗДОРОЖЬЕ.

Отчего мнѣ не поется,
Какъ бывало, звонко,
Про тебя, моя родная,
Милая сторонка?
Оттого ли, что такъ хмуро
Надо мною небо,
Что въ поляхъ не уродилось
Ни травы, ни хлѣба;
Что крестьянинъ, какъ и прежде,
Борется съ нуждою?
Али умъ мой потерялся
Съ силой молодою?
Нѣтъ, мой умъ не потерялся,
Силы еще много,
Да заказана прямая
По тебѣ дорога.

И тебя, какъ мать родную,
Милая, люблю я,
Только пѣть при бездорожьи
Громче не могу я.

CVIII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ГОРОДА.

Прощай, далекая столица,
Ея большой фабричный домъ!
Я снова слушаю, какъ птицы
Щебечутъ весело кругомъ.
Какая радость овладѣла
Моей измученной душой,
Когда принялся я за дѣло,—
Шелъ за лошадкой и сохой,
Пахалъ свое родное поле!..
Какой просторъ, какая воля!
Во всемъ какая красота!..
Вся яркимъ солнцемъ залита,
Играетъ Волга подъ горою,
Кругомъ родимые лѣса...
Я взоръ бросаю въ небеса,
И все, мнѣ кажется, со мною
Къ Творцу исполнено хвалою.

CIX.

ПѢСНЯ.

Красна дѣвица слюбилась съ молодцомъ,
Размѣнялася серебрянымъ кольцомъ;
Съ нимъ сходилася вечернею зарей,
Расходилась полуночною порой;

Цѣловалась, миловалась часто съ нимъ,
Полотенцемъ утиралася однимъ.
Незамѣтно такъ проходитъ цѣлый годъ,
На второй о томъ провѣдалъ все народъ.
Скоро слухъ дошелъ до матери съ отцомъ,—
Разлучили они дочку съ молодцомъ,
Извели ее безъ милаго въ конецъ,
И остался неженатымъ молодецъ.

CX.

Много пѣсенъ было спѣто,
Много слезъ пролито мной,
Что ни радости, ни свѣта
Нѣтъ въ сторонушкѣ родной;
Что крестьянинъ, работая,
Часто впроголодь живетъ
И напрасно урожая
Отъ земли безплодной ждетъ;
Что моя съ нимъ жизнь прожита
Безъ надежды впереди,
И поругана, разбита
Вся любовь въ моей груди.

CXI.

ВѢЧНЫЙ ПОКОЙ.

Заходили тучи сѣрыя,
Помертвѣло поле чистое,
Вѣтры буйные развѣяли
Всюду листья золотистые.

Потемнѣлъ кругомъ дремучій лѣсъ,
Громко стонетъ и качается,
Волга-матушка широкая
Съ шумомъ въ берегъ ударяется.
Не видать на полѣ пахаря,
И не слышно, какъ дорогою
Онъ изъ поля возвращается.
Предъ избой его убогою
Люди сельскіе сбираются;
Всѣ гуторятъ, что товарищъ ихъ
Въ злой нуждѣ въ конецъ измаялся
И, не кончивъ всей работушки,
Сгасъ какъ свѣчка и преставился.
Вокругъ гроба дѣти малыя
Словно пташки увиваются,—
Разбудить хотятъ сердечнаго;
Только онъ не просыпается
Отъ покоя вѣковѣчнаго.

CXII.

ПѢСНЯ.

Калинка, калинка,
Не стой надъ водой,
Не красуйся, не равняйся
Со мной молодой!

Ты тогда со мной равняться,
Калинка, могла,
Какъ у батюшки, у матушки
На волѣ я жила,

У родимой пѣла пташкою,
Рѣзвилася всегда,

Никакой тоски-заботушки
Не знала я тогда.

А теперь, у злой свекровушки,
У свекора-отца
Вся завяла и скатилась
Красота моя съ лица.

CXIII.

ПАМЯТИ Н. А. СОЛОВЬЕВА-НЕСМѢЛОВА.

Я зналъ его. Онъ былъ тогда учитель,
Когда нашъ Царь-Освободитель
Свои законы создавалъ
И цѣпи рабства разрывалъ;
Когда во всѣхъ своихъ судахъ
Народу далъ онъ судъ свой правый
И много школъ, вѣнчанный славой,
Открылъ въ родимыхъ деревняхъ.
И разливалось просвѣщенье
Съ тѣхъ поръ въ народѣ, какъ рѣка;
За поколѣньемъ поколѣнье
Росло, и дѣти мужика
Теперь взросли ужъ не рабами...
Учитель нашъ съ учениками,
Дѣтьми рабочихъ, много силъ
На ихъ ученье положилъ,—
И умеръ, всѣхъ благословляя
На пользу жить родного края.

1912.

CXIV.

Когда тоска
Меня беретъ,
Не я пою—
Душа поетъ;
Душа поетъ,
Что жизнь даетъ,
Въ чемъ горе
Выражается,
На каждый вздохъ
Другой души
Тоскою отзывается;
И въ радости,—
Какъ жизнь красна,
Когда шумитъ,
Гудитъ весна,
И мнѣ въ лицо
Она дохнетъ,—
Не я пою—
Душа поетъ.

CXV.

Въ тихомъ безмолвіи ночи чарующей
Встрѣтилъ я взоръ огневой;
Чудною музыкой пѣсни ликующей,
Полной тоски и любви торжествующей,
Слышится голосъ мнѣ твой.
Свѣтлаго ангела крылья незримы...

Вѣяли въ мракѣ ночномъ,
Образы, страстно когда-то любимые,
Вызвалъ я снова, ревниво хранимые,
Въ любящемъ сердцѣ моемъ.

CXVI.

НА РОДИНѢ.

Родныя, милыя картины
Я снова вижу предъ собой!
Вотъ и село, вотъ и овины,
Вотъ поле съ рожью золотой.
Вдали чернѣетъ лѣсъ сосновый,
Всегда принять меня готовый
Къ себѣ подъ сладостную тѣнь;
Тамъ, подъ крутыми берегами,
Среди знакомыхъ деревень,
Я вижу Волгу, и съ лѣсами
Опять поля; а тамъ дорожка
Куда-то вьется далеко...
Ахъ, если бъ счастія немножко,
Какъ здѣсь жилось бы мнѣ легко!

CXVII.

Прошла зима
Косматая,
Голодная,
Недужная,
Холодная
И вьюжная,

На дровняхъ
Прокатилася...
Опять весна,
Тепла, ясна,
На землю
Воротилася...
Былыхъ снѣговъ
Пропалъ и слѣдъ.
Намъ солнце льетъ
Небесный свѣтъ.
И снова мы
Съ надеждою
Глядимъ впередъ,
И снова ждемъ,
Когда въ родномъ
Краю блеснетъ
Заря свободъ
И радость въ немъ.

CXVIII.

ПѢСНЯ ПРО МИКУЛУ СЕЛЯНИНОВИЧА.

Пришла весна,
И послѣ вьюгъ
И зимнихъ бурь
Опять земля
Проснулася,
Вздохнула,
Обрядилася
Въ одежды
Драгоцѣнныя.
Опять ей

Солнце ясное
Привѣтно
Улыбнулося.

Звенятъ ручьи
По камушкамъ,
Спадаютъ съ горъ
Гремучіе,
Съ рѣками
Быстротечными
Широко
Разливаются.
Шумятъ лѣса
Дремучіе,
И всюду пташки
Вольныя
Запѣли пѣсни
Чудныя.
И надъ цвѣткомъ,
Надъ каждою
Былинкой
Мошки кружатся
И пчелки
Увиваются.

Всѣ люди
Деревенскіе
Справляютъ
Сохи, бороны
И съ теплою
Молитвою
За пашню
Принимаются.
Богъ помочь,
Нашъ Микулушка,

Нашъ славный
Селяниновичъ,
Твоей сохой
Желѣзною
Поля тебѣ
Распахивать!
Ходить полоской
Рыхлою
Съ своей кошницей
Новою
И въ землю зерна
Крупныя
Съ молитвою
Разбрасывать!

Богъ помочь,
Селяниновичъ,
Тебѣ съ утра
До вечера
Косить траву
Душистую,
Въ стога метать
Сушеную!
Да впору рожь
Кривымъ серпомъ
Подъ корень жать
И всю убрать,
Зернистую.

Дай Богъ всегда
Счастливо жить,
Съ богатою
И бѣдною,
Тебѣ отъ вѣка
Преданной,

Семьей твоей
Крестьянствовать!
Трудиться съ ней
И властвовать
Самимъ Творцомъ
И Господомъ
Землею
Заповѣданной.

CXIX.

ДУМА.

Подъ громъ небесъ и громъ трубы,
Когда откроются гробницы,
Со мной возстанутъ всѣ рабы,
Цари земные и царицы.
И если Вѣчный Судія
Придетъ судить насъ всѣхъ на землю,—
Когда настанетъ очередь моя,
То съ трепетомъ къ Всевышнему и я
Мой взоръ пылающій подъемлю.
Скажу Ему: «О, Господи, прости
Ты мнѣ людскія прегрѣшенья
За то, что, на моемъ пути
Вездѣ встрѣчая камни преткновенья,
Не могъ къ Тебѣ я близко подойти;
За то, что цѣлый вѣкъ прошелъ
Въ исканьи Твоего Завѣта,—
Между людьми во всѣ часы и лѣта
Искалъ его—и не нашелъ.

CXX.

Если бы всѣ книги
Съ пѣснями моими
Бѣдная крестьянка
Подъ своей стрѣхой
Внятно прочитала,—
Много бы узнала
И, склонясь надъ ними,
Часто забывала
О своей крестьянской
Долюшкѣ лихой;
Всѣ онѣ такъ просто,
Какъ и наши пѣсни,
Спѣтыя народомъ
Въ сторонѣ родной,
Изъ души рождались,
Вызванныя чувствомъ,
Тихо выливались
На листы бумаги,
Горькими слезами
Плакали со мной.

CXXI.

Гдѣ ты, доля золотая,
Счастіе мое,
Удаль, сила молодая,
Вольное житье?

Все, что было, миновало,
Не вернуть назадъ;
Красота моя увяла,
Помутился взглядъ.

Словно вьюга убѣлила
Темный шелкъ кудрей,
Унесла давно могила
Друга и дѣтей.

Обо всемъ теперь, страдая,
Вспоминаю я...
Гдѣ ты, доля золотая,
Молодость моя?

CXXII.

ПТИЧКА.

Ужъ птичка ко мнѣ прилетѣла.
О, милая гостья моя,
Откуда вернулась, гдѣ пѣла,
Въ какіе летала края?
Что видѣла ты, что узнала
Въ далекой чужой сторонѣ?
Пой, крошка, какъ прежде пѣвала,
Про радость и счастіе мнѣ!

CXXIII.

Съ какой-то силой неземною
Стремится мой тревожный умъ
Куда-то въ даль. И много думъ
Одна смѣняется другою—
О счастьи съ жизнью трудовою...
И грустно, грустно мнѣ,
Что на родимой сторонѣ

И въ городахъ большихъ, и селахъ,
Какъ прежде, труженикъ-народъ
Не знаетъ дней веселыхъ
И въ горькой бѣдности живетъ.

CXXIV.

ПѢСНЯ.

Не жена ему
Я, вѣнчанная,
Да люблю его,
Окаянная.
Для него ли я,
Друга милаго,
Домъ родной, отца,
Мать покинула.
Безъ него отъ слезъ
Я не вижу дня...
Словно зельемъ онъ
Опьянялъ меня.
По полямъ весной
Все гулялъ со мной
До тѣхъ поръ, пока
Не сходилъ къ другой...
И теперь за ней
Онъ гоняется,
А со мной, злодѣй,
И не знается.

CXXV.

ДУМА.

Часы бѣгутъ,
И передъ нами,
Какъ сонъ, пройдутъ
Всѣ дни съ годами.
И вѣкъ пройдетъ,
Настанетъ новый,
А жизнь куетъ
Однѣ оковы.
Однѣ кругомъ
Растутъ могилы...
Въ краю родномъ
Все меньше силы,
Все льется кровь,
Народъ дичаетъ...
Одна любовь
Не умираетъ.

CXXVI.

ПѢСНЯ.

Не калинушка цвѣтетъ
Во садочкѣ,
Не соловушка поетъ
Во зеленомъ.
То красавица груститъ,
Всѣ-то ночки
На постели пуховой
Ей не спятся.

Сердце бѣдное стучитъ
И тревожно
Грудь лебяжью высоко
Подымаетъ.
Дума бродитъ далеко
О дружочкѣ,
Что не съ нею, молодой,
Онъ гуляетъ.

CXXVII.

Какъ много горя, посмотри!
А ты зачѣмъ, баянъ народный,
Предъ нимъ потупилъ взоръ смущенный?
Страдай со всѣми иль умри!
Уйди туда, гдѣ нѣтъ страданья,
Гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханья,
Гдѣ вѣчный царствуетъ покой
И замираютъ всѣ желанья!
Туда безсмертною душой
Уйди, страдалецъ терпѣливый,
Съ завѣтомъ счастья и любви,
И тамъ, свободный и счастливый,
Въ народной памяти живи!

CXXVIII.

РЕБЕНКУ.

Рости и пой, мое дитя,
Пока тебѣ еще поется,
Пока, играя и шутя,
На свѣтѣ весело живется!

Минуютъ молодости годы,
Обманутъ юныя мечты;
Какъ я, безъ счастья и свободы,
Тоску души узнаешь ты.

И будешь жизнію томиться
И впереди чего-то ждать,
О чемъ-то пламенно молиться
И молча плакать и страдать.

CXXIX.

Прочь съ души моей, печали!
Снова струны зазвучали
Въ тишинѣ ночной.

Каждый звукъ ихъ пѣсенъ проситъ
И пѣвца полей уноситъ
За собой.

И я имъ готовъ отдаться,
Въ свѣтлыхъ грезахъ замечтаться,
Съ ними жить,

Чтобъ тоску всей жизни скучной
Пѣсней радостной и звучной
Заглушить.

CXXX.

Какъ туча мимо насъ прошла,
Такъ ясно было небо!
Тогда со мной ты рядомъ шла
Среди колосьевъ хлѣба;

Они то бились о плечо,
То станъ твой обвивали;
А мы все шли и горячо
Другъ друга цѣловали.

CXXXI.

ПѢСНЯ.

Бѣлый свѣтъ не милъ,
Не милешенекъ,
Что живу я вѣкъ,
Горе мыкаю.
Съ малыхъ лѣтъ живу,
Только маюся,
На душѣ таю
Грусть великую.
Ты куда жъ, куда,
Счастье-долюшка,
Куда скрылося,
Подѣвалося?
Хоть бы въ пѣснѣ ты,
Жизнь счастливая,
Съ вольной волею
Мнѣ сказалася!

CXXXII.

ПѢСНЯ.

Не видать пути мнѣ, дороженьки,
Бѣлый свѣтъ вокругъ затуманился.
Надо мной однѣ тучи носятся,
Схоронилось въ нихъ солнце красное.

Дѣться некуда безпріютному,—
Ни родныхъ, друзей, ни товарищей;
При нуждѣ меня они кинули,
Во всѣ стороны разбѣжалися.
И стою одинъ я подъ бурею...
Свистну-гаркну имъ—не откликнутся,
А и встрѣтятся гдѣ на улицѣ—
Стороной пройдутъ, не поклонятся.
Для того ли мнѣ родной батюшка
Вложилъ въ грудь мою силу крѣпкую,
Чтобы вся она по чужимъ людямъ
Въ сторонѣ чужой размоталася?

CXXXIII.

Дитя. твои глазки прелестны,
Какъ эти во ржи васильки;
Когда ихъ не вижу—дѣваться
Не знаю куда отъ тоски.
Ахъ, какъ бы хотѣлъ я, родная,
Съ тобою до гроба прожить
И въ любящемъ сердцѣ прекрасной
И юной тебя сохранить.

CXXXIV.

РАДОСТЬ ПАХАРЯ.

Предо мной лежитъ
Поле чистое,
Въ сторонѣ шумитъ
Рожь зернистая;
Ко сырой землѣ
Наклоняется

И, какъ въ золотѣ,
Вся купается.
Васильки-цвѣтки
На меня глядятъ,
Словно рѣчь со мной
Завести хотятъ;
Къ нимъ склонивъ лицо
Загорѣлое,
Скоро срѣжетъ ихъ
Жница смѣлая;
И начнетъ вязать
Вмѣстѣ съ колосомъ,
Въ золотыхъ снопахъ
Класть на полосу.
Я свожу снопы
На свое гумно,
Смолочу цѣпомъ,
Уберу зерно,
Размелю его
Между двухъ камней,
Отдохну зимой
До весеннихъ дней.
А придетъ весна,
И тогда опять
Снова буду я
Урожая ждать.

CXXXV.

ДУМА.

Какъ вѣтеръ пустыни
Вздымаетъ песокъ,
Какъ въ горныхъ ущельяхъ
Бушуетъ потокъ,

Какъ въ воздухѣ ясномъ
Орлиный полетъ,—
Стремительно быстро
Такъ время идетъ.
Цвѣтущее жизнью
Во прахъ повергаетъ
И радость живущихъ
Въ печаль обращаетъ.
Что было, что будетъ,
Что вѣчность сулитъ,—
Все въ мірѣ земное
Землѣ возвратитъ.

CXXXVI.

ИЗЪ АДЫ НЕГРИ.

Безо время фіалка въ травѣ расцвѣла,
Охватилъ ее воздухъ холодный,
И она подъ дыханьемъ его умерла,
Не дождавшись весны благотворной.
Такъ готовила я поцѣлуй огневой,
Только ты отъ него отвернулся,
И онъ раньше, чѣмъ жить, въ сердцѣ кровью живой,
Какъ цвѣтокъ отъ мороза, свернулся.

CXXXVII.

Когда горю я какъ въ огнѣ,
Когда душа моя страдаетъ,
То муза кроткая ко мнѣ
Въ мой бѣдный уголъ залетаетъ;

Со мною вмѣстѣ раздѣляетъ
Мою душевную печаль
И за собою увлекаетъ
Меня въ чарующую даль.

CXXXVIII.

КЪ РАДОСТИ.

Пой, пѣвецъ, пока поется,
Пока любовью сердце бьется,
  Въ годину бѣдъ не унывай!
Своею пѣснею свободной
Цѣлитель будь тоски народной
  И всѣхъ на радость призывай!

CXXXIX.

И снится мнѣ, что придавили
Меня землей; я былъ въ могилѣ,
Она холодная была.
Вокругъ меня лежала мгла,
И черви скользкіе вползали
Сквозь щели гроба и сосали
Мою застынувшую кровь,
И прямо въ сердце заползали,
Въ которомъ билася любовь—
Любовь горячая къ народу
И къ каждой твари на землѣ,—
Звала на свѣтъ и на свободу...
Недѣли, мѣсяцы, года

Смѣнялись цѣлыми вѣками...
И я исчезнулъ навсегда,
Какъ царь и царства съ племенами,
Въ землѣ, источенный червями.

CXL.

Еще надъ милой стороною
Чуть вѣетъ ясною весною,
Съ родныхъ полей сбѣгаетъ снѣгъ—
Надъ столбовой большой дорогой
Его осталося немного—
И стукъ разносится телѣгъ.
Своихъ лошадокъ понукая,
Усѣвшись плотно на мѣшки,
Въ уѣздный городъ мужики
Везутъ остатокъ урожая.
Что дѣлать? Крайняя нужда
Всѣхъ бѣдныхъ гонитъ въ города;
А мужиковъ она тѣмъ болѣ
Не оставляетъ никогда,
Томитъ и въ городѣ, и въ полѣ.

CXLI.

Вотъ и осень пришла;
Забѣлѣли снѣжки,
Принакрыли поля
И одѣли лужки.

Не звенятъ ужъ давно
Божьихъ птицъ голоса,
Тучки ходятъ кругомъ
Бороздятъ небеса.

Слышно, какъ надъ дворомъ
Буйный вѣтеръ шумитъ,
Рвется въ старый заборъ
И ставнями стучитъ.

Ночь настанетъ, въ селѣ
Смолкнетъ говоръ и шумъ,
Только я не усну
Отъ надуманныхъ думъ.

И припомнятся мнѣ
Въ эту пору одни
Молодые года,
Какъ осенніе дни.

CXLII.

Играйте, дѣти! Ваши годы
Припоминаются и мнѣ,
Когда я, какъ дитя природы,
Жилъ на родимой сторонѣ;
И самъ съ собой, наединѣ,
Въ большомъ зеленомъ огородѣ
Не разъ въ весенній ясный день
Я пѣлъ, какъ птичка на свободѣ;
Или подъ сладостную тѣнь
Густой черемухи ложился

Съ мечтами первыхъ юныхъ дней
О счастьи родины моей...
Теперь не то,—я истомился,
Мнѣ больше некуда идти.
Прошу у Бога только свѣта,
Чтобъ не погибнуть на пути
И знамя славное поэта
До гроба чистымъ донести.

II.

ПѢСНИ МОЛОДОСТИ.

(1866—1875.)

I.

Отъ тоски кручины
Истомился я...
Гдѣ ты, золотая
Молодость моя?!

Гдѣ ты, радость-счастье,
Первая любовь?
Все прошло, все сгибло,
Не вернется вновь.

Не запѣть ли пѣсню?
Можетъ быть, хоть съ ней
Я забуду горе
Пережитыхъ дней!

II.

Ахъ, ты, жизнь моя,
Жизнь бездольная,
У чужихъ людей
Подневольная!

Ты прошла, какъ ночь,
Подъ туманами,
Подъ холодными
Ураганами;

Безъ любви прошла,
Какъ безъ солнышка,
Вся безъ радости
Размоталася.

Не видать, когда
Пронеслась стрѣлой,
Въ горькой бѣдности
Миновалася.

III.

Мы весною другъ друга узнали;
Твои рѣчи мнѣ въ душу запали,
Не могу ихъ съ тѣхъ поръ я забыть
И стараюсь при встрѣчѣ съ тобою,
Какъ съ своею любимой сестрою,
Говорить, говорить, говорить.
Ты, какъ лучъ животворнаго мая,
Красотою небесной сіяя,
Освѣтила мой жизненный путь;
И, твоею любовью согрѣтый,
Въ томъ сіяньи горячаго свѣта
Я совсѣмъ бы желалъ утонуть.

IV.

Въ сердечной тоскѣ нестерпимой,
Не кончивши битвы съ судьбой,
Мнѣ хочется, другъ мой любимый,
Наплакаться вмѣстѣ съ тобой.

Мнѣ хочется также казаться
Порою и сильнымъ въ борьбѣ,
Не плакать, а пѣть и смѣяться,
Чтобъ весело было тебѣ.

V.

Оттого, голубка,
Такъ тебя люблю я
Пламенной душой,
Въ розовыя губки
Оттого цѣлую,
Чтобы не коснулся
Къ нимъ никто другой;
Оттого, что вижу
Я въ тебѣ святую,
Ангельскую душу
И что будешь вѣрной
Ты моей женой.

VI.

Въ майскій день ты со мной повстрѣчалась,
Жгучимъ взглядомъ меня опалила
И какъ искру въ горячее сердце
Навсегда мнѣ любовь заронила.
Такъ подай же мнѣ, милая, руку,
И пойдемъ мы одною дорогой,
Раздѣлимъ нашу радость и горе
Вмѣстѣ съ бѣдностью жизни убогой.

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА

VII.

Кроткою улыбкой
Въ сладкій часъ свиданья
Ты осушишь слезы,
Пролитыя мной,
Жаркимъ поцѣлуемъ
Заглушишь страданья
И весь гнетъ неволи
Въ сторонѣ родной.
Жизнію своею,
Горькой и бездольной,
Ты пробудишь жалость
Въ сердцѣ молодомъ,—
Вдругъ оно заноетъ,
Разгрустится больно,
И застонутъ струны
Новыхъ пѣсенъ въ немъ.

VIII.

Какъ долго я страдалъ,
Когда съ тобой разстался,
Съ какою грустью стихъ
Изъ сердца вырывался;
Я въ немъ изображалъ
Твой образъ незабвенный
И думалъ о тебѣ,
Мой другъ неоцѣненный.
Когда же тихій сонъ,
Какъ добрый ангелъ ночи,
Спускался надо мной
И закрывалъ мнѣ очи,—

О, другъ мой, и тогда
На краткое мгновенье
Являлася ты мнѣ,
Какъ чудное видѣнье.

IX.

Ужели ты, красавица,
Въ любви своей и вѣрности
Забыла клятвы прежнія
И мнѣ грозишь измѣною?

Не ты ли въ ночи темныя,
Бывало, съ добрымъ молодцемъ
Тайкомъ отъ старой матери
Сходилась на свиданіе?

Не ты ли мнѣ въ урочный часъ
Шептала рѣчи сладкія
И въ церковь подъ вѣнецъ идти
Со мною обѣщалася?..

Тогда тебѣ повѣрилъ я,
А и теперь не вѣрится,
Что ты, моя красавица,
На золото польстилася.

X.

Тебя я встрѣтилъ, другъ прелестный,
Въ кругу измѣнчивыхъ друзей,
И чувствъ, мнѣ прежде неизвѣстныхъ,
Открылъ родникъ въ груди моей.

Вдругъ сердце пламенно забилось,
Съ тобой я началъ разговоръ,
И забывалъ, что говорилось,
И только видѣлъ милый взоръ.

XI.

Какъ увижу тебя,—
Съ плечъ кручина долой,
Чувства просятся вонъ
Изъ груди молодой,
Сердце бьется сильнѣй...
Только взглянешь едва,—
Вздрогну я, на устахъ
Замираютъ слова;
Молвишь слово въ отвѣтъ,—
Я стою и горю,
Только сердцемъ своимъ
О любви говорю.
Радость жизни въ тебѣ
И все счастье мое...
Раздѣли же со мной
Ты лихое житье!

XII.

Пришло времечко,—
Знать, навѣкъ съ тобой
Намъ разстаться, другъ,
Суждено судьбой;
Поцѣлуй меня,
Приголубь скорѣй,

Ноетъ грудь моя
На груди твоей.

Ноги рѣзвыя
Подкосилися,
Очи ясныя
Помутилися;
Сердце пташкою
Встрепенулося,
Тяжело младой
Мнѣ взгрустнулося.

Ахъ, и ты, какъ я,
Свой туманишь взглядъ,—
Видно, милый мой,
Не придешь назадъ;
Видно, намъ съ тобой
Вѣкъ въ разлукѣ быть,
У чужихъ людей
Во неволѣ жить.

XIII.

Полетать бы пташечкѣ
Осенью холодною,
Порѣзвиться,
Только непогодушка
Изъ родного гнѣздышка
Не пускаетъ.
Погулять бы молодцу,
Поиграть съ красавицей
Въ хороводѣ,
Да неволя горькая
Крылья соколиныя
Подсѣкаетъ.

Въ злую непогодушку
Есть гдѣ вольной пташечкѣ
Пріютиться,
Только добру молодцу
На чужой сторонушкѣ
Нѣтъ пріюта.
Безъ любви, безъ радости
Молодость загублена
Злой нуждою;
Не утѣшитъ молодца
Душа красна дѣвица
Красотою.

XIV.

Какъ сошлися мы съ тобою,
Съ той поры, гдѣ бъ ни былъ я,
Ты всегда передо мною,
Ненаглядная моя.

То мнѣ звѣздочкой блистаешь,
То вечернею зарей,
То цвѣточкомъ расцвѣтаешь
Надъ зеленою травой.

Ни моря, ни даль степная
Насъ не могутъ разлучить,
И нигдѣ, и никогда я
Не могу тебя забыть.

XV.

Жавороночекъ
Надъ проталинкой
Высоко летитъ,
Поетъ жалобно
Громкимъ голосомъ,
Заливается.
У меня ль въ груди,
Добра молодца,
Не могу понять,
Съ чего грусть-тоска
Пуще прежняго
Разгорается;
Оттого ли, что
Безо времени
Моя силушка
Богатырская
По чужимъ людямъ
Размоталася?
Аль съ того ли, что
Душа-дѣвица
Вдругъ въ недобрый часъ
Измѣнила мнѣ,
Надъ моей тоской
Насмѣялася?

XVI.

Собирайтесь вы, подруженьки
Мои милыя, на бесѣдушку,
На послѣдній день моей радости,
Хоронить мою волю дѣвичью.

Отецъ съ матерью замужъ силою
Выдаютъ меня за немилаго.
Разсудите-ка вы, голубушки,
Разгадайте-ка мнѣ по совѣсти,
Какъ съ немилымъ я вѣковать буду,
И какъ замужемъ горемычная
Мою молодость коротать буду?!

XVII.

Ахъ, головушка
Моя буйная,
Голова моя
Неразумная!
Отчего на грудь
Ты склонилася,
Что задумалась
И взгрустилася?
Али вспомнила,
Молодецкая,
Про красавицу,
Дочь отецкую,
Какъ съ тобой она,
Словно ласточка
Вокругъ гнѣздышка,
Увивалася,
Когда былъ у насъ
Съ нею пиръ горой
И когда мнѣ все
Удавалося?..
Отчего жъ теперь
Ты грустишь со мной?

Разскажи, къ чему
Моя буйная
Привела тебя
Жизнь разгульная.

XVIII.

Поднялась, заколосилася,
Вся дозрѣла въ полѣ рожь.
Что жъ ты, другъ мой, разгрустилася,
Прежнихъ пѣсенъ не поешь?

Али взялъ тебя я силою,
Аль не любъ тебѣ, скажи?
Не грусти же, моя милая,
Слезъ горючихъ не кажи!

Самъ я выросъ горемыкою,
Самъ не знаю, какъ мнѣ быть,
Какъ тоску мою великую
На груди твоей излить.

XIX.

Въ полѣ непогода,
На небѣ темно,
И стучится вѣтеръ
Въ тусклое окно.

Скучно, не привольно
Въ эту пору ей,
Милой, ненаглядной
Лапушкѣ моей.

Слезы льются сами,
Катятся рѣкой,
Грудь щемитъ и ноетъ
Жгучею тоской.

Но когда приду я,
Стукну подъ окномъ,—
И любовь и радость
Принесу ей въ домъ.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДИ.

XX.

Я пѣснь пою, какъ царь Давидъ
Когда-то пѣлъ въ псалтири,
О тѣхъ, кто въ грѣшномъ мірѣ
Униженъ и забитъ;
О тѣхъ, кто радости не зналъ,
Всю жизнь упорно кто трудился,
Кто съ злой неправдой не мирился
И съ ней въ борьбѣ не уставалъ.

XXI.

У чужихъ людей не знаю
Я ни дня свободы,
За работою проходятъ
Молодые годы.

Ломитъ спину, ломитъ плечи,
На рукахъ мозоли,
Надрывается порою
Грудь моя отъ боли.

Все жъ доволенъ своей долей,—
Не совсѣмъ я нищій:

Богъ далъ разумъ, Богъ далъ силу,
Богъ даетъ и пищу.

Придетъ горе, я поплачу,
Радость—посмѣюся
Или въ пѣснѣ молодецкой
Соловьемъ зальюся.

1869.

XXII.

СТАРОМУ ДРУГУ.

(С. А. Барашкову.)

Въ чужомъ, далекомъ городѣ
Мы встрѣтились съ тобой
И въ жизнь одной дорогою
Пошли рука съ рукой.

Пошли впередъ съ надеждою
Въ ней счастіе найти,
И часто приходилося
Намъ ощупью идти.

Вѣкъ шли такъ, тьмой объятые,
Съ покорностью судьбѣ,
Ни радости не знаючи,
Ни отдыха себѣ.

И вотъ, дошли къ могилѣ мы
Съ тобою тѣмъ путемъ...
Авось теперь уляжемся
И скоро отдохнемъ.

XXIII.

Не забыть никогда мнѣ зимы,
Какъ съ тобой, ненаглядная, мы
Вмѣстѣ ночь коротали вдвоемъ...
Передъ нами свѣча догорала,
Вся деревня покоилась сномъ,
Только слышно, надъ нашимъ дворомъ
Громко вьюга одна завывала.
Мы въ ту пору съ тобой вспоминали
Всѣ прожитые наши года,
Наши радости, наши печали...
Какъ мы счастливы были тогда,
Какъ тепло наши рѣчи звучали!

XXIV.

КУЗНЕЦЪ И ЕГО СЫНЪ.

(Памяти крестьянина д. Низовки *В. П. Земскова.*)

На берегу рѣки большой
Есть старое селенье,
Вдали его, за горкою,
Между двумя сосенками,
У лѣса у зеленаго
Стоитъ, отъ дыма-копоти
Вся черная, какъ старый грибъ,
Съ дерновой крышей кузница.
Въ той кузницѣ кузнецъ лихой
Стучитъ, гремитъ что силы есть,
Съ плеча тяжелымъ молотомъ,
Руками загорѣлыми
Куетъ подкову красную.
Съ лица на грудь широкую

Потъ градомъ льется-катится;
Оно покрыто сажею,
А умъ, какъ въ ясномъ зеркалѣ,
Въ глазахъ его виднѣется...
У горна сынъ, кудрявъ, румянъ,
Стоитъ съ открытымъ воротомъ,
Глядитъ въ огонь, ворочая
Рукой мѣхи огромные;
Отъ нихъ жарчѣй становится,
Горнъ дышитъ яркимъ пламенемъ,
А искры такъ и сыплются
На голову кудрявую.
Лихой кузнецъ готовую
Подкову бросилъ въ сторону,
Изъ горна вынулъ новое
Желѣзо раскаленное
И сталъ ковать онъ палицу,
Къ сохѣ родной приставницу...
Такъ часто съ утра до ночи
Онъ въ кузницѣ работаетъ,
И поспѣваетъ на поле—
Вспахать свою полосыньку,
Посѣять въ землю хлѣбушка,
Собрать, изъ поля вывезти,
Въ снопахъ, тяжелыхъ колосомъ,
Сложить въ скирды, повысушить
И, смолотивъ до зернышка,
Смолоть его на мельницѣ;
Срубить въ лѣсу и жердочку
И запасти въ немъ на зиму
Дровецъ для отопленія...
А сынъ смекаетъ: «Вырасту
Большой, вотъ такъ же буду я
Ковать тяжелымъ молотомъ;
Скую себѣ желѣзный плугъ

И борону желѣзную,
Женюсь потомъ и стану жить
Самъ-другъ тогда съ хозяйкою.
Зимою буду въ кузницѣ
Ковать все то, что надобно
Крестьянину и барину,
А лѣтомъ въ пору страдную
Косить траву, распахивать
Землицу заповѣдную».

1870.

XXV.

МАЛОРОССІЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Не малинушка съ калиной
Во садочкѣ гнется,—
Передъ молодцемъ дѣвица
Какъ голубка вьется.

Вьется, вьется молодая,
А сама вздыхаетъ
И на розовыя щечки
Слезы проливаетъ.

«Ахъ, куда, мой голубь сизый,
Куда уѣзжаешь?
На кого ты сиротою
Меня оставляешь?»

—Уѣзжаю я въ сторонку
Дальнюю, чужую,
Чтобы биться тамъ съ врагами
Мнѣ за Русь святую.

Но какъ солнышко весною
Землю обогрѣетъ,
Какъ съ травою-муравою
Лѣсъ зазеленѣетъ,

И какъ съ яблонькой въ садочкѣ
Зацвѣтетъ калина,—
Въ эту пору, въ это время
Жди меня съ чужбины.

Не томи же мое сердце
Грустными рѣчами,
Улыбнись, взгляни мнѣ въ очи
Ясными очами.

Ну, прощай, Господь съ тобою!
Хоть на сердцѣ больно,
Надо ѣхать!—И умчался
Казачина вольный...

Вотъ и лѣто миновало,
Листья облетѣли,
И цвѣточки отъ мороза
Съ травкой помертвѣли.

Скоро снѣгомъ запушило
Всѣ пути-дорожки,
А красавица грустила,
Сидя у окошка.

Вотъ повѣяло весною,
Солнце засіяло,
Вмѣстѣ съ яблонькой калина
Пышно расцвѣтала;

Пѣли птички, и жужжали
Пчелы надъ долиной,

А она, какъ прежде, горько
Плачетъ сиротина:

«Если бъ знала я, дѣвица,
Гдѣ поѣдетъ милый,
Всю бы, всю ему дорожку
Мостики мостила;

Для него бы я цвѣтами
Хату разубрала,
Все къ себѣ бы дорогого
Друга дожидала.

Ахъ, куда ты, соколъ ясный,
Отъ меня укрылся?
Не въ лѣсу ли темной ночью
Конь твой заблудился?

Али матушка родная
Дома задержала,
Али сердце молодое
Биться перестало?»

—Знаю я къ тебѣ дорогу,
Конь не заблудился,
А и съ матерью родною
Съ вечера простился.

Но лишь выйду за ворота,
Коня осѣдлаю,
Рядомъ съ нимъ ужъ горько плачетъ
Дѣвица другая.

Только тронусь я въ дорогу,
И она за мною,—
Его держитъ за поводья
Правою рукою;

И такъ жалобно бѣдняжка
Плачетъ и вздыхаетъ,
Что тоска ея мнѣ больно
За сердце хватаетъ.

1874.

XXVI.

На всей на вольной волюшкѣ
По небу облака летятъ,—
Летятъ они, куда хотятъ,
И никого не спросятся;
Вдругъ встанутъ черной тучею,
Грозою опояшутся,
Прольются частымъ дождикомъ
И молніей освѣтятся;
Потомъ опять во всѣ края,
Куда хотятъ, расходятся...
Завидна мнѣ ихъ волюшка,
Свобода драгоцѣнная!
А я-то, добрый молодецъ,
Безъ радости, безъ волюшки,
Судьбы своей не вѣдая,
Богъ знаетъ гдѣ скитаюся.
Нужда рукой желѣзною
Сломала и подрѣзала
Мнѣ крылья соколиныя;
На дальней на сторонушкѣ,
Въ чужихъ домахъ, въ неволюшкѣ
Всю силу богатырскую
Сгубила и осилила.

1875.

XXVII.

НА ТРОЙКѢ.

Прощай, сторонушка родная,
Мой домъ, съ деревнею родной!
Передо мною даль степная,
Сіяютъ звѣзды надо мной,
Впередъ и весело и бойко
Несетъ меня лихая тройка...
Среди высокихъ камышей
Свободный вѣтеръ пробѣгаетъ,
Ямщикъ тихонько напѣваетъ
Мнѣ пѣсни родины своей;
Поетъ по-своему онъ внятно,
На языкѣ, мнѣ непонятномъ,
Но будто родственномъ душѣ;
Киргизъ слагалъ ихъ въ шалашѣ,
Въ степи, подъ небомъ необъятнымъ,
И пѣлъ, ударивъ по струнамъ,
Какъ я, и въ городѣ и въ полѣ,
Пѣлъ о крестьянской бѣдной долѣ
Вокругъ собравшимся друзьямъ.
И вотъ я слушаю пѣвца,
Рисуя пламенной душою
То мать, то бѣднаго отца,
То дѣву съ русою косою...
Но та же степь передо мною
Лежитъ, казалось, безъ конца.
И все впередъ, впередъ несутъ
По ней лошадушки степныя
Въ безвѣстный край, гдѣ не родные
Меня въ свои объятья ждутъ,
И не невѣста молодая,—
Чужіе люди, и чужая

Совсѣмъ не русская семья...
О, какъ теперь желалъ бы я
Опять въ деревню воротиться,
Въ избѣ родимой пріютиться,
Пожить въ семьѣ своей родной,
Въ лѣсу и на полѣ весной
Съ утра до вечера трудиться,
Потомъ забыть для милой дѣвы
И степь и дикіе напѣвы.

4 іюня 1875 г.

XXVIII.

Какъ пѣсню запою я
О родинѣ моей,—
Такъ знай, что не одну я
Тебя, мой другъ, люблю я,
А всѣхъ съ тобой людей;
Когда же всей душою
Страдаю я за нихъ,—
Желаю, чтобъ со мною
Любовію одною
И ты любила ихъ.

9 августа 1875 г.
г. Ташкентъ.

XXIX.

Вѣтеръ надъ крышей бушуетъ,
Снѣгъ подметаетъ къ избѣ,
Въ окна промерзлыя дуетъ,

Жалобно воетъ въ трубѣ.
Люди съ тяжелою думой
Въ нашей деревнѣ родной
Бродятъ какъ тѣни угрюмо,
Борются съ горькой нуждой;
Холодъ и голодъ выносятъ,
Въ праздникъ сбираются въ храмъ,
Съ жаркой молитвою просятъ
Хлѣба насущнаго тамъ.
Боже, услышь ихъ моленья,
Грѣшныя думы прости,
Дай имъ и силъ и терпѣнья
Крестъ свой тяжелый нести!
Кровью политый народной,
Господи, вырасти плодъ,
Чтобы зимою холодной
Не голодалъ Твой народъ!

1877.

XXX.

ПТИЦЫ.

Славныя птицы Богъ знаетъ откуда
Къ намъ прилетѣли,
Новыя пѣсни, такія, что чудо,
Громко запѣли.

Весело, смѣло пѣвуньи взлетали
Съ вѣтки на вѣтку,
Только охотники злые хватали
Часто ихъ въ клѣтку.

Славныя птицы, лишенныя воли,
Все жъ не боялись

Пѣть свои пѣсни и въ чистое поле
Дружно всѣ рвались,

Чтобы попрежнему узницамъ слиться
Тамъ съ голосами
Пташекъ свободныхъ и съ ними укрыться
Подъ небесами.

1878.

XXXI.

Вотъ знакомый старый домъ,
Дальше подъ горою
Вьется рѣчка за селомъ
Лентой голубою.

Сквозь туманъ передо мной
Лѣсъ встаетъ дремучій,
Въ небесахъ бѣгутъ толпой
Сѣренькія тучи.

Какъ бы весело мнѣ жить
На такомъ просторѣ,
Да нельзя похоронить
Здѣсь лихое горе.

1878.

XXXII.

На столѣ ужъ цвѣты полевые стоятъ
И по комнатѣ льютъ ароматъ;
Слышу я, какъ мнѣ птичка щебечетъ въ окно,
Что проснулося солнце давно,
Что родная земля на работу зоветъ:

Собирайся, крещеный народъ!
Исправляй сошники, починяй хомуты,
Принимайся за пашенку ты!
Распаши-ка поля, взборонуй и посѣй
Въ землю рыхлую зерна скорѣй,
Чтобъ подъ осень собрать урожай и зимой
Не ходить Христа-ради съ сумой!

XXXIII.

Привѣтно солнышко съ небесъ
Міръ Божій озаряетъ,
Шумитъ-гудитъ дремучій лѣсъ,
Трава благоухаетъ.

Въ кустахъ малиновка поетъ,
Ручей звенитъ и льется,
Крестьянинъ вышелъ изъ воротъ
И за соху берется;

Идетъ онъ слѣдомъ за своей
Лошадкою убогой,
А солнце льетъ тепло лучей
Надъ пыльною дорогой.

1880.

XXXIV.

НА МОГИЛѢ СЫНА.

Снѣгомъ крытая могила
Предо мной;
Спишь ты въ ней, мой мальчикъ милый,
Дорогой.

Русская Публичная Библиотека

Будетъ время, какъ морозы
Пропадутъ,
Сосны, ели и березы
Оживутъ;
Снова солнце золотое
Заблеститъ,
Голосъ птички надъ тобою
Прозвенитъ,—
Окроплю твою могилу
Я слезой...
Спи, мой сынъ, мой мальчикъ милый,
Дорогой.

1883.

Руска
БИБЛИОТЕКА
въ Бѣлградѣ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Поэтъ-пахарь. Статья *А. А. Коринфскаго* . . . . . 5—15

1906.

I. Народному пѣвцу 19
II. Сторонка благодатная . . . . . —
III. Отъ юныхъ лѣтъ до старости 20
IV. Томительный кончился день, и прохладой 21
V. Черемуха душистая . . . . . —
VI. На улицѣ стало безлюдно 22
VII. Охъ, въ тяжелую, братцы, мы пору живемъ 23
VIII. Ласточки . . . . . —
IX. Морозъ въ окно глядитъ и дышитъ 24
X. Зимняя сказка 25
XI. Пѣсня пловца 27
XII. Мнѣ грустно отчего-то 28
XIII. Роняютъ вкругъ меня деревья . . . . . —
XIV. Довольство крестьянина 29
XV. Озимь . . . . . —
XVI. Пришла весенняя пора 30
XVII. Отчего задумчивъ я 31
XVIII. Я только всталъ и распахнулъ . . . . . —
XIX. Привольно дышитъ грудь моя 32
XX. Бываютъ дни, когда мнѣ скучно . . . . . —
XXI. Изъ пѣсенъ про горе 33
XXII. Пѣсня сироты 34
XXIII. Октавы . . . . . —
XXIV. Въ тучѣ за туманами 35
XXV. Въ степи 36

Стр.

1907.

XXVI. Ахъ, какъ желалъ бы я пропѣть 36
XXVII. По небу облачко плыветъ 37
XXVIII. Мое сердце . . . . . —
XXIX. Солнышко сѣло 38
XXX. Опять весна вернулася . . . . . —
XXXI. Я пою, что ляжетъ 39
XXXII. Чуть въ избѣ холодной . . . . . —
XXXIII. За рѣшеткой 40
XXXIV. Четыре времени года . . . . . —
XXXV. Люблю я сельскій мой пріютъ 43
XXXVI. На могилѣ Т. Г. Шевченко . . . . . —
XXXVII. Отгремѣла гроза 44
XXXVIII. Въ тишинѣ глубокой . . . . . —
XXXIX. Ужъ дни осенніе пришли . . . . . —
XL. Горе меня истомило 45
XLI. Отчего такъ пахнутъ розы . . . . . —
XLII. Пѣсня. Въ лѣтній вечеръ, когда зорюшка 46
XLIII. Бабушка и внучекъ . . . . . —
XLIV. Вечеръ въ Малороссіи 48
XLV. Кругомъ поле словно море . . . . . —
XLVI. Зачѣмъ на родинѣ, какъ прежде 49
XLVII. Осенней ночью 50
XLVIII. Зима пришла . . . . . —
XLIX. Пѣсня. Разгрустился добрый молодецъ 51
L. Вечеръ послѣ труда 52
LI. Бѣдному другу . . . . . —
LII. Нужды и бѣдъ 53

1908.

LIII. Изъ прошлаго 53
LIV. За мной остался старый городъ 55
LV. О, дайте съ теплымъ солнцемъ . . . . . —
LVI. Кладъ 56
LVII. Предо мной поля . . . . . —
LVIII. Когда грусть-тоска 57
LIX. Хорошо весной 58
LX. Снова я вижу съ раздольемъ полей . . . . . —
LXI. Изъ далекихъ странъ 59
LXII. Давно проснулося село 60

Стр.

LXIII. Солнышко только взошло 61
LXIV. Ночною порой мнѣ не спится, когда . . . . . —
LXV. Буду пѣть пока 62
LXVI. И день и ночь въ мое окно . . . . . —
LXVII. Я вспоминаю барскій домъ 63
LXVIII. Осень глухая настала 64
LXIX. Съ теплою весною . . . . . —
LXX. Счастливая доля 65
LXXI. Отвяжись, тоска, не томи меня 66
LXXII. Бездомные 67

1909.

LXXIII. Къ Богу 67
LXXIV. За весной настало лѣто 68
LXXV. Вдохновеніе 69
LXXVI. Пѣсня. Земляничинка моя . . . . . —
LXXVII. Пѣсня. Я люблю тебя, моя милая 70
LXXVIII. Мнѣ не спится на жесткой постели моей . . . . . —
LXXIX. Пѣсня. Время золотое 71

1910.

LXXX. Старый бродяга 71
LXXXI. Пѣсня. Что, головушка побѣдная 72
LXXXII. Завѣтъ крестьянскаго поэта 73
LXXXIII. Пѣсня. Ахъ, вы ночи, мои ноченьки . . . . . —
LXXXIV. Привольно лѣтомъ дышится 74
LXXXV. Зима. Безлюдье, и кругомъ . . . . . —
LXXXVI. Въ народной школѣ 75
LXXXVII. Я въ лѣсъ вошелъ,—онъ весь . . . . . —
LXXXVIII. Памяти учителя 76
LXXXIX. Былые дни, былыя грезы . . . . . —
XC. Пускай какъ червь я пресмыкался 77
XCI. Посидѣлки. (Старая бывальщина.) . . . . . —
XCII. Бѣлѣетъ снѣгъ; кругомъ даль неба позолотой . . . 79
XCIII. Соколъ и его подруга . . . . . —
XCIV. Съ поля стадо вернулось домой 80
XCV. Снѣгъ летаетъ и сверкаетъ . . . . . —
XCVI. Всѣ вы, трудомъ и нуждой изнуренные 81
XCVII. Пѣсня. Ноетъ сердце, изнываетъ . . . . . —
XCVIII. 7 ноября 1 10 г. 82
XCIX. Въ лѣто жаркое . . . . . —

Стр.

1911.

C. Зачѣмъ, прикованный къ землѣ 82
CI. Пѣсня. Прошла молодость 83
CII. Разъ меня на полѣ дѣти 84
CIII. Весна-царица . . . . . —
CIV. Ахъ, ты, батюшка, свѣтлый мѣсяцъ нашъ 85
CV. Пѣсня. Заиграй-ка, балалайка 86
CVI. Молитва. Предъ яснымъ образомъ . . . . . —
CVII. Бездорожье 87
CVIII. Возвращеніе изъ города 88
CIX. Пѣсня. Красна дѣвица слюбилась съ молодцомъ . —
CX. Много пѣсенъ было спѣто 89
CXI. Вѣчный покой . . . . . —
CXII. Пѣсня. Калинка, калинка 90
CXIII. Памяти Н. А. Соловьева-Несмѣлова 91

1912.

CXIV. Когда тоска 92
CXV. Въ тихомъ безмолвіи ночи чарующей . . . . . —
CXVI. На родинѣ 93
CXVII. Прошла зима . . . . . —
CXVIII. Пѣсня про Микулу Селяниновича 94
CXIX. Дума. Подъ громъ небесъ и громъ трубы 97
CXX. Если бы всѣ книги 98
CXXI. Гдѣ ты, доля золотая . . . . . —
CXXII. Птичка 99
CXXIII. Съ какой-то силой неземною . . . . . —
CXXIV. Пѣсня. Не жена ему 100
CXXV. Дума. Часы бѣгутъ 101
CXXVI. Пѣсня. Не калинушка цвѣтетъ . . . . . —
CXXVII. Какъ много горя, посмотри! 102
CXXVIII. Ребенку . . . . . —
CXXIX. Прочь съ души моей, печали! 103
CXXX. Какъ туча мимо насъ прошла . . . . . —
CXXXI. Пѣсня. Бѣлый свѣтъ не милъ 104
CXXXII. Пѣсня. Не видать пути мнѣ, дороженьки . . . . . —
CXXXIII. Дитя, твои глазки прелестны 105
CXXXIV. Радость пахаря . . . . . —
CXXXV. Дума. Какъ вѣтеръ пустыни 106
CXXXVI. Изъ Ады Негри 107

Стр.
CXXXVII. Когда горю я какъ въ огнѣ 107
CXXXVIII. Къ радости 108
CXXXIX. И снится мнѣ, что придавили . . . . . —
CXL. Еще надъ милой стороной 109
CXLI. Вотъ и осень пришла . . . . . —
CXLII. Играйте, дѣти! Ваши годы 110

II.

ПѢСНИ МОЛОДОСТИ.

(1866—1875.)

I. Отъ тоски-кручины 115
II. Ахъ, ты жизнь моя . . . . . —
III. Мы весною другъ друга узнали 116
IV. Въ сердечной тоскѣ нестерпимой . . . . . —
V. Оттого, голубка 117
VI. Въ майскій день ты со мной повстрѣчалась . . . . —
VII. Кроткою улыбкой 118
VIII. Какъ долго я страдалъ . . . . . —
IX. Ужели ты, красавица 119
X. Тебя я встрѣтилъ, другъ прелестный . . . . . —
XI. Какъ увижу тебя 120
XII. Пришло времечко . . . . . —
XIII. Полетать бы пташечкѣ 121
XIV. Какъ сошлися мы съ тобою 122
XV. Жавороночекъ 123
XVI. Собирайтеся вы, подруженьки . . . . . —
XVII. Ахъ, головушка 124
XVIII. Поднялась, заколосилася 125
XIX. Въ полѣ непогода . . . . . —

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ

изъ старой тетради.

XX. Я пѣснь пою, какъ царь Давидъ 129
XXI. У чужихъ людей не знаю . . . . . —
XXII. Старому другу 130

Стр.

XXIII. Не забыть никогда мнѣ зимы 131
XXIV. Кузнецъ и его сынъ . . . . . —
XXV. Малороссійская мелодія 133
XXVI. На всей на вольной волюшкѣ 136
XXVII. На тройкѣ 137
XXVIII. Какъ пѣсню запою я 138
XXIX. Вѣтеръ надъ крышей бушуетъ . . . . . —
XXX. Птицы 139
XXXI. Вотъ знакомый старый домъ 140
XXXII. На столѣ ужъ цвѣты полевые стоятъ . . . . . —
XXXIII. Привѣтно солнышко съ небесъ 141
XXXIV. На могилѣ сына . . . . . —

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНІЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

С. Д. ДРОЖЖИНА.

1. **Стихотворенія** 1866—1888 гг. Третье значительно исправленное и дополненное изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, съ портретомъ и записками автора о своей жизни и поэзіи. М., 1907. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и включено въ списокъ сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ, а также удостоено преміи Императорской Академіи Наукъ имени М. Н. Ахматова.

2. **Поэзія труда и горя.** Новое собраніе стихотвореній 1889—1898 гг. Съ портретомъ автора, приложеніемъ и указателемъ статей объ его произведеніяхъ, составленнымъ П. Горбуновымъ-Посадовымъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М., 1901. Ц. 50 к.

3. **Новыя стихотворенія.** 1898—1903 гг. Съ приложеніемъ пѣсенъ изъ Старой тетради. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1904. Ц. 50 к.

4. **Завѣтныя пѣсни.** Стихотворенія 1904 — 1906 гг. Съ портретомъ автора. М., 1907. Ц. 30 к.

Удостоена преміи Императорской Академіи Наукъ имени М. Н. Ахматова.

5. **Родная деревня.** Стихотворенія для дѣтей и для юношества. Иллюстрированное изданіе „Посредника". Ц. 1 р. 20 к., въ красочной папкѣ 1 р. 50 к.

6. **Пѣсни крестьянина.** Изд. „Посредника". Ц. 10 к.

7. **Годъ крестьянина.** Стихотворенія для дѣтей и для юношества. Съ картинками. 2-е изданіе „Посредника". Ц. 5 к. Одобрено Учен. Ком. Минист. Народнаго Просв. для народныхъ читаленъ и библіотекъ.

8. **Пѣсни рабочихъ.** Изданіе „Посредника“. Ц. 3 к.

9. **Жизнь поэта-крестьянина** С. Д. Дрожжина (1848 — 1905 гг.), описанная имъ самимъ, и избранныя стихотворенія для дѣтей. Изданіе редакціи журналовъ: „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. М., 1906. Ц. 45 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просв. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

10. **Новыя русскія пѣсни.** Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М., 1909. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

Удостоена преміи Императорской Академіи Наукъ имени М. И Ахматова.

11. **Баянъ.** Стихотворенія. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М., 1909. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

Удостоена преміи Императорской Академіи Наукъ имени М. И. Ахматова.

Печатаются:

12. **Изъ мрака къ свѣту.** Стихотворенія для юношества. Изданіе „Посредника“.

13. **Сказки, легенды и были** для дѣтей и для юношества. Изд. т-ва И. Д. Сытина.

14. **Четыре времени года.** Стихотворенія для дѣтей. Иллюстрированное изданіе т-ва И. Д. Сытина.

Всѣ означенныя изданія можно съ наложеннымъ платежомъ также выписывать отъ автора: Ст. Новинская, Московск. губ., д. Низовка.

---

45 руб.